

ТУРЧЕНКО С. И.

ВЕТЕР, ВОДА

(из жизни геолога конца XX - начала XXI веков)

*Посвящаю своей любимой супруге Танечке,
верному другу и соратнику.*

НАЧАЛО ПУТИ

*Жизнь геолога – ветер, вода
Только жить соберешься сполна
На висках уж блестит седина...
Б. Кукин. Стихи*

Направленность развития моей жизни, как геолога и научного исследователя Земли, определилась еще в школьные годы. Подростком я зачитывался трудами великих русских географов и путешественников. Меня увлекали работы Н.М. Пржевальского, книги В.К. Арсеньева, посвященные изучению Приморского края. Еще одним любимым с детства автором стал для меня В. А. Обручев. С огромным интересом я читал как его научные исследования об арктических регионах России, так и популярные произведения: «Земля Санникова», «Плутония» и другие.

Я любил не только книги по географии нашей планеты, но и рассказы о морских путешествиях и приключениях. Но особенный интерес к науке я почувствовал, когда в восьмом классе стал ходить в Клуб юных геологов имени В.А. Обручева в ленинградском Дворце пионеров.

Здесь в 1950 году собралась группа энтузиастов – преподавателей Ленинградского Государственного университета, преимущественно геологического факультета, геохимического направления. Одним из моих любимых преподавателей стала Ольга Михайловна Римская-Корсакова. Она рассказывала нам о самых последних открытиях, о новостях мира научных знаний по геологии Земного шара, а особенно – Ленинградской области, Карелии и Кольского полуострова.

В клубе была довольно приличная коллекция минералов, которая использовалась как наглядное пособие на занятиях по минералогии, химии минералов и курсу коллекторов. Благодаря деятельности клуба, замечательным педагогам, грамотно выстроенному учебному процессу, увлекательным и живым занятиям множество юношей и девушек, представителей нескольких поколений, буквально влюбились

в геологию, выбрали ее своей профессией и верно служили науке в геологических учреждениях СССР и России.

Не удивительно, что и я не мыслил для себя никакого иного профессионального пути и, окончив в 1957 году среднюю школу, поступил на геологический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова.

Множество замечательных событий студенческой жизни связано для меня с учебными практиками. После первого курса практика проходила в поселке Саблино Тосненского района Ленинградской области, а после второго – в Крыму. Горы, цветущие сады и, особенно, Черное море, оставили в моей памяти яркий след на всю жизнь.

Как раз к тому времени было принято решение построить в Крыму учебную базу ЛГУ – силами самих студентов. Именно наш курс в 1959 году начинал стройку, а база и по сей день используется университетом.

Но по-настоящему моя профессиональная жизнь началась лишь на следующий год, со времени первой производственной практики. Она была связана с исследованиями, которые проводила Лаборатория геологии докембрия АН СССР в Восточных Саянах. Практика проходила под руководством Л.П. Никитиной, тогда еще научного сотрудника лаборатории, а ныне – главного научного сотрудника, профессора Института геологии и геохронологии докембрия РАН. В этом же институте уже много лет работаю и я.

Эта практика впервые дала мне опыт полевой экспедиционной жизни. Подготовка к ней началась с получения на складе огромного количества снаряжения. Оказалось, что вся работа, кроме пеших переходов и связанных с ними наблюдений, будет происходить на длинном маршрутном пересечении Восточно-Саянской горной страны от поселка Монды на юге Бурятии до железнодорожной станции Зима в Иркутской области. Передвигаться по этому пути предстояло с помощью вьючного и верхового конского транспорта в совершенно безлюдной местности. Целью работ было составление и изучение разрезов горных пород для выявления древних докембрийских породных комплексов среди фанерозойских складчатых сооружений. Тех самых, которые, по словам академика Обручева, представляли собой реликты «древнего темени Азии».

Выполнение такой сложной задачи требовало хорошей подготовки снаряжения – вьючных и кавалерийских седел и всего приклада к ним, вьючных сум, ящиков, хозяйственного оборудования, палаток, веревок и других походных деталей и мелочей. Все это было

необходимо нам для работы и жизни в полевых условиях в течение нескольких месяцев.

Кроме того, требовалось также подготовить геологическое оборудование (дневники, карандаши, оберточную крафт-бумагу и мешочки для образцов, горные компасы и прочее). Все это надо было собрать, а затем упаковать и отправить по железной дороге в Иркутск. Вот тогда мне и пригодились знания о подготовке подобных работ, почерпнутые из книг знаменитых исследователей и путешественников прошлого. Хотя мы готовили свой поход гораздо позже, чем они, у нас тоже не было никаких средств связи, кроме маленького радиоприемника «Спутник». С его помощью мы надеялись хотя бы время от времени узнавать о том, что происходит в стране и мире.

Сдав зачеты и экзамены за третий год обучения на факультете, мы с моим однокурсником по кафедре минералогии Юрой Геллером в начале июня 1960 года отправились поездом в Иркутск. Дорога была долгой (пять суток, включая пересадку в Москве), но интересной: все-таки полстраны пересекли и добрались до самого озера Байкал.

В Иркутске мы остановились у человека по фамилии Паленга, бывшего старателя и проводника Владимира Обручева. В доме Паленги должны были собраться все участники Саянской экспедиции. Ожидая их прибытия, мы с Юрой не теряли времени: познакомились с городом и ездили на озеро Байкал. Город нравился нам своей тишиной и несколько патриархальным укладом жизни.

Правда, скорее всего, это было обманчивое впечатление, так как мы жили не в центральной части, а на окраине города. Почти все дома здесь были деревянными, построенными крепко, из хороших бревен (сибирской лиственницы и кедра), с резными наличниками на окнах. Многие дома, как и тот, что стал базой нашей экспедиции, имели довольно просторные подворья.

Центральная часть города находилась в районе железнодорожного вокзала и состояла из ладных пятиэтажных и шестиэтажных зданий. Они по большей части были облицованы природным камнем, что



Иркутск, двор Паленги 1960г. Слева автор еще студент, далее Паленга и его семья, справа В. Н. Дав (ЛАГЕД).

сообщало им надежность и неуязвимость перед любыми переменами в сложной и многогранной жизни города. Таких перемен Иркутск знал немало. В XVIII-XIX веках был он центром генерал-губернаторства всей Восточной Сибири, а в XX веке – одним из главных сибирских городов.

Чтобы попасть на берега озера Байкал вблизи Иркутска, нужно было на автобусе приехать в порт Байкальск. Он был остановочным пунктом для единственного грузопассажирского парохода, курсировавшего от юго-западного до северо-восточного конца озера – от порта Листвянка до порта Нижнеангарск.

Интересно, что этот пароход, он назывался «Комсомолец», был построен в Ленинграде еще в первой трети XX века. Его по частям перевезли железной дорогой к Байкалу, где собрали и спустили на воду. Это было большое красивое судно с паровой машиной, настоящая достопримечательность великого озера.

Порт Байкальск был примечателен еще и тем, что сюда выходила ветка Кругобайкальской одноколейной железной дороги, шедшая вдоль берега озера с одной стороны и по-над скалами с другой стороны. В то время поезда по ней не ходили, так как на восток от города Слюдянка уже были пробиты для них тоннели. Так что на Кругобайкальской дороге безопасно было гулять. Отсюда открывался прекрасный вид на город, и здесь можно было изучать горные породы, что мы с Юрой и делали.

Через несколько дней приехали руководители отрядов и начальник экспедиции Владимир Николаевич Дав. Наше вольготное время закончилось. Началась рутинная работа по получению грузов на железнодорожной станции. Мы разбирали груз по отрядам: их было три, и все должны были отправиться в разные места Саян. Наш отряд на грузовых машинах со снаряжением и людьми выехал в поселок Монды.

В юго-западной части Иркутской области существовала тогда единственная автомобильная дорога. Она пересекала отроги хребтов Тункинских Альп и выходила к верховьям реки Иркут. Длинная (протяженностью около 500 км), ухабистая и гористая, в средней части эта дорога шла через долины, где располагались бурятские поселения. Самым крупным был поселок Зун-Мурин. В переводе с бурятского это название означает «Сто лошадей». Неподалеку находился район горячих источников Аршан, который местное население считало святым местом.

В поселениях экспедиция пополнилась новыми людьми, проводниками и коневодами. Среди них для нашего отряда был нанят в

качестве проводника известный среди бурят пожилой, но энергичный охотник Норбо, и коневод Намсарай.

Поселок Монды, в который мы направлялись, был небольшим, но, видимо, важным для Восточной Сибири местом. Дело в том, что рядом с ним находился первый крепкий мост через реку Иркут, по которому прогоняли гурты мясного скота (яков-сарлыков) из Монголии. Местные жители говорили, что это впечатляющее и очень опасное зрелище. Вскоре я смог увидеть убедиться в этом лично.

Примерно за 500 метров до и после моста по обе стороны дороги были построены крепкие стены из толстых бревен. Среди них плотной массой двигались сотни могучих живых тел. Перед мостом, поверхность которого представляла собой крепко сбитый деревянный настил, передние ряды останавливались. Под натиском копыт настил начинал громко гудеть, это пугало животных, и они вставали как вкопанные. На них с диким ревом напирала, выставив вперед длинные острые рога, задние ряды испуганного скота. Это продолжалось примерно в течение часа. Когда, наконец, стадо оказывалось на другом берегу, на мосту оставались лежать десятки раненных животных. Постепенно их разбирали на мясо местные жители: это была их законная пожива.

В те дни, когда мимо деревни шел скот, детей в целях безопасности не выпускали из домов. Стадо гнали монгольские айраты (погонщики) дальше по дороге, видимо, к мясокомбинату, где производилась говяжья тушенка.

В поселке Монды мы дожидались, пока из неблизкого предгорного поселка Орлик пригонят для нас лошадей. Без них в экспедиционных работах не обойтись. И вот настал день, когда несколько верховых бурят во главе с нашим институтским лаборантом Владиславом Марчаком, опытным наездником, пригнали табун в 20 полудиких лошадей.

Их разместили в длинном загоне - хашане, огороженном высоким забором из толстых жердей и с длинной долбленной колодой для водопоя посередине. Как ни странно, именно нам с Юрой было поручено переловить диких лошадей арканом, взнуздать и стреножить. Странность заключалась в том, что именно нам доверили работу, в которой как раз мы одни ничего и не понимали. Может быть, хотели проверить, умеем ли мы находить выход из неожиданных ситуаций? Нам ничего не оставалось, как продемонстрировать, что с этим у нас все в порядке.



Перед ковкой лошадей. Пос. Монды



Ковка лошадей валом. Пос. Монды

Мы ездили по всему загону, держась за аркан, наброшенный на шею коня, вокруг колоды, и постепенно подтягивали животное к угловому столбу. Тут коню накидывали на голову недоуздок, осторожно спутывали передние ноги, а потом отпускали. При этом лошади храпели, пытались встать на дыбы, носились по хашану вместе со своими пока еще вольными собратьями. Нам двоим тоже приходилось носиться среди этого сгущенного стада в попытках выловить из него необузданных лошадей.

Все это продолжалось в течение двух дней. Было трудно, но все-таки нам удалось справиться с поставленной задачей.

Потом началась другая эпопея: пойманных лошадей нужно было подковать. Но этим занимались уже не мы, а наши буряты. Они использовали специальное местное стойло для ковки. Стойло выглядело солидно и состояло из четырех толстых кедровых столбов, глубоко вкопанных в землю. И все же на четвертой лошади это сооружение развалилось – так сильно дергались при ковке привязанные к столбам животные. Остальных лошадей по решению наших коноводов пришлось ковать валом, то есть вручную, повалив каждую на землю и связав. Тут не обошлось без моего участия.

Надо сказать, что вся эта непростая наука управляться с лошадьми пригодилась мне и в дальнейшем – как на следующей производственной практике в Киргизии, входившей тогда еще в состав СССР, так и после окончания Университета, во время работы на северо-востоке страны в Магаданской области. Но об этом я постараюсь рассказать немного позже.



Выход отряда из пос. Монды



Восточные Саяны, вид Тункинских Альп.

После всех этих «деловых приключений» наш Восточно-Саянский отряд собрал свое хозяйство и, наконец, в конце июня вышел в поход, чтобы приступить к геологической работе.

Она была связана с наблюдениями и изучением отдельных фрагментов выходов докембрийских пород среди фанерозойских (т.е. пород возрастом от 600 млн. лет и древнее) отложений, распространенных в складчатой системе Восточного Саяна. Это стало причиной длительных переездов нашего отряда поперек Тункинских Альп.

Иногда приходилось перемещаться на большие расстояния, то есть двигаться верхом вместе с навьюченными полевым хозяйством лошадьми. Мы шли вперед, не обращая внимания на погоду, в том числе на дождь, который лил иногда по два-три часа без перерыва. Вода, стекая по плащам, попадала прямо в сапоги, и все было мокрым насквозь. Если приходилось переходить ручьи и речки вброд, нам было безразлично, попадет ли в сапоги вода или нет – они уже были полны воды.

Когда мы останавливались на ночевку или стоянку для работы «звездными» маршрутами, первым делом нужно было развьючить, стреножить и пустить лошадей кормиться. Подножного корма было много: трава, листья кустарников, молодое березовое подростье.



Лагерь под тентом. Слева проводник Норбо, Л. П. Никитина, Валя, Стас, конюх Намсарай.



Баня в зимовье. В.Саяны, 1960г.

Отпустив лошадей, приступали к установке временного или постоянного лагеря с палатками и крышеподобным тентом. Благодаря тому, что наш проводник Норбо хорошо знал местность, иногда находили подходящее для обустройства лагеря охотничье зимовье.

Поработав в таком лагере, отправлялись дальше, через перевалы на горных хребтах, до следующей остановки.

Так продолжалось весь июль и август, и наступила ранняя осень. Созрели кедровые шишки, и даже нам, неопытным в этом деле, удавалось добыть их и полакомится свежими орешками. Добывать их было непросто, но нас научили. Сначала надо было сделать большой



Добыча кедровых шишек с помощью колота (деревянного молота).

деревянный молот-«колоть». Молотом били по стволу кедра, остерегаясь, чтобы шишка (смоляная, тяжелая) не упала на голову. А затем уж можно шишки собрать и обжечь в золе костра. Когда смола вытопится, а шишка немного обжарится, но не обгорит, ее можно обшелушить, а потом выковыривать орешки.

Первая ежеутренняя задача наших стоянок заключалась в том, что нужно было отыскать, изловить и привести к лагерю лошадей. За ночь в поисках корма и попытках найти дорогу домой они уходили по тайге на два-три километра. Хорошо еще, что лошади держались отдельными

маленькими табунчиками – по четыре, по шесть лошадей в каждом. Благодаря этому их довольно легко было найти по следам спаренных лошадиных ног.

В начале сентября мы добрались до большой реки Урик, на противоположном берегу которой находилось редкометальное месторождение Чертовы Ворота. Урик нельзя было перейти вброд, но к месторождению вел длинный висячий мост. Пришлось все вещи, включая кавалерийские и выючные седла, нести по нему на своих плечах, а лошадей переправлять вплавь.

Чертовы Ворота интересовали нас потому, что здесь добывали из пегматитовых жил литиевый минерал сподумен. На этом месторождении пришлось немного задержаться, так как нам, студентам кафедры минералогии, оно давало возможность собрать интересный материал для курсовой работы. Сподумен по-другому называется «дощатый шпат», и действительно, кристаллы этого минерала выглядели как доски, или, вернее, щепки размером до 10-15см длиной. В те времена литиевые месторождения были строго засекречены. Причина в том, что литий использовался при производстве ракетного топлива.

Закончив работу, наш отряд добрался до поселка Зима, стоящего на Восточно-Сибирской железной дороге. Обосновались в деревенском подворье на окраине поселка. Нам с Юрой выделили место для ночевки на чердаке стойла для домашних животных. Громкое сопение коров и свиней не смолкало до самого утра. Хорошо еще, что мы делили с ними кров только три ночи.

Днем занимались упаковкой груза и отправкой его багажом по железной дороге в Ленинград. А потом выяснилось, что нас, студентов, подрядили поработать в течение месяца в Бельской поисково-разведочной партии. Она стояла на реке Белой – отсюда и название.



Подвесной мост через реку Урик.



*Переправа лошадей вплавь
через реку Урик.*

Погода была сухая, и мы с Юрой, постелив на спины верховых лошадей войлочные потники (подстилки под седла), отправились вверх по реке искать поисково-разведочную партию, в которой нам предстояло работать. Остальных лошадей мы тоже взяли с собой – вели по четверо на поводу.

К вечеру, идя по торной тропе, достигли условленного места. В нем производился размол кедровых шишек, и именно здесь нас должны были встретить работники партии. Но никого не было, и мы, как опытные таежники, надежно привязали лошадей к деревьям и накормили их взятым с собой овсом. Потом развели костерок и приготовили ужин. Но и к ночи никто на нашем месте не появился. Пришлось готовиться ко сну без палатки и спальных мешков.

Место встречи было примечательным: здесь на поляне высились два приспособления для размола кедровых шишек, похожие на большие деревянные мясорубки. К корытцу, куда ссыпали добытые шишки, был приделан ворот, часто утыканный железными гвоздями. Когда ворот вращали, шишки размалывались, а орехи ссыпались в отдельный желоб. Так и работала эта таежная мастерская, оставляя после себя огромные кучи шишечной шелухи. В них, тепло одевшись, мы и зарылись, надеясь с комфортом провести ночь. Действительно, спать в «перинах» из шелухи было тепло и сухо.

Рано утром мы встали, развели костер и позавтракали. Пока разбирались с успешными запутаться в привязи лошадьми, подъехали верхами двое сотрудников Бельской партии, начальник и геолог.

Поисково-разведочная партия занималась канавной разведкой пегматитовых жил на берилл-литиевое сырье. Основной контингент этой экспедиции составляли рабочие, канавщики и взрывники. Два геолога и техник-геолог занимались документацией канав. Производить поиск берилл-литиевого сырья в запланированном площадном объеме они не успевали, поэтому и пригласили нас.

Надо было произвести маршрутное литохимическое опробование и геологические наблюдения на выходах коренных пород. Сначала, чтобы привыкнуть к геологической обстановке района работ, мы ходили в маршруты совместно с геологом партии. Потом нас стали отправлять и в самостоятельные маршруты.

Так длилось недели две. За это время мы привыкли к распорядку в партии и после маршрутов наблюдали ее жизнь. Эта жизнь не обходилась без хохм. Так, например, однажды к ужину была приготовлена каша с мясом, а не с всегдашней мясной тушенкой. Начальник

партии удивился и позвал свою собаку, чтобы угостить ее косточками. Рабочие захохотали. Кто-то проговорил: «Гав-гав». Надо сказать, что в партии были две собаки: одна большая, приبلудная, жившая у начальника, а вторая – маленькая собачонка, принадлежавшая рабочим. История вышла такая. Рабочие заметили большой расход сливочного масла, которое добавлялось в каши. Это масло хранилось в ящике в холодном ручье. Стали следить и заметили, что собачонка лижет масло, а большая собака откусывает от него куски, оставляя отпечатки зубов. Вот они и наказали эту большую собаку, убив ее и сварив куски собачьего мяса в каше. Это обычное дело в геологических партиях – разнообразить всякими шутками свою трудную однообразную жизнь.

Полевой сезон близился к финалу. Надо было заканчивать маршрутные литохимические поиски. Начальник решил на один из последних больших участков отправить для производства донного металлометрического опробования геолога, техника и студентов. Нужно было провести отбор проб для последующего геохимического анализа на всей площади этого участка. Он находился в 30 километрах от основной базы партии. Мы отправились туда с двумя лошадьми, нагруженными палаткой, спальными мешками, пробными мешочками и продуктами питания на две недели.

За световой день нам удалось добраться до дальнего края участка. Мы решили, что переночуем в палатке, а с утра отправимся двумя парами на работу. Но не тут-то было. Начал накрапывать дождь, небо затянуло черными тучами, и геолог, местный житель, сказал, что это надолго – нужно срочно искать надежное укрытие.

После долгих поисков мы нашли охотничью заимку в тайге. Эта заимка, вероятно, была поставлена давно: место, где она находилась, густо заросло березовым подростом. Обнаружили мы ее только благодаря заплывшим зарубкам на кедрах и лиственницах и поваленным сухим деревьям среди здоровой тайги.

Когда мы увидели крышу заимки, крытую, словно черепицей, пластинами корья, стало понятно: эти высохшие деревья строители заготовили на дрова. А внутри заимки была поленница, спички и соль – все по охотничьему таежному укладу. Быстро развьючились, затащили все внутрь заимки, спутали лошадей, и тут – пошел сильный дождь. Забрались в сухое жилище. Думали, что на ночь, но получилось иначе. Погода сменилась с сухой на беспросветно мокрую. Дожди лили целую неделю, и нам пришлось все это время ютиться в тесном помещении и экономить еду.

Если понемногу, но все-таки три раза в день. Когда работаешь в маршрутах, ешь два раза в день, утром и вечером. Но если сидишь вот так, как мы сидели, есть хочется намного сильнее. Так мы и съели за неделю почти все свои запасы. Пришлось ходить в маршруты не парами, а поодиночке, чтобы выполнить работу за меньший срок. Двое после своих маршрутов возвращалась в лагерь, собирали хозяйство, навьючивали лошадей и шли к месту встречи с другой парой геологов. Так, голодные, ходили пару дней.

Оставалось пройти еще два десятка километров до базы партии. Как назло, после дождей не попадалось никакой дичи. Река вздулась, поэтому не могли и рыбы поймать.

Но однажды нам повезло: мы встретили шишкарей, добытчиков кедровых орехов. Договорились, что мы им дадим на три дня пару своих лошадей, чтобы они могли перевезти свои грузы на место добычи шишек. А они нам за это пообещали несколько килограммов ржаной муки и большой кусок медвежьего мяса с салом.

Все договоренности были выполнены честно, как принято в тайге. Через три дня шишкари вернули нам лошадей, а мы из муки напекли на лопате лепешек и сварили «затируху», жидкую кашу из муки. Продовольственная поддержка помогла нам благополучно закончить работу и добраться до базы партии.

За работу мне и Юре заплатили по сто рублей – большие по тем временам деньги.

Потом геологи помогли нам добраться до станции Зима, откуда мы полетели на маленьком самолете Як-2 в Иркутск. Там взяли билеты в Ленинград. Прибыли в родной город рейсом одного из первых в стране реактивных пассажирских самолетов Ту-104.

Так закончилась первая в моей жизни геологическая практика. Но и вторая была не менее, как сейчас говорят молодые люди, «крутой». Это была преддипломная практика, которую после четвертого курса проходили все студенты геофака. За время выезда нужно было собрать материал для дипломной работы. Меня, по решению кафедры минералогии, направили с этой целью в Южно-Ферганскую поисково-съёмочную партию (ЮФПСП) Киргизского геологического управления. Она стояла в поселке Хайдаркан, возле которого находилось крупное ртутно-сурмяное месторождение.

Главным геологом партии был кандидат геолого-минералогических наук Георгий Александрович Ярушевский. Когда-то он работал на геофаке ЛГУ, на кафедре общей геологии, поэтому к



Панорама месторождения ртути и сурьмы Хайдаркан, Киргизия, 1961г.

нему и направляли студентов. Он всегда находил для ребят интересную работу и помогал собрать материал для диплома.

Там же, в Хайдаркане, формировал свой экспедиционный отряд Леонид Львович Перчук, будущий профессор Московского государственного университета им. Ломоносова. Тогда он был аспирантом академика Дмитрия Сергеевича Коржинского. К Перчуку меня и определили – в качестве помощника.

Сам Леонид Львович в ту пору был в кишлаке Зардале на реке Сох, а в Хайдаркане находился один из его работников, коневод Виталий, крепкий мужчина лет пятидесяти. Он получал в поселке лошадей и сбрую. Потом Виталий должен был переправить все это в верховья реки Сох, в район ледника Матча в Туркестанском хребте, где собирался работать Перчук.

Я помог коневоду получить снаряжение на складе ЮФПСЦ, а потом мы вдвоем скакали верхами 50 километров до кишлака Зардале. Сначала прошли вдоль Кокандской долины, а затем – вверх по течению реки Сох. Виталию-то было что, привычно: как оказалось, он во время Великой Отечественной войны служил в конном полку Доватора. А я, можно сказать, прямо со студенческой скамьи пересел на лошадь. Нелегко мне было скакать 50 километров рысью по горной дороге.

Но к концу дня мы все-таки добрались до Перчука. А на следующий день уже в более спокойном темпе, то верхом, то ведя лошадей в поводу, отправились в горы – к месту петрологических исследований. Собрать материал для диплома мне тогда не удалось, но работа с Перчуком была такой интересной, что я ничуть не жалел об этом. Мы занимались изучением



*По Верховья р. Сох, Киргизия.
Лошадь в поводу ведет Л. Л. Перчук.*



Впереди Алайский хребет, долина р. Сох.

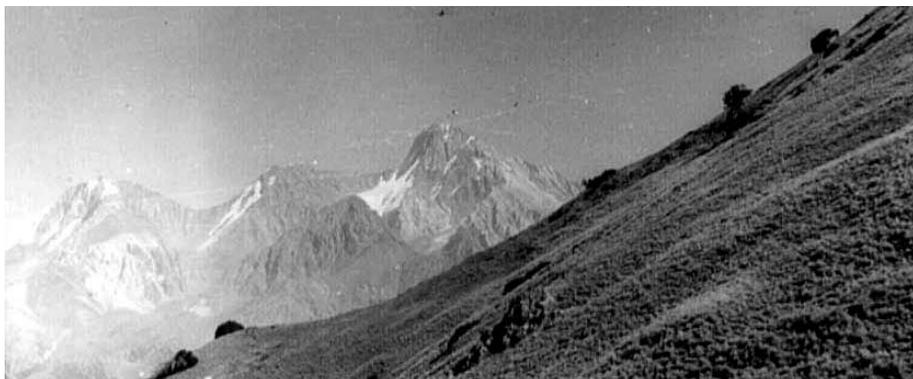
вернулся в назначенный срок. Мы с Перчуком отправились в кишлак, чтобы выяснить, что случилось. А случилась крупная беда. На радостях, что удалось купить все закупленные продукты, Виталий крепко выпил и, когда ехал обратно, на реке Сох вместе с лошадью свалился в пропасть. Он разбился насмерть. А лошадь сумела выползти на приступку в обрыве – ободралась, но осталась жива. Остальные две лошади сами вернулись с грузом в кишлак. Увидев их, местные жители поняли, что случилось несчастье. Они помогли нам вытащить на постромках лошадь и тело Виталия. В итоге пришлось Леониду Львовичу сворачивать работу и телеграфом вызывать автомашину, которой он обычно пользовался, чтобы перевезти вещи.

Оказалось, что эту машину, пока мы работали в труднодоступных горах, задействовал доцент кафедры петрографии ЛГУ Николай Филиппович Шинкарев. Он в это время занимался изучением щелочных интрузий Алайского хребта. Когда машина пришла к нам, выяснилось, что вместе с Шинкаревым работает моя однокурсница Рита Фролова. Так состоялась наша негаданная встреча. Потом я отправился в Хайдарган – нужно было вернуть лошадей в поселок.

В Хайдаркане главный геолог ЮФПСП предложил мне возглавить небольшой отряд, которому предстояло заниматься геологической съемкой



Кишлак Сох. У машины стоят студенты Рита Фролова, Стас Турченко, доцент ЛГУ Н.Ф.Шинкарев и студент МГУ Василий.



Алайский хребет, район интрузии Зардалек, Киргизия.

масштаба 1: 10 000 и поисками редких металлов в небольшой щелочной интрузии Зардалек вблизи уже знакомого мне кишлака. Отряд состоял из трех студентов-геологов, поварихи из местных и четырех лошадей. Я решил согласиться, так как на таком деле можно было подзаработать. Собрали необходимое снаряжение и все, что могло пригодиться в лагере по хозяйству. Не забыли взять планшет, кипрегель, мерную ленту, чертежную бумагу и «Справочник путешественника и краеведа» Обручева. В этой книге была таблица проложений для кипрегеля, а нам как раз нужно было составить не только геологическую карту, но и топографическую карту масштаба 1: 10 000 с привязкой всех обнажений и точек наблюдения. Пришлось вспомнить все, что мы делали на топографической практике после первого курса в Саблино. Только повторить это нужно было уже не на равнине, а в горах Алайского хребта.

Наш отряд, названный Зардалекским, доставили к месту работы в ущелье Зардалек на машине. Мы отправились искать плоское место, чтобы поставить лагерь, обустроить кухню и коновязь. Нужно было, чтобы поблизости имелась вода, какой-нибудь источник, который мы могли бы расширить. Нашли такое место в стороне от возможных селевых потоков (см. фото, где еле видны белые палатки), на



Рабочий лагерь на Зардалеке (белые палатки). Вид с гор. 1961г.



Гора Черная, на вершине место сбора материалов для дипломной работы.

высоте около 2000 метров над уровнем моря. Начиная с такой высоты, выплачивали высокогорные надбавки к зарплате.

Чтобы выполнить весь объем порученных нам сложных работ, да еще с обязательным радиометрическим контролем, пришлось ходить в маршруты поодиночке, привязав к ноге трубу радиометра, а к груди датчик импульсов. В общем, как-то приноровились делать работу, даже находили время для камеральной обработки топо- и геологической съемки и собранных проб. Эти пробы и образцы пород перевозили вьючными лошадьми в Хайдаркан. Там заодно запасались продуктами, а у ребят из Еревана был армянский коньяк в хорошем запасе, так что однажды мы даже устроили себе небольшой праздник.

К середине сентября сделали 75% работы, и тут за мной неожиданно приехал доцент кафедры минералогии факультета Георгий Алексеевич Ильинский, мой научный руководитель по курсовым работам и предстоящему диплому (во всех отношениях замечательный человек). Вместе с ним прибыл еще один геолог – из ЮФПСР. Георгий Алексеевич сказал, что забирает меня с собой для выполнения другого задания, а в отряде до окончания работы останется геолог партии. Так я и не узнал, чем закончилась работа на Зардалеке.

Мы с Ильинским отправились на Черную гору, где были найдены необычные щелочные метасоматиты. Здесь я должен был собрать материал для кафедры, а заодно и для моей дипломной работы.

Черная гора располагалась недалеко от Хайдаркана. Но метасоматиты были обнаружены на высоте около 4000 м над уровнем моря. Туда можно было добраться только пешком с вьючными лошадьми. Ну да к этому мне уже было не привыкать. А вот остальных участников экспедиции приходилось подбадривать и на привалах угощать чаем с сахаром для поддержания жизненных сил.

На большой высоте по ночам уже было так холодно, что вода в больших впадинках замерзала. Нам приходилось работать споро, чтобы уж совсем не окоченеть. Дров в тех местах не было, но мы, зная об этом, взяли с собой, сколько могли. Расходовали экономно, разводили небольшой костерок, чтобы приготовить быструю еду и согреться. За три дня взяли интересные образцы пород и минералов и быстро, пока погода окончательно не испортилась, спустились вниз.

Так мне удалось собрать минералогический материал для моей дипломной работы по щелочным метасоматитам. Метасоматиты были обогащены корундом и минералом, промежуточным по составу между вишневитом и содалитом. По этому минералу потом была написана и моя первая научная работа, опубликованная, благодаря помощи Ильинского, в журнале «Записки Всесоюзного минералогического общества» в 1965 году.

Но это было уже после моего возвращения из поселка Омсукчан Магаданской области. А пока что шел 1962 год, год окончания университета и получения диплома, с которым у меня тоже связана забавная история.

В те годы через две недели после защиты дипломной работы надо было еще сдать госэкзамен по истории КПСС. Ну а я с друзьями решил отдохнуть на рыбалке в районе Морозовских озер на Карельском перешейке. Порыбачили хорошо – поймали щук, лещей, плотвы и окуней. Словом, подготовиться к экзамену я толком не успел. Поэтому на вопросы по билету и дополнительные отвечал плохо. Только на последний вопрос: «Куда вы распределены для работы?» я ответил точно: «В город Магадан, в Северо-Восточное геологическое управление», за что и получил положительную оценку. Так продолжились мои геологические приключения.

После получения диплома и оформления документов по распределению на место работы я поехал вместе с друзьями, которые тоже получили распределение в Магадан, на полтора месяца в Крым. Вместе мы отлично провели время. После этого, в конце августа, полетели в Хабаровск, а дальше на АН-10 в город Охотск. И уже оттуда на ИЛ-14 – в Магадан.

В то время, в 1962 году, до Магадана можно было добраться одним из двух сложных маршрутов: или так, как мы летели, или через Москву до аэропорта Лабытнанги в Ханты-Мансийском АО и далее через Игарку. Но всегда по обоим маршрутам сроки перелета зависели от погоды и везучести в согласованности авиарейсов. Нам повезло: мы долетели до места назначения за двое суток. Правда, из

Хабаровска улетели только на следующий день после прилета. Зато походили по городу и посмотрели, чем живут дальневосточные жители, сравнили их жизнь с ленинградской. А жили тогда на Дальнем Востоке немножко лучше, чем в Европейской части СССР. В магазинах было мясо, правда, китовое (в то время еще работала китобойная флотилия «Слава»), и красная рыба (недавно закончилась путина).

Прибыв на следующий день в Магадан, мы сразу пошли в Северо-Восточное геологическое управление. Оно располагалось на улице Ленина, в начале въезда в город с главной магаданской трассы Магадан-Сеймчан на реке Колыма. Распределили нас по экспедициям довольно быстро, за полдня. Толю и Галку взяли сразу, благодаря оказавшемуся у них рекомендательному письму, в Центральную экспедицию, локализованную в Магадане. Меня тоже хотели взять в Тайгоносскую партию этой же экспедиции. Но главный геолог Северо-Восточного геологического управления Цареградский отказал начальнику партии, заявив, что молодые геологи нужны и в областных экспедициях. Он предложил мне выбрать, где я буду работать: или в городе Певек на побережье Восточно-Сибирского моря, в тундре, или же в районном поселке Омсукчан еще в горно-таежной зоне. Я спросил, нельзя ли в Камчатскую экспедицию, думая, что уж если ехать, так куда подальше. На это Цареградский мне ответил, что Камчатская экспедиция уже стала самостоятельным геологическим управлением. Тогда я сказал, что согласен на Омсукчан.

ВСТУПЛЕНИЕ В ИСТИННО ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Административным центром Омсункчанского района Магаданской области был поселок Омсукчан. На его территории сконцентрировались все главные местные учреждения и предприятия. Здесь находились администрация района, райкомы КПСС и ВЛКСМ, райпотребсоюз с производством крепких алкогольных напитков, «Зверобоя» и «Зубровки» (отличающих только цветом: один зеленоватый, а другой коричневатый), центр по забою оленей, а также Омсукчанская комплексная геологоразведочная экспедиция, в которой мне предстояло работать.

Я приехал в поселок на автобусе. Вышел на остановке у райисполкома и, неся в одной руке чемодан, проследовал к зданию экспедиции через довольно широкую долину, которая назвалась почему-то Индустриальной.

По сравнению с магаданской, погода в Омсукчане оказалась более суровой. Здесь уже слегка подмораживало, кое-где лежал снежок. Мне повезло, потому что до начала официального представления у начальника экспедиции я случайно попал в кабинет геологической партии (далее применительно к любой геологической партии я буду употреблять только существительное «партия» – без придания этому слову политического смысла). В кабинете работала очень милая женщина по имени Светлана Иванова. Она расспросила меня, кто я и откуда, и посоветовала проситься на работу в партию Арнольда Дмитриевича Силинского. Он вел геолсъемку 1: 200 000 масштаба, и ему нужен специалист.

После согревающего чаепития я отправился на приём к начальнику экспедиции, который оказался лысым мужчиной лет 65-70. Он



*Пос. Омсукчан. Вид на здание
Экспедиции ОмКГР и общежития. Место
жизни и работы 1962-1965 гг.*

первым делом попросил показать диплом, мол, давно не видел дипломов, а потом сообщил, что хочет отправить меня в разведочную партию для просмотра шлихов. Тут мне пришлось круто возразить. Я настаивал, чтобы меня направили в поисково-съёмочную партию Силинского. Отразив все возражения начальника экспедиции, я добился-таки своего. Меня назначили старшим

техником-геологом Туманинской партии. Она как раз только что начала подготовительные работы по созданию листа Государственной геологической карты масштаба 1: 200 000 Р-56-XXX. Требовалось разработать предварительную карту-схему по имеющимся фондовым материалам и аэрофотоснимкам, а также составить финансово-хозяйственный план работ. Этим я и занимался в осенне-зимне-весенний период жизни в Омсукчане в 1962-63 годах.

Меня прописали по адресу «Туманинская партия», но жил я в общежитии рядом со зданием экспедиции (оно показано на снимке во втором ряду, а рядом – наш барак-общежитие).

Сначала меня поместили в комнате в торце барака, напротив здания экспедиции. Вроде бы хорошо – отдельная комната. Но она досталась мне после геолога, который уехал на полевые работы, забыв вынести помойное ведро. От этого в комнате развелись тысячи мух. Они летали стаями и не давали мне ни минуты покоя. Пришлось применить меры. На стенах и потолке я развесил множество лент липкой бумаги. Но это было еще не все. В комнате обнаружилась оставленная предыдущим жильцом воздушка (винтовка из тира) и пульки к ней. Благодаря этой винтовке я нашел себе развлечение: тренировался в стрельбе по движущейся цели. Целью были мухи, садившиеся на противоположную стену. Потом, во время полевых работ, эти тренировки мне очень пригодились.

А пока продолжалась рутинная повседневность. Я изучал аэрофотоснимки, отмечал места, где необходимо было бы провести наиболее тщательное изучение обнажений, а мой коллега техник-картограф рисовал предварительную карту листа. Обедали мы чаем с бутербродами, а потом дружно засыпали. После еды, да еще в тепле, так

смаживало, что Миша Ильченко засыпал, склонившись на чертежную доску, а я – либо уткнувшись в микроскоп, либо растянувшись на столе. Тепло было главным ценным качеством, которым в достатке обладали и служебные помещения здания Экспедиции, и наше общежитие.

В Омсукчане была своя ТЭЦ, работавшая на угле из ближних угольных месторождений. Благодаря этому теплом снабжались все дома поселка. Тепловые трубы были проведены по поверхности в коробах, засыпанных опилками для предотвращения теплоотдачи. Вообще, жизнь в поселке была организована сравнительно сносно – во многом именно благодаря практическому геологическому значению этих мест. Район был одним из центров добычи касситерита – оловянного камня. Из месторождений концентрат касситерита вывозили в специальных бочках прямо в порт Нагаево в Магадане.

Кроме тепла, еще одним удобством, особенно ценным нами в зимнюю стужу (с ноября морозы достигали -400C), было то, что прямо напротив общежития располагался магазин, где были все необходимые для жизни товары: хлеб, масло, красная икра в бочке и местный алкоголь.

К концу сентября вернулись с полевых работ молодые геологи и горняки, и жизнь в общежитии расцвела пышным цветом. Я познакомился со всеми: тут были и москвичи, в том числе женатые, жившие в домах в поселке, и ленинградцы, и специалисты из других городов СССР. Я переехал в другую комнату. В ней мы жили втроем – я, геолог Коля Чупринин из Новочеркасска и горняк Чингиз Надиев из Ростова-на-Дону. Жили дружно, весело, помогая друг другу. Например, согласно трудовому законодательству того времени, зарплаты за первый месяц работы мне не полагалось. Но жить как-то нужно было, и коллеги мне помогли, а я им потом отдал долг.

В этом же году в стране началась эпопея движения за коммунистический труд. Нашего Чингиза назначили ударником коммунистического труда, а на дверях его кабинета прибили дощечку, надпись на которой гласила: «Здесь работает ударник коммунистического труда Надиев Чингиз Рифатович». Мы тут же на двери комнаты в общежитии прилепили бумажку с надписью: «Здесь отдыхает и бухает ударник коммунистического труда Надиев Чингиз Рифатович», а на ужасном уличном сортире приклеили листок с напоминанием, что он здесь оправляется.

Чингиз в этот же день сорвал все надписи и больше не был ударником – его на эту «должность» уже не назначали.

Кстати, в уборную «по большому делу» мы собирались как на подвиг. Экипировались соответственно: надевали в коридоре спецваленки с галошами, рукавицы с веревочками, чтобы не упали, когда залазешь на сталагмит, держась за подвешенные к потолку петли.

В те годы субботы были рабочими днями, правда, семичасовыми. В будни работали по восемь часов, а выходными были только воскресенья. Жизнь протекала однообразно и размеренно, по часам: в 9 утра начало работы, в 13 часов обед, в 18 окончание трудового дня, а дальше – свободное время. С утра до 9 часов надо было зайти в дом спецхрана и получить карты, документы, то есть свой спецчемодан, а уж потом шли на работу. Дом спецхрана было недалеко, всего метрах в ста от общежития. В дверях экспедиции всегда стоял дежурный. Он проверял, кто опаздывает на работу и на сколько времени. Как я потом определил, обычно дежурным назначали человека, вступающего в ряды КПСС, и это было его первое партийное поручение.



Главная улица пос. Омсукчан, вдали слева здание, где столовая.

Развлечением было в обед пойти в главную часть поселка в столовую, все-таки это была прогулка и возможность узнать местные и международные новости: то Кеннеди убьют, то Мартина Лютера Кинга, то Карибский кризис начнется. А у нас что? Никаких новостей. В столовой вечный бак с хвойным витаминным настоем, круж-

ку которого перед едой ты обязан выпить для укрепления здоровья. Обратишь – тоже укрепляешь здоровье: прыгаешь через мелкие потоки воды, бьющие из-под наледи в долине Идустриальной. Наледь «работала» всю зиму в любой мороз – она трескалась и пропускала напорную воду.

Иногда, очень редко, когда в магазине вдруг появлялась оленья печенка, мы ею запасались и устраивали общий для общежития понедельник-праздник. Готовясь к нему, как-то раз, в ночь на воскресенье, когда на улице было -50°C , мы из клизмы с горячей водой облили замки на входе в здание экспедиции. А в понедельник с утра нажарили печенки, налили по рюмке «Зверобоя», пригласили друзей и за трапезой развлекались, наблюдая в окно, как рабочие паяльной лампой размораживают замки на дверях Экспедиции.

Дело доходило до того, что местные профдеатели писали в сатирическом листке, который вешался на входе, стишки с перечислением фамилий: «До работы ли им, коли яйца, яйца привезли в магазин».

Яйца действительно были очень редким продуктом в Омсукчане. Показательно, что нам, всем сотрудникам экспедиции, выдали новогодний

подарок, состоящий из двух куриных яиц, одного мандарина, луковицы и красного китайского яблока.

За зиму 1963 года меня уговорили стать секретарем комсомольской организации Экспедиции. К счастью, хлопот с этим делом оказалось немного. Один раз удалось съездить в феврале в Магадан на областную конференцию, что было мне с руки – смог повидать друзей и получить багаж, посланный для меня мною же самим из Ленинграда. В багаже были теплые вещи и научные книги. Он пришел с последним паромом и лежал на складе управления: адресат был обозначен как неизвестный.

В Магадане мне удалось посмотреть в театре нашумевший спектакль Д. Аля и Л. Ракова «Опаснее врага». Постановка прославилась благодаря яркости изображения «постзековских» сцен «на материке», как тогда называли остальную, не магаданско-чукотскую, часть СССР. В спектакле глава администрации вместо слова «войдите» по привычке говорил: «Введите», что вызывало у магаданских зрителей, которые не понаслышке знали, о чем речь, целую бурю эмоций.

Повидал друга и однокурсника Анатолия Кропычева, жена которого уже улетела в Ленинград рожать ребенка. Да и сам Толя намылился увольняться и возвращаться домой. Так что попрощались, и я отправился к себе в Омсукчан.

Зима пролетела неожиданно быстро. В том году она была не сильно холодной: доходило лишь порой до -50°C . В кино ходили очень редко – идти было далеко и холодно, все время пуржило, да и фильмы были только китайские, все про их разведчиков да солдат.



Молодой геолог у дверей с объявлениями
внутри здания экспедиции.



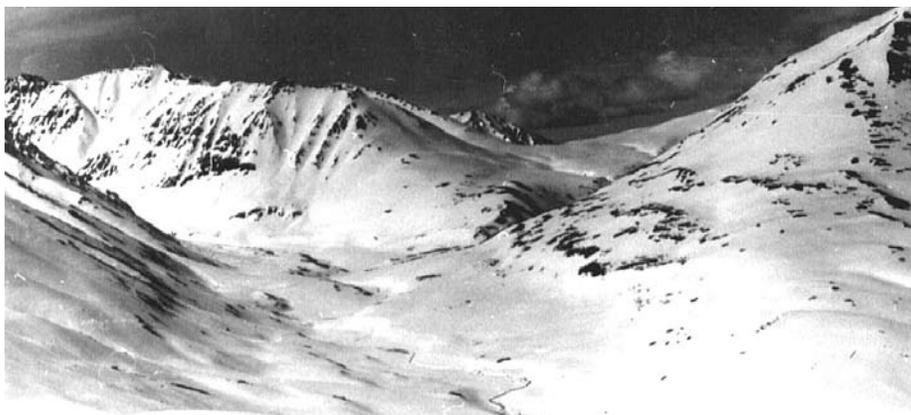
Пробивка тропы к месту полевой работы. Весна 1963г.



Спуск лошадей с перевала Туманинского хребта.

У Коли Чупринина был магнитофон и пленки с записью песен Булата Окуджавы, поэтому наслушались их до запоминания всех тонкостей звучания. Конечно, много работали, делать все равно больше нечего было. Еще устраивали вечеринки у друзей-женатиков: у них все же были теплые квартиры.

Так тянулось время до ранней весны, до апреля, который по-настоящему в тех краях был еще зимним, холодным месяцем. В самом его начале мне пришлось на вертолете вылететь в долину реки Алики, где собралась часть рабочих нашей партии. Нужно было вести их по карте к месту запланированной базы. Дорога была непростая, всё время приходилось пробивать дорогу лошадьми, иногда шли почти по пояс в снегу. Хорошо еще, что все время было солнце, долго не заходившее в тех широтах за горизонт или горы.



Путь к перевалу в систему рек Охотского моря. Весна 1963 г.

Главным было добраться до перевала чрез Туманинский хребет, а там уж – вниз, к побережью Охотского моря, где весна уже работала вовсю и были прогалины, почки на кустарниках и лиственницах, и тепло. Но чтобы добраться туда, нужно было преодолеть снеговые потоки и спуски с глубоких снежных склонов с лошадьми, груженными вьюками с вещами маленькой экспедиции.

Так пробирались почти месяц, ночуя в снегах, без всякой связи с ОмГРЭ. Подножного корма, то есть охоты, не было никакого, поэтому ели помалу то, что было с собой – чай и сухари, терпели до перевала. Перед перевалом я распорядился из вьючного ящика достать неприкосновенный запас: сахар-рафинад и галеты. Каждому досталось по пять кусков сахара и по несколько галет, а лошадям я приказал скормить по 10 кусков сахара и дать получасовой отдых. За это время перетянули все вьюки, подогнали всю сбрую, и с Божьей помощью отправились вниз с перевала.

Легко сказать – отправились. Лошади в снегу прыгали как зайцы, иногда падали на бок ногами вверх по склону, но их просто переворачивали ногами вниз, заставляя вставать и двигаться дальше.

Так, никого и ничего не потеряв, мы постепенно спустились в долину реки Тэукич, где была сухая трава и почки на кустах и деревьях (корм для лошадей), и дичь тоже была – медведи и куропатки (корм для людей).



За перевалом. Куропатки уже линяют на летний наряд.

Куропатки уже были наполовину полинявшие, из белых зимних превратились в пестрых летних, поэтому охотиться на них было легко: хоть палкой бей, только успевай. А медведи прочистились после спячки – поели зимней брусники. Но все-таки их печенки было еще опасно есть, потому что в них могли сохраниться остатки гельминтов, вызывающих трихинеллез.



Медведи отъедаются осенне-весенней травой.

Старые таежники почему-то особенно любили полакомиться свежей жареной печенкой. Но я не понимал, что в ней хорошего. Медвежья печень состоит из отдельных



Полевая база партии на р. Булун.



Баня на базе Туманинской партии.

тетраэдров, соединенных вместе. Не то что печенка лося: выглядит привычно, как единая масса. Поэтому я только чуть-чуть попробовал, но есть не стал. А мои работнички, люди разного возраста, вволю поели печени первого же добытого мной медведя.

На следующий день был большой переход до первой широкой реки Кананыги, и уже с середины дня всех стало травить, все начали мучиться головной болью. Я понял, что это отравление. Пришлось срочно ставить лагерь и кипятить много чаю для промывания желудков. Нужно было дать людям полечиться и отлежаться. За сутки все у всех прошло, слава Богу. Один из моих работников, Ленька сорвиголова, запасшийся целым вьюком медвежьего мяса, с проклятьями выбросил его в реку.

Наш путь лежал к реке Булун в восточной половине листа Р-56-XXX, где предстояло выбрать место для строительства полевой базы партии этого сезона. Погода благоприятствовала завершению нашего похода, и мы быстро нашли хорошее сухое место для базы партии на высоком берегу реки. Поставили настил на сваях для большой палатки – продуктового и вещевого склада. Подготовили каркасы и палатки для состава партии, соорудили на другом берегу реки рубленую баню. Когда в небе затрещал первый вертолет, дали дымовой сигнал, указывая место посадки. Вертолет привез двух рабочих, абсолютно пьяных, и второго геолога – моего коллегу Колю Чуприна. С людьми прибыла часть грузов. Коля сообщил, что начальник партии Силинский ушел в отпуск, и временно заменять его будет старший геолог Жорж Сосипатрович Кекелия. Написали записку, что в первую очередь надо доставить следующим вертолетом. В список попали несколько пустых бочек для сооружения бани и пекарни, рубероид и полиэтиленовая пленка.



Сруб для печи,
где происходит выпечка хлеба.



Очередь лошадей в палатку, где складывают выпеченный (не для них) хлеб.

Погода оставалась безоблачной в течение нескольких дней, и за это время вертолет МИ-4 доставил все и всех. Доставка проходила вполне организованно. А мы тем временем продолжили сооружать баню, пекарню и прочие хозяйственные постройки.

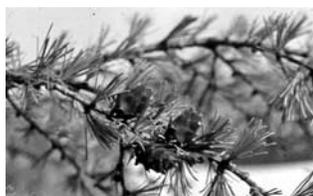
Так и не протрезвевшие новые работники все просили опохмелиться, но остальные, уже привыкшие к порядку в партии, знали, что алкоголя нет, и отправляли пьяных к реке пить чистую, свежую воду. И хотя нанятые рабочие были сбродом из разных колымских мест, протрезвев и освоившись, они оказывались честными и порядочными людьми, с которыми спокойно можно было заниматься делом. Ну, это к слову, а так – на снимке справа показана сруб-пекарня, в которой наш завхоз партии, мастер на все руки, выпекал отличный белый и серый хлеб. На запах этого душистого хлеба к палатке завхоза выстраивались в очередь все наши лошади. Тот же умелец готовил обеды на всю партию, пока мы не разошлись в поисково-съёмочные маршруты. Когда пошла рыба, горбуша, наш завхоз ее налавливал, заготавливал и обрабатывал икру. Он же следил за хозяйством и выдавал нам, когда мы приходили из многодневных маршрутов, новую спецодежду и обувь, резиновые и кирзовые сапоги, а еще организовывал вместе с нами баню и праздник еды.

Весна быстро перешла в лето. Хотя уже был конец июня, только поднялась зеленая трава – хороший корм для наших лошадей. Быстро распустились различные цветущие растения. В том числе и те, которых я раньше и не видывал: черные подобия диких тюльпанов и лиственницы с молодыми розовыми шишками.

Но зато вдобавок ко всем этим прелестям появилось множество комаров. Тогда еще в партиях накомарников не было, как и диметилфтолата. Пришлось изобретать из выданного нам тюля защиту от



*Летние цветы тайги.
Черные тюльпаны.*



Молодые шишки лиственниц.

летающих кровососов – в маршрутах, на стоянках и во время чаепитий. Входы в палатки завешивались пластинами марли, вентиляционные окна тоже обшивались марлей.

На землю в большой общей палатке под ватные спальные мешки стелили войлочные потники с выючных седел, чтобы выровнять все бугры, которые образовывали выпирающие из-под земли камни.

Маршрутный геолого-съемочный отряд состоял из двух геологов, рабочего-рюкзаконосца, техника-геофизика для радиометрического опробования, а также возчика – рабочего, который вел выючных лошадей, нагруженных лагерным имуществом.

Каждое утро дежурный вставал раньше всех, в 8 утра. Он разводил костер, ставил чайник и кастрюлю для каши, а потом будил всех маршрутчиков. Маршрутные пары собирали свои вещи вместе со спальным мешком в чехол, укладывали рюкзаки. Затем все завтракали, приготавливали свои рабочие принадлежности и складывали палатку, а также кухонные мелочи. Внимательно следили, чтобы ничего не забыть, так как знали, что возврата на это место уже не будет.

Когда первая пара уже уходила, поскольку у нее обычно маршрут бывал длиннее, Коля Чупринин проверял и составлял кроки местности для возчика, который должен был вместе с лошадьми прибыть на согласованную точку новой ночевки и постановки лагеря. Потом все расходились по своим маршрутам, и, помню, большой радостью было увидеть с гор в конце дня дымок от костра. Там угадывалась крыша палатки, ждала горячая пища и встреча коллег с последующим обсуждением виденного и рисовкой частей геологической карты.

Конечно, возчик иногда ошибался и заходил с лагерьем не в тот распадок. Тогда приходилось в одиночку ночевать у ручья или возле реки на косе, где был залом (свалка) сухого леса для костра. Можно было сделать даже нодью – взять два сухих бревна, положить крест-накрест друг на друга, и между ними развести огонь. Тогда бревна горят медленно, обогревая то спину, то грудь лежащего около нодьи человека. Поест можно было то, что осталось в рюкзаке. Или то, что удалось добыть к вечеру: обычно это оказывалась рыба. Лосося легко



Голец – не умирающий лосось.

было поймать, но есть оказывалось невозможно: отметав икру, он становился полуживым. Но его сопровождал голец, поедавший икру и скатывавшийся снова в море, и вот гольца-то и можно было употребить на ужин, если поймаешь. Утром, отряхнувшись после беспокойной ночевки, приходилось искать следы лошадей на песке, гальке или мху. Найдя следы, ты бывал счастлив, ведь по следам можно найти и лагерь возчика, а значит, хоть и временный, но дом среди гор и притундровой тайги.

Наступал конец августа, когда по ночам ударяли морозцы и комары замерзали. Но главное – мошка, которая проникала во все щели в палатке, под тюль и сквозь

него, и не давала житья не только геологам, но и лошадям – замерзала тоже. В маршрутах становилось легче – все кровососущие твари исчезали, воздушная среда становилась прозрачнее, а окружающая природа желтела и краснела, радуя глаз. Яркие краски оттенял ранний снежок на вершинах гор. Пищи для животного мира (в основном медведей и бурундуков) становилось достаточно много, потому что созревали кедровые шишки на кустах кедрового стланика. Зверье здорово на них отъедалось и запасалось на предстоящую долгую зиму. Ну а мы за это сухое безкомариное время успевали закончить свою работу и переместиться для камералки (обработки собранных материалов и составления полевой карты) на базу, где можно было спокойно работать в тепле и отъесться.



В маршруте без комаров и мошек, после первых заморозков.



Лошадям тоже отдых без гнуса.



Первый осенний снег на горах.



Тайга желтеет, осень 1963 г.

А дальше, к октябрю, нужно было ждать вертолета, чтобы отправиться в Омсукчан. В палатках было тепло - делали нары, на них стелили шкуры и спальные мешки. Кроме того, у нас была еще и печка с запасом дров. Обычно уходящий на охоту или дежурство растапливал печку, закладывая дрова, а остальные продолжали кеифовать в тепле, досматривая сны.

Но и тут не обходилось без шуток. Однажды сосед по палатке, уходя на охоту, поставил в печку зажженную свечку, и мы, выглядывая из мешков и поджимая ноги от утреннего холода, думали, что вот сейчас будет тепло. Но проходило время, а тепло не становилось - маленький огонек в печке горел себе и горел, не становясь больше. По возвращении охотник долго смеялся, смеялись и мы, но все-таки устроили ему небольшую «темную».

Встречали нас в «аэропорту» Омсукчана работники администрации Экспедиции и, к нашему удивлению, сотрудники органов УВД. Они внимательно пересчитали и записали все привезенные нами остатки продуктов, особенно муку в мешках, и, удовлетворенные,



А вот и зима пришла, конец маршрутам.



Первый вертолет для вывоза части людей и грузов партии.

отправили всех по домам. Оказалось, в стране был тем летом неурожай, поэтому все продуктовые запасы строго учитывались. Хорошо, что мы все сдали, а то могли бы попасться на судебное разбирательство. Опасно бывает не знать, что творится в стране и мире.

Конец осени и зиму 1963-64 годов мы пережили более-менее спокойно. Особенно сильных морозов не было, всё держалось в пределах тогдашней нормы: -45-50 градусов. В морозы больше 50 градусов работать вне помещений не разрешалось, но нас это не касалось – мы ведь всегда работали в помещениях. Была только одна досадная перемена: райадминистрация запретила отправлять по почте посылки с красной рыбой и икрой. Но получать посылки со спиртным, слава Богу, не смогла запретить. Вот мы и радовались. Возвращаясь с почты, на ходу качали посылки и слушали, булькает или нет. Особенно внимательно слушали в предновогодние недели: что прислали с материка – водку, коньяк или шампанское? Иногда присылали и то, и другое, и даже третье.

Интересно было наблюдать за тем, как ведет себя алкоголь в предновогоднюю ночь. Шампанское замерзло полностью, поэтому его перед Новым годом отогревали на батарее. Водка замерзала отдельными водяными кристаллами, плавающими в чистом спирте. Любители выпивали этот спирт вместе с «закуской» из водных кристаллов. И только коньяк не замерзал, а становился густым, как крем – его можно было нарезать на куски ножницами. Спрашивали: «Сколько тебе кусочков коньяка отрезать?»

Так весело справляли Новый Год большой компанией в столовой. Это было большое помещение, в котором нас ждала готовая горячая еда и елка, сделанная из кедрово-стланиковых веток, прочно вставленных в отверстия листовенничной палки и украшенных мишурой и игрушками. Мы, молодые геологи и горняки, веселились и плясали под музыку, звучащую из принесенной с собой «Спидолы». В помещении были и более взрослые люди, в основном, эвены из окрестных стойбищ. Некоторые из них, уже знатно поддавшие, подходили с предложением: «Парень, ты танцуешь»? За такие вопросы их авторы получали по мордам. Тогда ещё и слыхом не слыхивали о толерантности, да и вообще делами в Европе не интересовались. Повеселившись, мы отправлялись догуливать кто куда: в гости к знакомым, которые жили в домах в поселке, или к себе в общежитие.

К весне у нас в комнате произошли перемены. Коля Чупринин уезжал в отпуск, но попрощался насовсем. Он говорил, что уже списался с Пятигорской экспедицией и после четырехмесячного отпуска

будет там работать. Мне было немного жаль, что Коля уезжает. Мы с ним устроили себе горнолыжный склон на горе Фестивальной, только двое его и утаптывали, ставили флажки и уминали трассу. И только мы вдвоем и получили от профсоюза приличные горные лыжи и слаломные ботинки, потому что больше никто не увлекался этим видом спорта. Коля уехал, а к нам с Чингизом поместили бурового мастера из Тенькинского района. Это был выпускник Ленинградского горного института, парень примерно одного с нами возраста. Новичок целыми днями пропадал на работе, на морозе. Приходя домой, он то ли от усталости, то ли из-за лени прямо в рабочей одежде бухался на постель. Не снимая перчаток, выпивал стакан «Зверобоя» и заедал его нарезанным сыром. Конечно, ему было тяжело. Работа непростая: зимой на буровых станках, стоящих по разведочной сетке, а еще надо было следить за полнотой выемки керна.

Как потом оказалось, наш новый сосед работал на разведке серебряного оруденения, изучение которого привело к открытию крупнейшего в стране сереборудного месторождения Дукат. Это открытие изменило жизнь всего поселка и Омсукчанского района в целом. Но это произошло только в 1975 году. А пока, в 1964-м, жизнь продолжалась без существенных изменений.



*Начало нового полевого сезона 1964г.
Пос. Меренга, выход с лошадьми и
орочем Сергеем.*

В апреле, еще «зимней» весной, я отправился с небольшим скарбом на вертолете МИ-4 в поселок Меренга. Здесь я должен был нанять проводника ороча и взять четверку лошадей, чтобы провести их на место полевой базы Туманинской партии. Она располагалась в неотработанной восточной части листа Р-56-XXX. В этой части имелся большой участок белого пятна. Вероятно, этот участ

сток был обойден всеми предыдущими съемщиками полумиллионного и миллионного масштабов из-за того, что находился в гористой труднодоступной местности. Южной частью лист выходил к побережью Охотского моря. Мне, молодому исследователю диких и безлюдных мест, это тоже представлялось интересным и познавательным.



Весна 1964г. Цветет верба.



Начало пути к перевалу по льду р. Алики.

Путь проходил практически там же, где и прошлой весной, только теперь нас было двое, не считая четырех лошадей. Причем ни лошади, ни ороч по-русски не говорили. Приходилось изъясняться либо жестами, либо такими словами, смысл которых ясен и без перевода. Я думаю, что их поняли бы даже на островах Полинезии.

Весна оказалась ранней и более теплой, чем в 1963 году, поэтому вдоль больших рек было легко идти вслед за навьюченными лошадьми. Но в предгорье Туманинского хребта уже начинали течь снеговые ручьи, и надо было спешить, чтобы пересечь его до половодья. Вот тут-то и начались трудности. Ороч был низкорослый, и лошади не хотели лезть за ним в снеговую кашу. Приходилось мне идти во главе отряда и своим телом пробивать дорогу. И так – до перевала. Хорошо хоть, что солнца было много и все быстро высыхало, да и крепок я еще тогда был. Только ороч твердил: «Однако сдохнем, на ... ». Я отвечал: «Не бойсь, не сдохнем: рано еще».

Ночевки были короткими, и устраивали их там, где придется: то на склоне каменистой осыпи, то под ним. Кедровый стланик, росший на таких осыпях, так и выпрыгивал, разгибаясь под полом палатки – весна шла вовсю. За Туманинским хребтом она уже почти перешла в лето. Лиственницы покрыл зеленый пух, а на больших проталинах, окрашивая их в светло-лиловый цвет, вылезали красивые цветы – сон-трава.



Ночевка на ветках кедрового стланика.



За перевалом Туманинского хребта уже настоящая весна. Лиловые поляны.

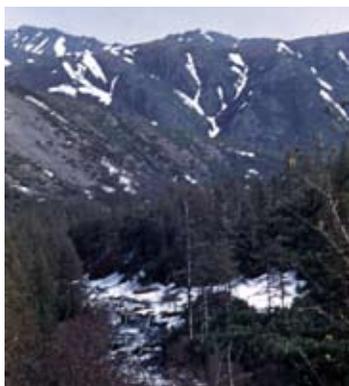


Цветет сон-трава, поэтому лиловатый цвет полян.

Лес таежный приобретал свой обычный глухоманистый вид, особенно в предгорьях охотского склона Туманинского хребта, где он был представлен рослыми лиственницами, лиственничным подростом, тундровой березкой и кедровым стлаником.

Ближе к побережью, на холмах высотой до 500 метров, растительность состояла полностью из 2,5-метрового кедрового стланика, и верховой ели выглядывал из-за нее.

Погода все время стояла великолепная, весь день светило солнце, так что мы быстро приближались к месту предполагаемого устройства полевой базы на берегу реки Туманы. Провизия у нас кончалась, ведь в пути мы уже были около месяца. Когда пробирались среди лиственничного редколесья, над нами пролетел самолет У-2. Вероятно, он должен был сбросить продукты, но не увидел нас и пошел куда-то дальше.



Долина реки Тэукич за перевалом к Охотскому морю.

Через сутки мы вышли к реке Туманы. Нашли хорошее высокое место на берегу, среди редколесья с хорошей речной банкой, годной для посадки вертолета. Тут прождали еще неделю прибытия вертолета и нашей партии. Всякая еда уже давно к тому времени кончилась. Ороц Сергей ходил со своей малокалиберной винтовкой, а потом и с моим карабином, но ничего не добыл. Тогда я решил, что отправлюсь пешком вниз по реке, пройду 25 километров до берега моря. Там, судя по топокарте, стояла избушка метеостанции, а в ней должен быть радиопередатчик.

Путь предстоял рискованный – разливы рек шли полным ходом, а тропы не было. Но я решил, что за день дойду. Сергей пообещал продержаться до моего возвращения.

Я отправился в дорогу налегке, с одним только карабином и пачкой патронов. Вместо молотка в руке держал крепкую палку – для опоры. На пути то и дело приходилось перелезть через многочисленные завалы ломаного леса.

Однажды, отойдя чуть в сторону от поймы реки, я вышел на открытое место и увидел интересную картину. Вдали, метров за 50 от меня, стояла полуголая лиственница, а к ней вели глубоко втоптан-ные медвежьи следы. Траектория следа была ровной, а не вихлястой, как обычно. На стволе лиственницы, на высоте примерно 1,7 метра, видны были следы медвежьих покусов, а еще выше – царапины мощных медвежьих лап на коре. Я понял, что это сигнальное дерево участка медвежьей охоты, медвежьей собственности. А принадлежат эти владения медведю поистине богатырской стати.

К вечеру без приключений добрался до метеостанции. Меня встретили метеорологи, муж и жена. Они удивились моему появлению, поэтому не обошлось без короткого допроса – откуда это я взялся в таком месте и в такое время, да еще с карабином. К счастью, документы были при мне. Метеорологи им поверили, но все удивлялись, как это я смог сюда добраться из самого Омсукчана. Связались по ради-ции с Экспедицией, договорились о срочной, первым же вертолетом, доставке еды: чая, сахара, хлеба, консервов. На следующий день метеоролог, которого звали Дмитрием, стал готовить лошадей с «пер-вой помощью» для нас с Сергеем. Благо по правому борту долины Туманов шла тропа. А я пошел на берег моря и стал наблюдать, как местный ороч ловит сетью рыбу – гольца. Он палкой с берега заталки-вал в воду сеть длиной метров 20, а через 15 минут уже тащил ее обрат-но – с довольно крупной рыбой. Так он наловил солидную, по моему понятию, гору рыбы. Тут с горки спустился напарник рыболова, ороч Вася. Подошел к нам, взмахнул руками и говорит: «А я лежу и думаю, что это так спинка чешется? Однако рыбки много будет». Я так и упал со смеху. Тем временем Дмитрий уже навьючил двух лошадей провизией, и мы отправились к нашему мини-лагерю.

По дороге, вблизи лагеря, мы повстречали медведя. Охотники убили его и притащили к нашей наледи, сделав запас мяса. И это мясо, и продукты, которые дали метеорологи, здорово нам пригодились, потому что первый вертолет прилетел только через 10 дней.



Свежевание медведя – главный запас мяса.

к маршрутно-поисковым работам. Назначили возчиков, проверили, как они понимают кроки, установили день выхода в маршруты. В этот установленный день с утра тоже все было хорошо: погода ясная, успех обеспечен. Но вот незадача: к концу дня небо затянуло. Спускаться с гор пришлось уже под дождем, а когда все собрались в условленном месте, полило с еще большей силой. Люди понуро стояли, укрывшись от дождя кто чем мог. Пришлось брать власть в свои руки. Я приказал ближайшим ко мне трем коллегам прекратить нюни и заняться установкой палатки. Потом разожгли костер, поставили на огонь таган, кастрюли и большой чайник. Другие за это время взялись развьючить и стреножить лошадей, укрыть вещи брезентом. Вскоре сварилась каша с мясом, вскипел чайник. Большой костер из стланика горел ярко и всех согрел. Так закончился наш первый маршрутный день.

Но лето все-таки взяло свое. Наступили длинные дни, светлые и теплые. Лошади, исхудавшие за то время, пока шли дожди (сырую траву они не едят – животы пухнут), подкормились и окрепли. Маршруты наладились. Вовсю цвел багульник, и медвежьи мамы важно разгуливали по лесу с малышами.



Затекание туч и тумана с моря, главное затруднение для маршрутов.



Лето.
Хребты для маршрутов.



Лето. Медведица на прогулке с медвежонком.



Местность работы. Это место мне снилось еще в Ленинграде.

Однажды в глухой тайге, недалеко от базы, мы наткнулись на брошенный лагерь. Для чего он был там поставлен, мы не знали. Но доски от деревянных барачков нам пригодились: мы из них делали нары. Куда удобнее отдыхать на нарах из плоской доски, чем из кругляка.

Пару дней потратили, чтобы перевезти доски на базу. А местность вокруг была удивительно живописная. Для какой надобности там поставили лагерь для зеков?

Только если лес валить. Но его же приходилось как-то вывозить оттуда, а следов дороги мы не нашли. В то время еще не были изданы книги А. Солженицына о ГУЛАГе, поэтому мы и не могли разгадать загадку бесцельного, как нам казалось, поселения заключенных в тайге.



Перевозим доски из закладера на базу партии.



Крест в зарослях кедрового стланика.

Примерно в этом же районе мы вскоре наткнулись на стоявший среди зарослей кедрового стланика большой православный крест без всякой надписи. Решили, что этот крест имеет отношение к покойникам из заброшенного лагеря.



Стройка лабазы для продуктов.

Таежное лето дает удивительную возможность наблюдать животных в дикой природе. Иногда мы становились свидетелями незабываемых сценок, которые они разыгрывали, не подозревая о присутствии зрителя. Вот на перекате посреди реки сидит медведь и лапой бьет по воде – ловит рыбу, скорее всего, хариуса. Ударит и загребет под себя, снова ударит и опять – под себя. И так несколько раз. Потом, видимо, решил, что уже хватит рыбы. Встал, и последняя пойманная рыбешка – уплыла. Медведь заревел, стал хлопать лапами по воде: обидно ему, это видно по морде. В конце концов,

оглянулся, отряхнулся и ушел. Именно летом медведи особенно активны, вероятно, потому что кедровая шишка еще не совсем созрела, а старая осыпалась. Вот они и охотятся вовсю за всем, что шевелится.

Особенно сильно доставалось бурундукам. Медведи выискивали и разрывали их норы, поедали запасы. Приходилось и нам оберегать свое продовольствие. Мы строили на деревьях высокие лабазы, помосты с далеко выступающими краями, чтобы медведь не мог от ствола дотянуться лапой до края навеса. Лестницу убирали, а деревья (тополя) вокруг того, где устраивался лабаз, спиливали под корень. Все это делалось, когда мы приступили к работам в районе белого пятна. Неизвестно было, сколько времени придется там провести.

Местность оказалась сложная, гористая, с крутыми карами после горного ледника. Отыскав подходящую площадку для временного лагеря, мы делали оттуда звездные и многодневные маршруты, чтобы охватить съемкой и поисками этот далекий от базы угол листа. Он был действительно хитрый: крутые острые хребты, обрывистые склоны, системы ручьев, текущих не к морю, а в речные долины другого направления. Интересны были разнообразные граниты с хорошей обнаженностью и поисковой значимостью. Попадались участки с гнездами горного хрусталя и крутые блестящие осыпи с минералами молибденитом и халькопиритом.



Горный хребет с послеледниковым цирком в районе «белого пятна» на ранних картах.



Скалы района «белого пятна» никем не документированного на геологических картах.

Как-то раз, когда я был в одиночном маршруте с ночевкой, произошёл со мной необычный случай. Только я собрался разжечь костер, чтобы греться и готовить еду и чаек, как что-то заставило меня взглянуть на противоположный берег реки. Я увидел, что там на одном из холмов горит куст стланика: хороший такой согревающий костер. Это показалось мне весьма странным. Кроме меня, в тех местах никого не должно было быть. Я решил не зажигать огня. Съел сухомятку свою еду, укутался, во что мог, залез на ветки стланика и ночь перемогся. Когда рассвело и солнце согрело мою сторону долины, внимательно рассмотрел в бинокль горевший ночью куст, но ничего интересного рядом с ним не обнаружил.

Немного погодя я решил переправиться на другую сторону реки и посмотреть, что там такое случилось. Поставив карабин на боевой взвод, пошел в то место, где ночью пылал огонь. Обгоревшим был только один куст. А возле него на глинистой почве я увидел следы сапог с незнакомым мне рисунком. Это был явно выраженный крест. Таких сапог не носил никто из наших. Поскольку карты этого берега реки были на другом планшете, я решил больше тут ничего не исследовать.

Перейдя речку обратно, отправился по своему маршруту - по направлению к нашему лагерю, который еще предстояло отыскать. Шел тихо, старался не шуметь. И тут - редкая удача: впервые я увидел маленькое стадо пасущихся на склоне муфлонов (диких баранов) раньше, чем муфлон-наблюдатель увидел меня.

В нашем лагере давно не было свежатины, и я решил попытаться счастья. Подкрался как можно ближе к барану (вот он на фото), метров с двухсот выстрелил - и попал! Пришлось свежевать тушку.



Муфлон-наблюдатель (точка между скал).



Муфлон подбитый метким выстрелом.

Хорошо, что она была небольшая. И все же весу в рюкзаке прибавилось изрядно. Но ничего: и барана дотащил, и лагерь нашел на реке быстро. Возчик поставил его точно там, где договорились. Вот радостно было! И ужин получился преотличный. Коллеги говорили, что давно не едали такого вкусного мяса. Я спросил их, не встречали ли они случайно какого-нибудь незнакомца или необычных следов. Но никто ничего такого не видел. Тогда я рассказал о своем приключении и всех попросил быть осторожными. На не очень удачном снимке видно, в каком виде я вернулся из сложного маршрута (светлая полоса – это дымок от согревающего костерка).



После трудного маршрута, вернувшись в лагерь отряда.

Вскоре мы завершили работу в районе белого пятна, и наш отряд направился на юг, к берегу Охотского моря. Там, конечно, оказалось теплее, хотя тоже уже припахивало осенью. И все же было большой радостью вырваться из плена мрачных гор и скал в страну светлого неба и приморского простора.

Вдоль побережья прослеживались те же равномернозернистые граниты. Но запомнился и хорошо обнаженный гребешок, на котором можно было наблюдать постепенные переходы к порфиридовым гранитам и далее к офировым липаритам.

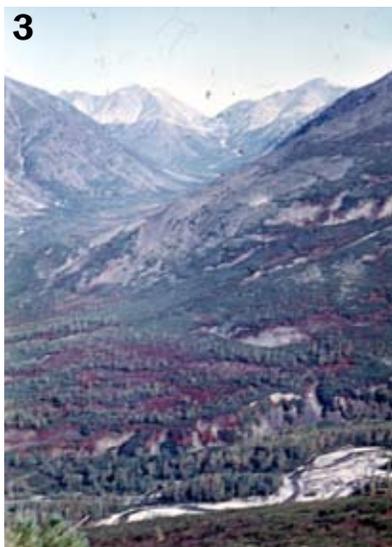
То есть – переход от гранитов к кислым эффузивам (излившимся на поверхность земли породам), составляющим наяханскую оловоносную свиту (толща пород, содержащая олово). Таким образом, удалось установить две возрастные группы гранитов: домеловую (вероятно юрскую) и меловую, различающихся и металлогенической направленностью – первая молибденоносная и вторая оловоносная.

Мы вели работы в мирном соседстве с коренными обитателями здешних мест, у которых тоже дел было по горло. Среди кедрового стланика с уже созревшими шишками угощались вкусными орехами многочисленные бурундуки и бурые медведи. Последние ничуть не мешали нам работать – не надо было только громко шуметь, стучать и разговаривать. Громкие звуки мешали медведям лакомиться, и они уходили. Зато когда начался второй заход красной рыбы, да такой обильный, что она, когда мы переходили реку, билась о сапоги, а воду в верховьях можно было пить только из мелких ручьев, медведи славно отбедались на зиму.

Когда опять наступила спокойная, желто-красная со снеговыми хребтами и гольцами осень, нам оставалось только доделать камеральную работу, и можно было собираться домой. Но не всем уготована была такая светлая участь. Кому-то предстояло перегоном



1



3



2

Осенние снимки сезона 1964 г. 1. Желтеют лиственницы. 2. Высокие хребты становятся снеговыми. 3. Тундра покрывается красными листьями ягодников. Сентябрь.



Лошадей отправляем по местам получения – кого в более ближнюю Меренгу, кого и в дальнее Брохово.

возвращать лошадей в места, откуда их брали. Одним достался короткий маршрут до поселка Меренга, уже проделанный нами весной, а меня и поисковика Юру Никитенко ждал длинный, километров в 350, путь с восьмью лошадьми до поселка Брохово. Этот поселок располагался на длинной косе в Ямском районе. Потребовалось время, чтобы собрать вьюки. В

них был овес для лошадей, маленькая палатка, спальные мешки, кое-какая теплая одежда и еда на месяц.

В путь двинулись 25 сентября. Впрочем, о пути можно было говорить лишь условно. Его-то как раз и не было. Приходилось искать проходы между высокими кустами стланика, оставляя возле лошадей шест с красной тряпкой, чтобы потом найти свою связку. В удачные дни продвигались на 10-15 километров вдоль побережья, а уж если приходилось обходить прижимы, углубляться в прибрежные заросли и прорубать тропу в стланике, то удавалось пройти не более четырех километров.

Было начало октября, дни стали короткими. К 4-5 часам надо было найти полянку для ночевки и кормежки лошадей. В это время они уже были голодноватые и зубами пытались выдернуть из-под нас мешки с овсом. Наш вечерний ритуал был таким: мы развьючивали, спутывали и привязывали лошадей, где могли, а потом каждой насыпали по большой миске овса. Только после этого один из нас уходил искать воду. Второй тем временем ставил палатку, расстилал в ней мешки с овсом и спальные мешки, разжигал костер.

Только однажды этот ритуал немного нарушился. В тот раз Юра добывал воду, а я кормил лошадей. Посчитал, что вроде бы всем овсом насыпал. Но нет: смотрю, одна стоит без миски. Вгляделся, а это медведь пристроился в лошадиный ряд и тоже ждет овса. Пришлось на него прикрикнуть, чтобы убирался вон, да еще и громыхнуть железной посудой. Тогда медведь рывкнул недовольно и, ломая кусты, убрался. Я рассказал Юре эту историю, и мы вместе от души посмеялись. Но все же

огородили наш лагерь веревкой, к которой привязали пустые консервные банки, миски и всякое другое железо, чтобы гремело, если мишка вдруг опять захочет полакомиться овсом.

Оставалось меньше чем полпути до поселка Брохово, когда мы увидели ороchonское стойбище Тахтаямск. Здесь мы провели двое суток

и смогли как следует отдохнуть. В Тахтаямске был и хлеб, и молоко, и мясо, и даже медпункт и ветеринар, который, осмотрев наших лошадей, двух решил оставить у себя, чтобы подлечить.

Нас с Юрой никто не осматривал, поэтому мы смогли участвовать в последнем заходе на лов корюшки. Она пахла так же вкусно, но была мясистее и в два-три раза крупнее нашей широко известной питерской весенней рыбки. Мы вволю наелись только что пойманной корюшки, немного пополнили свои припасы и снова отправились в путь. На прощанье местные жители посоветовали нам дальше идти в основном берегом и заверили, и что прижимов больше не будет. Мы воспользовались этим советом и, миновав последний обрывистый прибрежный участок полутайги-полутундры с характерной погнутостью ветвей лиственниц в направлении преобладающих ветров, вышли к береговой линии. Поначалу казалось, что по ней идти легче, но потом начались затруднения, причем весьма значительные. Там, где речки образовывали эстуарии, прихломные края выглядели ровными. Но на самом деле они оказывались скрытыми болотами. Вот здесь-то нас и поджидали трудности. Выючные лошади проваливались в трясину на все четыре ноги. Приходилось их развьючивать, а потом всеми возможными способами выволакивать из болота. Когда лошади оказывались на твердом склоне, их нужно было снова навьючить. Все это заставляло нас терять время, а было уже 28 октября, отчетливо чувствовалось скорое наступление зимы. Кедровый стланик разгибался и клонился к земле, закрывая легкую дорогу вдоль берега моря, которую иногда указывал нам медвежий след.

Первый снежок выпал, когда до Брохово оставалось совсем немного. С моря дул сильный холодный ветер, и приходилось натягивать на



Охотское побережье, путь к Брохово.
Октябрь 1964г.



Охотское побережье. Предзимье, пришлось натянуть на себя баульный мешок для согрева в пути.

себя не только всю свою одежду, а вообще все, что только можно было придумать. Я натянул поверх ватника брезентовый баульный мешок: хорошо, совсем не продувает.

В одну из ночевок мы слышали по радио, что в космос запустили сразу троих космонавтов, а провожал их сам Н.С. Хрущев. А на следующую ночь ничего не могли понять, потому что встречал космонавтов уже какой-то Л.И. Брежнев. Решили, что и Бог с ними, как-нибудь без нас разберутся. А нам предстоял последний переход. Лошади, вероятно, почувяв близость дома, так и шли рысью по галечной косе, и к вечеру мы прибыли в Брохово. Сдали лошадей по акту, накормили остатками овса, и сами разместились в деревянном бараке с печью. Обогрелись, обсохли. Жаль только, что бани не было.

Поселок Брохово населяли расконвоированные бандеровцы. Располагался он на длинной косе, вдававшейся в Охотское море. В Брохово нам сообщили, что в стране сменилась власть. Главным стал Брежнев, а Никиту скинули. Но самое главное, мы узнали, что ни самолеты, ни вертолеты в Брохово не летают. Связи с миром тут вообще нет никакой, поэтому сообщить в Омсукчан, что мы еще живы, невозможно. Но есть и хорошая новость, обнадеживали местные жители. Она заключалась в том, что через неделю поселок ждал прибытия морского буксира «Пекин». Буксир должен был забрать две баржи с заготовленной красной рыбой и икрой и отвезти их в Магадан. На одну из этих барж мы тут же и перебрались. На ней был достаточно большой отапливаемый кубрик, а команда состояла из шкипера и матроса. Хватило и места на нас и наше барахло,



Баржи Ойра и Армань во льдах у Броховской косы. Конец октября 1964г.



На барже Ойра в Ямской губе.

которое представляло собой седла, спальные мешки и палатку. Еду на барже можно было готовить самостоятельно. У моряков имелся большой запас картошки и боченок с вкуснейшей тихоокеанской сельдью слабого посола. Оставалось только прикупить водки, лука и подсолнечного масла. И все: к плаванию готовы.

Баржи были сварные, железные и не самоходные. Та, что побольше, с экипажем, называлась «Ойра». Обе они уже вмерзли в еще пока некрепкий лед и ждали, когда придет малый буксир, чтобы вызволить их и пришвартовать к «Пекину». И вот настал день прибытия «Пекина». Нам предложили перейти на него, но мы уж так сроднились с экипажем «Ойры» и до того устали перетаскивать вещи, что отказались. Наши шкипер и матрос не возражали. Им даже веселее было в нашем обществе травить разные байки и стоять вахту.

В одну из ближайших ночей малый буксир стал выдергивать «Ойру» из замерзшей бухты. Ночь для проведения этой операции, скорее всего, выбрали потому, что меньше штормило и легче было справиться с длинными концами, которыми швартовали баржи. «Пекин» в это время дрейфовал напротив Брохово.

До того момента, когда «Ойра» сбросила ледяные оковы, мы крепко спали – все равно темень была непроглядная и ничего, кроме шатающихся огней прожекторов, невозможно было увидеть. Проснулись, когда баржу начало трясти. Поднялась такая качка, что по каюте все летало вместе с нами. Среди ночи до нас сумел добраться шкипер. Он сказал, мол, всё, ребята, пойте отходную, нас оторвало от буксировочных тросов. И действительно, баржу в открытом море бросало из стороны в сторону огромными волнами – баллов под семь-восемь. Все это было видно сквозь серую пелену потоков воды в маленький иллюминатор. Вот тогда-то нам стало уже не весело, а, наоборот, тоскливо, и сделать ничего для своего спасения мы не могли. Но к рассвету волны вдруг стали бить в носовую часть баржи равномернее, а вылезший с биноклем шкипер принес радостную весть. Малый буксир сумел подхватить концы



Откачка воды из трюма баржи Ойра ручной помпой на ходу.

тросов и присоединить «Ойру» к ближней барже. Так мы и буксировались – в конце хвоста, а хвост был длиной не менее 500 метров.

Надо было обогнуть полуостров Кони, а для этого – уйти далеко в открытое море. После шторма пришлось зайти внутрь этого полуострова, в Ямскую губу, где проверяли весь крепеж и груз на баржах. Наша «Ойра» оказалась груженной икрой в бочках для особого засола, ее ждали в Магадане для спецрейса в Москву. День отстоялись, и шторм, казалось, немного поутих. Поэтому отправились дальше, благо, до Магадана было недалече. Но стоило выйти в открытое море, где продолжало штормить, как проявились неполадки у нас на барже. Шкипер прибежал к нам с горящими глазами и доложил, что в трюме течь и воды уже слишком много, чтобы не затонуть. Стали искать сигнальные средства, так как радики всё равно не было. Фальшвееры все подмокли, сигнальные ракеты – только шипели. Я предложил стрелять из карабина в рубку буксира. На это предложение мне ответили крепкими словами и принялись опробовать мотопомпу. Но она тоже не работала.

Оставалось одно – справляться своими силами, то есть откачивать воду ручной помпой непрерывно до самого Магадана. Работали мы по-сменному. Откачивали сутки до самого причала, который, по счастью, для нас освободили, решив не заставлять дожидаться на рейде. Так 6 ноября 1964 года мы с Юрой Никитенко прибыли на родную колымскую землю. Моряки добыли для наших вещей машину, направляющуюся в Омсукчан. И, распрощавшись с новыми друзьями, мы отправились домой. В общежитии нас, уже неожиданных, встретили геологи, собравшиеся за праздничным столом. Вот радости было! И пьянка получилась уже не только по поводу Октябрьской революции, но и в честь живых возвращенцев из, казалось бы, обычной геологической жизни.

СВОБОДА ВЫБОРА И НАЧАЛО НАУЧНО-ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наутро после возвращения я узнал, что у меня из общежития украли всю зимнюю одежду. Исчезли полушубок, шарф и подаренный мне отцом зимний лётный шлем. Хорошо хоть, что оставалось теплое белье, толстый свитер, жилетка и обычная зимняя шапка, и к этому я купил еще шерстяные варежки. С таким гардеробом и решил перезимовать. Думал, дотяну до весны, а там – уеду на материк, в отпуск или насовсем, как карта ляжет.

А зима в тот год выдалась лютая. Сначала -40, но постепенно дошло до -50 градусов. Потом пришел нормальный якутский антициклон: с середины января до середины марта стояли морозы -60. Интересно, что они держались только внизу, в долине, а на горушке было теплее: -55.

Но ту суровую зиму мы пережили довольно легко, потому что никуда не ходили - занимались одной только работой. Надо было заканчивать подготовку листа Государственной карты, а он оказался сложным и интересным.

В поселке был обычай устраивать зимой вечер художественной самодеятельности. Все лучше, чем китайское кино, которое давно всем надоело. Каждую зиму какая-нибудь организация назначалась ответственной за подготовку и проведение вечера. В 1965 году выбор пал на нашу Экспедицию. Так как я был секретарем ВЛКСМ, мне пришлось возглавить это дело. Я составил план, распределил между коллегам, кто чем должен заниматься. Ну и, как говорится, «за дело, товарищи»! А меня оставьте в покое: и так слишком много работы с

отчетом и картой на одного геолога и начальника партии.

Тот вечер художественной самодеятельности удался на славу. В подробностях вспоминать о нем я не стану, зато чуть позже расскажу о последствиях этой истории.

Зима в делах и заботах пролетела быстро. Наступил март. Я с нетерпением ждал отпуска, первого за три года непрерывной службы. Отпуск мне полагался большой: тут и длинные «полевые», и ещё Бог знает что и за какие заслуги (а еще лучше Бога все это знает бухгалтерия).

Сидя в кабинете за микроскопом, я мечтал, как в Магадане сажусь на пароход, а он идет вокруг Азии, вокруг всего света, а потом приходит прямо в Ленинград... Эти мечтания оборвала моя заместительница, она же секретарша. Пришла и говорит: «Из райотдела комсомола пришло сообщение, что нам выделена путевка: турпоездка пароходом в Ханой и обратно. Мы эту путевку решили дать тебе. Так что ты, Стас, едешь в отпуск во Вьетнам». Мы с Силинским тогда еще посмеялись, мол, вот ведь «намечтал» себе отпуск. А с замшей своей поспорил – сказал, что если не получу это путевку, выйду из комсомола. Она в ответ: «Что тут сомневаться? Получишь, все за тебя головосвали». Но все же поспорили для смеха.

Недели через три мне был официально оформлен отпуск. Мы с друзьями отметили это славное событие. Я тогда уже решил для себя, что обратно не вернусь, и подготовил к отъезду свой тощий чемодан. Вот она, свобода выбора!

А тот спор с секретаршей я все-таки выиграл. Администрация ОмКГРЭ отказала мне в поездке. Отказ был сформулирован так: «Администрация, партийная, комсомольская и профсоюзная организации Экспедиции не рекомендуют тов. Турченко С. И. для поездки за границу, так как он не участвует в художественной самодеятельности». Под текстом шли подписи поддержавших решение об отказе.

Документ этот и по сей день хранится у меня. В книге можно было бы привести его копию, да не стоит на глупость тратить бумагу. А вот фото с моим участием в выступлении хора с песней «Держись геолог, крепись геолог...» могу показать.

Я давно был готов к отъезду, но морозы стояли такие, что не ходили ни автобусы, ни какой-либо другой автотранспорт. Пришлось мне задержаться в общежитии, и мы с друзьями по комнате гуляли, как хотели.

Дня через два таких гулянок я выскочил в гражданской одежде в магазин за новой порцией «гуляльных» товаров – напитков и закусок.



*Художественная самодеятельность
в клубе пос. Омсукчан Зима 1965г.
В верхнем ряду справа стоит Стас.*

Возле магазина стояли два завешенных рудовоза «Урал». У каждого в кузове – по две бочки касситерита. Подойдя к одной из машин, я узнал у водителя, что они направляются в Магадан, и попросил взять меня до аэропорта. Объяснил, что мне надо в отпуск, а ничего не ходит. «Места в кабине хватит, - сказал водитель. – Но дорога в такие морозы опасная. Если не боишься и сможешь быстро собраться, поехали».

Я ответил, что мигом буду готов: живу напротив, нужно только взять чемодан. Прибежал в комнату, быстро натянул под пиджак свитер, надел сапоги, пальтишко. Сказал: «Пока, друзья, я уезжаю: нашел попутку. Вот вам напитки, закуска. Прощайте!». В ответ услышал: «Счастливого пути! Удачи!».

Я прыгнул в теплую кабину рудовоза, и мы помчались-поехали. Точнее сказать, начали с трудом пробираться вперед по зимней Гербинской трассе. Водитель все время вздыхал и охал. В ответ на мой вопрос о причине этих вздохов он сообщил, что волнуется за неопытного напарника – как бы тот не залетел в сугроб. Именно это вскоре и произошло. Но не с напарником, а с нами самими. Пришлось мне, в моей почти гражданской одежде, вылезать с лопатой на мороз и пургу, выгребать снег из-под колес. Шофер двигал машину туда и сюда, и в итоге мы все-таки вылезли на трассу. Напарник после первого же перевала тоже влетел в сугроб, причем серьезно: вытащить его мы не смогли.

К счастью, рядом находилась станция помощи «Александровская». Многим отпускникам-колымчанам только до нее и удавалось добраться. Здесь они оставались пропивать остатки заработков. Но мы с моим шофером, оставив на станции напарника с «Уралом» и концентратом касситерита, благополучно миновали это место и вскоре выбрались на главную колымскую трассу Сеймчан-Магадан. Тут уж поехали быстро. Водитель довез меня прямо до входа в аэровокзал, чтобы я не мерз, добираясь туда от трассы. А ведь для этого ему пришлось сделать крюк не менее чем в 30 километров.

Как раз в тот год открыли прямое авиасообщение Магадана с Москвой и Ленинградом – достроили ВПП. И сразу же много

свободных граждан захотело убраться из страны холодов и относительной честности. Когда я вошел в помещение старенького магаданского аэровокзала, оно было набито людьми, словно банка шпротов – кильками.

В этой массе оказалось очень много армян и западных украинцев. Сначала меня это удивило: откуда они взялись на Колыме? Только потом я понял, что все это мастеровые, строители домов. Закончив работу, они стремились домой. И всем им нужен был самолет в Москву, через которую лежали их пути в родные края. Поэтому в Ленинград можно было улететь легко.

Вскоре в моем кармане уже лежал билет на ближайший рейс. И тут я вдруг понял, что помогает мне выбираться невредимым из разных бед. Это – мой ангел-хранитель, и он и дальше будет помогать, если я не совершу чего-нибудь чрезвычайно отвратительного.

В ТУ-104 моим соседом оказался мужчина средних лет. Он спокойно спал в своем кресле. Стюардесса объявила, что мы летим на высоте 10 000 метров, а температура воздуха за бортом составляет -60 градусов. Я подумал: «Ну и что, такое мы уже на земле переживали». А мужик вдруг подскочил с криками: «У меня ведь яйца в багаже, они же замерзнут!». Я его еле успокоил. Сказал, что скоро будет дозаправка в Новосибирске, так что согреемся вместе с яйцами. «А там и до Питера недалеко – всего четыре часа. Вспомни рассказ Джека Лондона «Тысяча дюжин» и спи спокойно», - убеждал я соседа, а сам едва сдерживал смех. Так с шутками на борту и добрался домой в Ленинград.

В моем родном городе за те годы, пока меня не было, жизнь немного изменилась. Я не сразу это заметил. Но одна перемена была совершенно явной. Раньше наша семья жила на 2-й Советской, а теперь – на 4-й. Впрочем, это не было для меня такой уж новостью. Перед отъездом я успел получить письмо с новым адресом. Почта даже в такую даль ходила в те времена исправно и довольно быстро. Новая квартира была маленькая, но зато отдельная. В ней жили все наши, от отца и матери до тетюшек и бабушек. Только сестра Светлана теперь проживала отдельно. Она успела выйти замуж и завести сына. Пришлось батюшке немножко потесниться – уступить мне маленькую, метров в шесть, комнату. Я ухитрился разместить в ней все свое имущество: раздвижной диван, большую медвежью шкуру и секретер для книг и документов.

Месяц я гулял. Навещал друзей, а они – меня. Но скоро я понял, что моим знакомым не до гулянок, все заняты своими делами и работой. Мне тоже пора было что-то придумывать.

Идею подал мой друг по факультету Юра Гниловской. Он тогда работал во ВСЕГЕИ (головной геологический институт) и занимался геологией Памира. Однажды Юра мне сказал, что у них в институте открывается тема по изучению происхождения гранитоидов Юго-Восточного Памира, и им нужен аспирант. «Начинать можно уже этим летом, - сообщил Юра. - Работа будет на Памире».

Мне нравилась такая перспектива. Но она требовала поступления в аспирантуру ВСЕГЕИ, а это означало, что нужно сдать экзамены по неизбежной истории КПСС, английскому языку и специальности. Так что я снова засел за книги, а через месяц сдал все на «отлично» и был принят в аспирантуру.

Но занятия в институте ждали до осени, а геолого-геофизическая экспедиция под руководством доктора наук Ю.И. Сытина не ждала. Она должна была заниматься составлением глубинного профиля Памиро-Алая и уже улетела в город Ош Киргизской ССР. Там к экспедиции должен был присоединиться геолог. Вот как раз этим геологом я и оказался.

Оформив в дирекции документы, в том числе и те, что давали право работы в погранзоне Памира, я отправился в Ош. С собой взял немного вещей и геодезическую рейку длиной около 2,5 метров. Мои будущие коллеги забыли взять ее в Ош из Ленинграда. Экспедиции предстояло работать на Памире долго, с июня до конца сентября. Нужно было составить единый глубинный разрез земной коры Памиро-Алая от Оша до Хорога в Таджикистане, причем с несколькими ответвлениями. Планировалось использовать магнитометрические, сейсмогравиметрические и геологические наблюдения.

Рейс из Ленинграда в Ош прибыл примерно в 17.00. Идя по улицам города с длинной рейкой, я вызывал удивление местных жителей, причем прохожие все были сплошь нерусские. А когда я пришел по адресу, где должна была находиться экспедиция, оказалось, что она куда-то переехала. Куда – никто не знал. Я стоял на улице и раздумывал о том, что же мне теперь делать. И вдруг вижу, навстречу идет рыжеволосый парень. Внешность у него была совершенно не киргизская. Я остановился и наобум спросил парня, не знает ли он случайно, куда могла переехать русская геологическая экспедиция. «ВСЕГЕИ что ли?», - спокойно отреагировал тот.

Я просто опешил от такого везения. Рыжий привел меня в один из соседних переулков, где стоял дом с большим подворьем, занятым машинами. В этом доме и жили теперь мои будущие коллеги. Начальник отряда Аркадий очень удивился, что я, не имея адреса,



На горе Сулейман в г. Ош
Киргизской ССР. 1965г.



Вид г. Ош с горы Сулейман.

сумел разыскать экспедицию. «Адреса у меня не было, зато какой замечательный был указатель, что вы рядом! Это указатель – ваш рыжий Вася», - пошутил я.

После этого все познакомились и устроили небольшой той, что по-киргизски означает «праздник».

По меркам Киргизии, Ош – большой город. Это областной центр, и в нем в те времена в основном жили люди двух национальностей – киргизы и узбеки.

Зеленый, на удивление тихий и чистый, Ош имел свой особый колорит, который подчеркивали два полные восточных красок базара, многочисленные чайханы и, конечно, гора Сулейман-Таш - местная святыня.

Через много лет я был потрясен тем, какая вражда разгорелась между представителями разных народов в этом городе. Хотя – что там удивляться: везде пошла борьба за власть, а значит, за большие деньги.



Чайханы города Ош.



1. Грузовой осел, сзади горка дынь. 2. Бабай узбек. 3. Киргиз на осле верхом

А тогда, в 1965 году, мы с Василием спокойно ходили, где хотели. Бывали и на базарах, и в чайханах, и в кино, и ничего с нами не случилось. Местные жители обычно не любят, когда их фотографируют, но здешние уже привыкли, цивилизовались, и никак не реагировали на фотосъемку. Поэтому нам удалось снять и некоторые типажи на рынке, и уличные сценки.

Жили мы в Оше неделю, пока настраивали оборудование на местные условия, ведь тут в магнитном поле и гравике есть своя специфика. Так что мы занимались приборами и на местной противочумной станции делали себе прививки.

Интересно, что в Оше я ни разу не видел лошадей, а весь гужевой транспорт составляли ослы. Это, наверное, повелось со времен борьбы с басмачами – я и раньше нигде в Киргизии и Узбекистане не встречал лошадей у местных жителей. А может быть, повлияла и Отечественная война, когда весь конный транспорт забирала армия.

Мы выехали в поле в конце июня и остановились километрах в сороках от Оша, немного в стороне от трассы Ош-Хорог и недалеко от небольшой речки. Вода в ней явно была чистая – в речке водилась местная форелевая рыба осман. Это очень хитрая рыба: чтобы ее поймать, нужно забрасывать удочку обязательно в положении лежа. Иначе осман заметит рыболова и ни за что не клюнет на приманку. К тому же перед употреблением этой рыбки следует очень хорошо счищать черную брюшину – она ядовитая. В общем, поразвлеклись немного.

В маршруты мы ходили совместно с геофизиками, чтобы правильно указывать породы в документации. Поначалу работать было трудновато: одолевал зной, все время хотелось пить. Пологие холмы



Перевал Талдык на Алайском хребте. 3615 м над уровнем моря.

стояли голые, совсем без кустарника, и тени нигде было не найти. Вечером спасала близость речки – после маршрута удавалось помыться и почувствовать себя человеком, способным как следует поесть.

Вскоре подошли к первому из гряды хребтов Алая. Тут к нам присоединился второй геолог. Им оказался мой знакомый, Никита Георгиевич Власов, преподаватель кафедры общей геологии ЛГУ и научный сотрудник ВСЕГЕИ. Мы с ним работали по разным сторонам трассы Ош-Хорог в пределах Алайского хребта. Больше всего – в районе высокогорного перевала Талдык (высотой 3615 метров, см. фото).

Трудность состояла в том, что северные склоны были еще заснеженными, а южные – уже без снега и более обнаженные. У нас с Власовым выявились некоторые расхождения в трактовке геологического строения этого участка. Пришлось мне вместе с ним сделать несколько высокогорных маршрутов, чтобы устранить разногласия. Это привело к тесному знакомству с Никитой Георгиевичем. Позднее, встречая друг друга во ВСЕГЕИ и университете, мы всегда раскланивались и обменивались дружескими приветствиями.

После работы в районе перевала последовал довольно легкий для изучения спуск в Алайскую долину. Здесь в районе кишлака Сары-Таш нас встретили пограничники и сотрудники противочумного отряда. Первые хотели выяснить, нет ли среди нас лишних людей, а вторые – не имеется ли непривитых.

В этом районе начинался Памир, практически полностью безлюдная высокогорная страна. Магнито- и гравиметрические исследования



Кишлак Мургаб на Памире.

и геологические наблюдения в ней тогда почти впервые проводил научный отряд ВСЕГЕИ.

Мы проехали на машинах дальше, чтобы встать где-нибудь за кишлаком Мургаб постоянным лагерем и уже оттуда на машинах подходить к нужным линиям геолого-геофизического изучения на Юго-Восточном Памире. Именно этой области была посвящена моя аспирантская работа.

На фото справа – машины на подъезде к большому соленому озеру Кара-Кол, находящемуся на высоте около 3500м. А вверху – кишлак Мургаб, районный центр Юго-Восточного Памира на высоте 4100м. Но, чтобы до него добраться, надо было еще пройти через перевал Акбайтал, расположенный на высоте 4655 метров над уровнем моря (нум). Горной болезни, то есть слабости или головокружения, я не испытывал.



Памир. Машины экспедиции движутся к оз. Кара-кол Высота 3500м.

На перевале стояла база центра погранотряда, где нам следовало зарегистрироваться. А недалеко располагались горячие источники Джарты-Гумбез, на которых всем хотелось побывать. И не зря. Это было очень интересное место: в гранитных скалах вырублены ванны, а к ним подведены трубы. Одна труба с горячей водой из источника, а вторая, отвод от реки Мургаб, с холодной. В этой трубе была сделана задвижка, с помощью которой регулировалась подача холодной воды. Это позволяло поддерживать оптимальную температуру ванны. Все было сделано из природных материалов. От источников открывался



*Ваханская долина.
Яки у юрты памирцев.*



1965. Ваханская дол. Дикие верблюды

*Дикие верблюды
в Ваханской долине.*

красивейший вид на горы. Вдали виднелись кибитки, возле которых паслись яки, а еще дальше – дикие верблюды.

Горки здесь были небольшие, сложенные песчаниково-сланцевым материалом. (Но на фото - вид на север, а на юг – вид на снеговой Ваханский хребет).



Проехав еще немного дальше от источников, мы остановились на площадке в Ваханской долине, закрытой горками от северных ветров. Стояло лето, и днем на солнечной стороне чувствовалось тепло. Но вечером и ночью был сильный холод. Мы возили с собой баллон с газом и готовили еду на плитке – для костра не было дров. Начальники отрядов шутили, мол, отапливаться будем стволами терескенов. А терескен – это пучок травы с коротким стволиком.

Наш лагерь стоял на высоте 4500 м нум, и вода здесь закипала, наверное, градусов при 80. Во всяком случае, можно было засунуть в кипящую воду палец и не обжечься. Макароны в такой воде варились очень долго. В палатки, чтобы залезать в спальные мешки не в холодрыге, мы ставили для отопления нагретые огнем паяльной лампы валуны гранита. Все было неплохо организовано. И все-таки не обошлось без приключений.

Местность, в которой мы находились, была примечательна еще и тем, что представляла собой высокогорную пустыню с песчаными барханами, наползающими на склоны гор. На глиняных такырах многоугольные сухие участки перемежались с влажными.

Ваханский хребет в западной его части граничил с Афганистаном, а в восточной – с Китаем. Пограничники в те годы охраняли горные

5. Памир, Ваханская дол. вы. 4500 нум

Палаточный лагерь на высоте 4500 м.
Памир. 1965г.

Памир, Барханы выс. 4200 нум Ваханский хр.

Отроги Ваханского хребта. Барханы на
отрогах, высота 4200 м.

рубежи таким образом: в шести километрах от верховьев долин стояли вышки, на которых сидели дежурные и следили за границей в оптические приборы. Случилось так, что пока геофизики ездили на машине на профиль, мы с рыжим Васей лазили по окрестным горам. К вечеру стало холодать, и мы спустились на трассу, где нас должна была подобрать машина. Но ее долго не было, и мы пошли к погранпункту. Он был огорожен колючей проволокой и охранялся вооруженным часовым. А за оградой стояла наша машина. Мы сказали часовому, что это та самая машина, которая должна отвезти нас в лагерь. В ответ на это часовой сообщил, что мы арестованы. Все. Включая машину. Часовой был одет в теплую куртку, а мы стояли в одних рубашках и уже дрожали от холода и голода. Глядя на это, пограничник внял нашим просьбам и связался по рации с начальником. После этого нас запустили в домик погранпоста. Там мы увидели двух наших геофизиков и водителя. Шла проверка документов. Кроме нас, в домике находились два солдата и сержант. Поодаль сидел пойманный на нашей стороне границы афганец. Из-за него-то и задержали солдат и сержанта, а заодно и нас, раз уж мы сами напросились.

Афганец был одет в полосатый халат на голое тело. Голову покрывала чалма. На ногах – стоптанные ичиги. С трудом подбирая и выговаривая русские слова, беглец просил не отправлять его обратно. Сержант был неумолим. У него имелся приказ отправить афганца в Афганистан. Мы все кое-как переночевали в пограндомике. Афганца при этом поместили в отдельную клетушку.

Утром, поев солдатской каши с мясом, мы решили, что нас вот-вот отпустят. Но не тут-то было: нас держали еще два дня, пока не приехала противочумная бригада. Каждому вкатили по шприцу с вакциной

против чумы, только после этого нас отпустили. Машину, прежде чем вернуть нам, тоже облили противочумной жидкостью.

За два дня под арестом мы съели почти недельный солдатский рацион. Но пограничники были на нас не в обиде. Сказали, что им интересно было пообщаться с ленинградцами.

После этого случая моего напарника по горным маршрутам забрали к себе геофизики-гравиметристы, и мне пришлось ходить в горы одному.

Однажды нужно было определить породы на северном отроге Ваханского хребта, в районе 5298 метров. Наш лагерь располагался на высоте 4500 нум, так что подняться еще чуть выше не составляло труда. Тем более что путь наверх начинался с пологого хребта. Я отправился в маршрут, взяв с собой немного продуктов и штормовку. На ногах были ботинки-трикони. Очень кстати, потому что гребень был сложен разноразмерными глыбами гранитов, скрепленными нарастающим в углублениях снегом. Эти самые глыбы мне как раз предстояло изучать в аспирантуре. Увлечшись их разнообразием, я и не заметил, что поднялся слишком высоко. Солнце перевалило далеко за полдень. Я заметил большую плоскую плиту, на которой решил устроиться, чтобы перекусить, сделать записи и отдохнуть. Как только поел, меня сморило. Расстелил куртку, прилег, подсунув под голову рюкзак с образцами, и погрузился в сон.

Минут через 40 меня разбудили крики. Сначала я думал, что мне это кажется: видимо, горная болезнь меня все-таки одолела. Но нет, крики действительно были явью. На вершине я увидел группу альпинистов, одетых в желтые жилеты, и понял, что это у них тренировочный подъем по скалам с южной стороны. Пришлось еще немного схорониться, чтобы они меня не увидели. А потом, когда они ушли, я поднялся к вершине и обнаружил там свежесложенный тур с банкой, в которой была записка, что группа альпинистов поднялась по скальному склону на вершину 5298 такого-то числа и года. Я взял да и приписал: «И я тоже. 30.08.65» И подпись поставил: «СТ-65». Так я обычно подписываю свои образцы. Потом по саю, неглубокой долинке на склоне горы, заполненной гранитной дресвой и, местами, снежниками, я спустился, скользя на триконах, в долину нашего лагеря.

Через день надо было описать породы в западном конце выбросного маршрута геофизиков, километрах в двадцати от лагеря. Я отправился туда с Рахметом, водителем грузовой машины. Он должен был ждать меня на дороге, пока я лазаю по склонам окрестных гор.

Рахмет подкинул меня к началу маршрута, но склоны оказались довольно далеко от дороги. Тогда он сказал, что попробует подвезти меня по сухим такырам поближе.

Я говорил, что не нужно этого делать, но Рахмет не хотел и слушать. Он считал, что так как погода уже две недели стоит сухая, такыры выдержат пустой грузовик. Подвез меня почти к самому склону первой горки. До него оставалось лишь метров сто. И тут передние колеса грузовика провалились в мокрую глину такыра. Водитель стал сдавать назад, но колеса провалились еще глубже. Без помощи другой машины было не вылезти. Мы решили, что Рахмет пойдет за подмогой в лагерь (там была еще одна машина), а я отправлюсь по своему маршруту. К вечеру я вернулся к тому месту, где мы с Рахметом расстались. Машина находилась в прежнем положении – значит, помощь не пришла. Стало холодать, и я залез в кабину. Думал включить обогреватель, но ключа в замке зажигания не было. Нашлась пара лепешек и старый ватник. Я завернулся в него, поел и стал ждать помощи. А стемнело тем временем так, что стали видны памирские звезды. Они мерцали над величественными снеговыми горами, освещенными лишь взошедшей луной. Зрелище удивительное, да только сосредоточиться на нем я не мог. Становилось все холоднее, а ночь была еще впереди. И вдруг я увидел мелькающий луч света. Я был уверен, что это идет наша машина. Так и оказалось. Наш грузовик благополучно извлекли из глины, а мы с Рахметом дали себе слово больше никогда не заезжать на такыры. Через час, попив чайку, мы уже залезали в спальные. Они были очень холодные, но, по крайней мере, мы находились у себя дома, в лагере.

У меня остался необработанным только один участок – самый юго-восток Ваханского хребта вблизи китайской границы. В один из ясных сентябрьских дней мы с Рахметом отправились к горным склонам. На них всюду были обнажены разнообразные по виду граниты: как раз то, что мне и нужно. Я осмотрел все, оставалось лишь заглянуть в самый угол. Но этого я не стал делать, так как этот угол находился на самой границе с Китаем, буквально в 500 метрах. Тогда, в 1965 году, уже начались пограничные трения с этой страной. Позже они привели к вооруженному конфликту на острове Даманском, что на реке Амур.

Взяв последние образцы гранитов, мы быстро уехали обратно в лагерь. Там меня ожидал сюрприз. Приехал Юра Гниловской. Он сказал, что срок моего договора заканчивается, и мы вместе, по согласованию с начальником отряда Аргутиным, уезжаем. На следующее утро,



ул. в Самарканде

Улочка в г. Самарканде.

попрощавшись с коллегами и водителями, мы с Юрой отправились в обратный путь. Но уже не в Ош, а в Душанбе, где у Юры была работа в фондах Таджикского геологического управления. Эта поездка через центр Средней Азии оказалась очень познавательной. Дорога после Оша шла через Коканд, Маргилан и Ферганскую долину. От Ленинабада (теперь и ранее – Ходжент) можно было повернуть на юг, к Зеравшану, но мы решили сначала посмотреть Самарканд.

Хотя бы ненадолго задержаться в этом городе нас упрямил водитель Юриной машины. В Самарканде жили его родители, и он очень хотел их навестить.

Самарканд произвел на нас огромное впечатление. Этот город – действительно сердце Средней Азии. В нем сконцентрировано все её зна-

менитое прошлое: Медресе Улугбека, великого математика и астронома прошлого, мавзолеев Тамерлана, известного под именем Тимур, завоевателя всей срединной Азии и Индии, а также многие другие творения мусульманской культуры. В то время их можно было осматривать без опаски.

Через два дня мы поехали дальше, через город Пенджикент, где археологи нашли в раскопе большое цветное панно времен похода Александра Великого, то есть III века до нашей эры. Нам разрешили посмотреть на это выдающееся художественное творение.

Теперь наш путь лежал к кишлаку Айни, в районе которого есть небольшое селение ягнобцев. Этот народ с древнейших времен селится вдоль реки Ягноб. Поселение оказалось жутко бедным. Люди в нем жили в лачугах, сложенных из нетесаного камня, и сами были словно

Ю. Гниловской с водителем



Г. Самарканд. Юра Гниловской с водителем у медресе Улугбека.

Гур-Эмир, мавзолей Тамерлана



Г. Самарканд. Мавзолей Гур-Эмир (могла Тамерлана).

из каменного века. Кстати, многие считают, что ягнобцы – это таджики. Но на самом деле это потомки иранцев, участвовавших в походах Александра Великого.

После кишлака Айни трасса стала почти прямой. По ней мы добрались до Душанбе. Я привел в порядок свои вещи и сборы образцов, чтобы вместе с Юриным имуществом отправить их в Ленинград. Из Душанбе я улетел в Крым, добрался до моря на Южном берегу и провел неделю в Алушке.

К началу октября вернулся в Ленинград, узнать, как там все складывается с моей аспирантурой во ВСЕГЕИ. Колымский отпуск заканчивался, и нужно было решать, что делать дальше. Во ВСЕГЕИ мне сказали, что зачисление аспирантов в штат будет происходить

в декабре. А отпуск у меня был только до ноября. Но лететь назад в Омсукчан мне не хотелось.

И тут мой друг Саша Харитонов сказал, что в Лаборатории геологии докембрия АН СССР ищут аспиранта по теме метаморфогенного рудообразования, а прием будет уже в октябре. Руководителем Саши в аспирантуре Лаборатории был профессор ЛГУ Николай Георгиевич Судовиков. Я пошел к нему на беседу через два дня. Он долго изучающее на меня смотрел, много вопросов задавал о моей работе. Потом сказал, чтобы я зашел в отдел кадров. Там я показал свои документы и справку о сдаче экзаменов в аспирантуру ВСЕГЕИ. Но заведомо кадров заявляла, что экзамены нужно сдавать в учреждениях Академии наук. Меня ждала история всё той же КПСС на кафедре философии, английский на спецкафедре иностранных языков, специальность в Лаборатории. Я снова сел за книжки. Новой для меня была только тема метаморфогенного рудообразования. Сдав все экзамены повторно, с 25 октября я был зачислен аспирантом в Лабораторию геологии докембрия АН СССР.

Послал телеграмму в ОмКГРЭ с просьбой об увольнении по этой причине. И на радостях с друзьями устроил хороший той на медвежьей шкуре у себя в комнате на 4-й Советской. Вот что значит свобода выбора! Так было положено начало научно-геологической работе.

ОТ НАУКИ – СНОВА К ПРАКТИКЕ

Пришло время нового этапа моей профессиональной жизни. С самого его начала я общался с людьми, обладающими геологическими знаниями, но не производственного направления, а научного. Они понимали, как и почему структурно-тектонически устроен тот или иной изучаемый объект, каким было его происхождение в докембрийское время.

В Лаборатории геологии докембрия РАН (ЛАГЕД, как тогда ее кратко называли), мне предстояло заниматься изучением метаморфогенной природы сульфидного оруденения в докембрийских формациях. Тогда это направление геологических исследований было практически новым. Его развивал в ЛАГЕД профессор Николай Георгиевич Судовиков. Считалось, что аспиранты, у которых он был научным руководителем, находятся в надежных руках.

Моя жизнь в ЛАГЕД началась с составления плана работы на первый год. Объект исследования выбрали в Северной Карелии, в районе озера Кукас. Здесь также должно было проводиться структурно-динамическое изучение метаморфических пород. Мы планировали выехать в Карелию летом. А до того нужно было изучить литературные материалы по геологии выбранного района и посмотреть, что есть в информационных сообщениях, отечественных и зарубежных, о метаморфогенном сульфидном рудообразовании.

Лаборатория наша находилась тогда в стадии масштабного ремонта. Его затеяли потому, что был ликвидирован Геологический музей А.П. Карпинского, а освободившиеся помещения, переданные Лаборатории, нужно было приспособить под новые нужды. Всех аспирантов задействовали на такелажных работах. Нас так и называли: «аспиранты-такелажники». Общими усилиями мы быстро ввели



На жел. дор. станции Княжая со студентом Высоцким. 1966 г.

в строй библиотеку (она входила в структуру Библиотеки Академии наук), освободили от мебели будущий зал Ученого совета, где раньше была главная экспозиция музея, и частично подготовили к ремонту комнаты первого этажа.

Мое рабочее место находилось на втором этаже, в комнате, плотно заставленной письменными столами. Но теснота ничуть не мешала ни мне, ни моим коллегам. В конце весны и

начале лета многие сотрудники Лаборатории интенсивно готовились к полевым работам, то есть к практическому изучению своих объектов. Кому-то предстояло ехать на сибирские, а кому-то – на карело-кольские участки. Снаряжение получали по очереди. Сначала – сибиряки: они отправляли свой багаж раньше. Мы же должны были отослать свой только к концу июня, когда за полярным кругом, там, где располагались наши объекты исследования, стает снег.

Мой отряд состоял из двух пар. В первой была моя коллега Надежда Московченко с мужем Алексеем, а во второй – я и студент физфака ЛГУ Коля Цыганенко. Сплошные хохлы!

Мы подготовили к отправке две весельные резиновые лодки и снаряжение для полевых работ длительностью не менее двух месяцев. Все это немаленькое хозяйство было выслано багажным поездом на станцию Княжая Мурманской железной дороги. Через неделю отправились в путь и мы с Колей. Ехали пассажирским поездом, так как только он делал остановку на Княжей. Скорые эту станцию даже не замечали, все происвистывали мимо.

За бутылку водки мы договорились с водителем грузовика, чтобы подвез нас с вещами к дебаркадеру, от которого ходил к поселку Моша на Нотозере грузо-пассажирский катер. Здесь оставили вещи, а сами той же машиной поехали в Кандалакшу, где я должен был получить в банке деньги и закупить провизию.

В 1966 году, не в пример нынешнему времени, в Мурманской области держали льготные цены на некоторые продукты. Но их было не так уж много, так что мы могли всё увезти на себе. Основная масса провианта длительного хранения, включая сухари, мясные консервы,



Поселок Княжая Губа и одноименный залив Белого моря.

макароны, крупы, соль, сахар и прочее, была уже в багаже. Все это закупалось в Ленинграде на закрытой базе для учреждений (детсадов, воинских подразделений и пр.)

Расплатившись той же жидкой валютой, что и в прошлый раз, мы вернулись к причалу и договорились со шкипером, что будем ночевать на катере. И нам удобно, и судну дополнительные охранники, которых обретал катер в нашем лице, ему явно не помешают. К вечеру управились с делами и, поскольку было светло как днем, отправились посмотреть, что представляет собой заполярный Зеленоборск. Он оказался тихим, спокойным городом на берегу реки Княжей. Местные жители в основном занимались лесоразработкой и работой на гидроэлектростанциях. Одна из них стояла в Княжей губе Белого моря. Еще мы увидели водоспускной канал, по которому во время нереста поднимались семга и ряпушка – предмет повышенного интереса рыбаков-браконьеров. Но мы с Колей приехали в Зеленоборск отнюдь не в ту пору, когда семга и ряпушка шли на нерест, поэтому отправляться на поиски рыбки смысла не было. И мы пошли на вечерний сеанс в кино. В том время в Зеленоборске показывали фильм «Гений дзюдо». Мы посмеялись над примитивными сценами кинокартины и отправились к катеру. Ночевали в спальниках: было прохладно. На утренний рейс никто не пришел, мы с Колей так и остались единственными пассажирами. И катер, дав длинный гудок, вышел в рейс к поселку Моша, где жили в то время не более пяти семей карелов.

Плавание длилось довольно долго, около пяти часов, поскольку по пути катер делал заходы в разные населенные пункты озерного



Загрузка лодок в пос. Моша на Нот-озере, Сев. Карелия.

края, включая уже знакомый нам Зеленоборск. Но и там пассажиры не появились. К пяти часам вечера катер привез нас с Колей в поселок Моша. Мы разгрузились, а потом перетаскали вещи к стоявшей на берегу озера бане. Ее хозяином был местный житель Николай, знакомый Надежды Московиченко по прежним экспедициям. Николай пообещал, что на своей большой лодке с мотором подвезет нас и наши шмотки до торной тропы на Челозере. Эта тропа вела к месту нашей будущей работы на озере Кукас. День мы проковырялись с починкой лодки и подвесного мотора «Стрела», а на следующее утро, почти не распаковывая наш груз, отправились на Челозеро.

Путь был не очень далекий: километров восемь через Нотозеро, а потом – вверх по порожистой протоке, ведущей к Челозеру. Пройдя по нему километров десять, мы пристали к крутоватому берегу и выгрузили из катера вещи. Их оказалось довольно много, поэтому, чтобы удобнее было нести груз на плечах, мы распределили его на мелкие кучки. Идти с поклажей до берега озера Кукас предстояло километра два.

Пешеходную тропу обустроили, вероятно, очень давно. Она шла по неширокой просеке, и через болотистые места была проложена дощатая гать. Доски кое-где уже сгнили, но все равно тропа была хорошо заметна. Скорее всего, ее поддерживали охотники, рыбаки и, может быть, туристы, прознававшие о ней от местных жителей.

По первой ходке из-под ног часто взлетали рябчики и тетерева. Видимо, они здесь подкармливались: на освещенной солнцем юго-

восточной стороне тропы было много прошлогодней брусники.

В общей сложности каждому из нас пришлось сделать по 10-15 ходок, и после первой мы уже не встречали на тропе рябчиков и тетеревов. Скорее всего, птицы поняли, что сегодня им здесь покоя не видеть, и перебрались на другое место.

Натоптав по тропе по 20-30 километров и изрядно ухайдакавшись, к позднему вечеру мы наконец-то перетаскали весь груз. Отметим этот факт, а вместе с ним и начало полевого сезона, обильным ужином, сдобренными заслуженными возлияниями.

После этого мы два дня отдыхали: готовили резиновые лодки, разбирали снаряжение и продукты, а потом смотрели по картам, как плыть по озеру до островов, находящихся почти в самой западной его части.

Озеро Кукас было узким и извилистым, оно расширялось до пяти километров только к западу, как раз в районе островов и полуострова Хирви-наволок. На этом полуострове мне как раз и предстояло вести свои исследования.

С места нашей стоянки было видно, что озеро очень красивое, а располагается оно среди гористых увалов. Восточный конец озера с вытекающей из него малой речкой был перекрыт бобровыми плотинами, так как в тех местах росло множество любимых бобрами осин. Но мы нашли симпатичный ручеек среди камней. Он весело журчал и тек вниз, в Челозеро. В этом ручейке нам удалось наловить радужной форели. Она была мелкая, не более десяти сантиметров длиной, но нам хватило для царского обеда в тишине, нарушаемой лишь криками крачек. Даже под темным грозовым вечерним небом озеро не показалось нам устрашающим, и мы спокойно заснули, чтобы утром, плотно позавтракав, сесть в свои лодки и поплыть к месту работы. Плыть, то есть грести, сменяя друг друга по часам, нам предстояло 25 километров. В середине пути мы остановились на живописном мысу – перекусить и попить чайку. Воды набрали из ближайшего залива, спугнув при этом пару щук, пригравшихся на солнышке. Потом, как рабы на галерах, погребли дальше, держа



Восточный конец оз. Кукас, Сев. Карелия.

путь к самому большому острову на этом озере. Он назывался Петров остров. С трудом выбрали среди камней и леса небольшую площадку, чтобы поставить две двухместные палатки и тент по-бурятски: с местом для кострища и всего нашего хозяйства.

Я ходил с документацией вдоль и поперек острова, а Коля после каждого второго возвращения подбирал меня на лодке, чтобы отвезти подальше от берега, где была уйма комаров. В недосыгаемой для мошкары лодке, покачивающейся на открытой воде, я записывал все свои наблюдения.

Надежда и Алексей структурно документировали северный берег озера, а я продолжал изучать находящиеся в нем острова. У них были довольно странные названия: один Монастырский, а второй – Сосновый.

Недели через две мы почувствовали, что на весь срок экспедиции нам не хватит продуктов, особенно мясных консервов. Мы с Колей рано утром отправились на южный берег на охоту и для того, чтобы поставить сеть в протоке между мысом и берегом. Оказалось, что протока перекрыта полуразвалившимся мостом, а от него отходит едва заметный след дороги, шедшей ниоткуда и никуда. Мы решили разгадать эту загадку и поплыли на лодке вокруг мыса, оказавшегося оконечностью длинного узкого острова. К берегу вел просвет между кустами. Только мы сошли с лодки и двинулись по просвету, как с поляны поднялся небольшой лось. С первого же выстрела он лег замертво. Я начал неприятную, но давно ставшую для меня привычной работу по обработке туши, а Коля, наблюдая, брезгливо морщился. Но эту работу необходимо было сделать, чтобы запасти мясо. Для этого мы ведь сюда и приехали.



Резиновая лодка с добытым мясом лося.

Справились быстро и, загрузив наше резиновое суднышко, отправились обратно в лагерь. Наше появление разбудило коллег, и они поздравили нас с удачной охотой. Мы плотно позавтракали свежей лосиной печенкой, прожаренной «по индзаказу»: в зависимости от вкуса каждого. Закончив пиршество, стали обсуждать, как будем доставлять Надежду вглубь

северного берега, где она хотела завершить полевой сезон. И вдруг услышали шум самолетного двигателя.

Вскоре показался и сам источник шума: гидросамолет Ан-2. Он совершил посадку на воду у южного берега, недалеко от места нашей с Колей охоты. Наблюдая в бинокль за происходящим, мы увидели, как из самолета выгрузили лодку. В нее сели два человека, они подплыли к берегу, а потом ходили по острову около получаса. Затем они вернулись к самолету, погрузили через задний люк лодку, и самолет улетел, исчез, как будто его и не было. Коля, начитавшись охотничьих рассказов И.С. Тургенева, сказал, что это были Хорь и Калиныч. Они прилетели на остров, чтобы забрать с собой что-то, что забыли взять в прошлом. Мы дружно посмеялись над этой почти правдоподобной версией и продолжили заниматься своими делами, не забыв с удовлетворением отметить, что наш костер во время истории с самолетом совсем не дымил, а только тихо тлел. Мы решили, что Хорь и Калиныч нас не заметили.

Нужно было посмотреть, что они там такое искали. Мы вновь отправились на лодке на южный берег. И увидели, что напротив места посадки самолета располагается на бугорке поляна, на склоне которой стоит карельская изба с крепкой крышей из рубероида и двумя выбитыми окнами.

Это был тот самый дом, который мы видели на нашей топографической карте. Там обозначалось, что он находится на месте бывшей деревни Кукас. Дом имел пометку «разв.» (развалины). На самом деле его, конечно, нельзя было назвать развалившимся: эту избушку явно не так давно ремонтировали.

Недалеко от дома мы нашли погребок, в котором стояла бочка с грубой солью. Это нас очень обрадовало: теперь есть чем засолить впрок добытое мясо. Мы нагребли соли в валявшуюся неподалеку от бочки кастрюлю, чтобы забрать с собой. Это же, вероятно, сделали и «самолетные» визитеры. Они нагребли несколько мешков соли и улетели.

Позднее я узнал, что этими визитерами были геологи из Северо-Карельской партии ПГО СевЗапГеология, стоявшей на юге Пяозера. На небольшом плоском мысу острова мы нашли погост со сгнившими крестами. Стало понятно, что до Финской войны 1939-40 годов на этом острове жили две-три семьи карелов. Они были выселены отсюда перед войной, и за прошедшие годы территория одичала.

К этому остается только добавить, что в 1960-е в Петрозаводске, столице карельского озерного края, находился парк гидросамолетов

Ан-2, которые обслуживали и геологов, и охотников, и рыбаков. К концу 80-х это хозяйство куда-то делось, исчезло. Ну да ладно, что там говорить, многое исчезло, не оставив следа. Только тот, кто знал, вспомнит.

Целый северный день ушел на то, чтобы переправить на новое место работы Надежду и Алексея вместе с их снаряжением, лодкой и провизией. После этого мы с Колей остались одни. Продолжили перерабатывать мясо: занимались засолкой, холодным и горячим копчением добытой нами лосятины. И, конечно, много времени уделяли работе с моей документацией, посвященной островам западной части озера Кукас.

В начале августа перебрались в район полуострова Хирви-наволок (по-карельски означает «Лосиный мыс»). Тут пришлось крепко потрудиться, так как рядом находилось медное рудопроявление, изучение которого стало одной из частей моей аспирантской работы. Требовалось также изучить геологическую обстановку всего этого района, а на это тоже потребовалось немало времени. Хорошо еще, что лето все же было благоприятным для работы: дождливых дней оказалось мало. Еды хватало, мы ее сами готовили на два дня вперед.

К концу августа я решил, что все документировано и пора отправляться назад в Мошу, а затем домой. Выбираться было непросто. Пришлось загрузить лодку моими образцами, а их было много, и все с рудами, поэтому тяжелее обычных.

Добрались до восточного конца озера. Там где мы останавливались в первый раз, обнаружили полянки с большим количеством красных грибов. В таком изобилии я их раньше никогда не встречал. Пробыли на этом месте неделю, совершив пару маршрутов, из которых стало ясно, что требуется детальное исследование этого места. Но времени на это уже не было. Стало рано темнеть, погода начала портиться. Да еще целый день ушел на перетаскивание нашего снаряжения и остального груза к берегу Челозера. Прощай, озеро Кукас!

Часть вещей мы решили оставить на берегу Челозера. Причина в том, что резиновую лодку приходилось все время подкачивать на ходу, а плыть на ней надо было не менее десяти километров, да еще проходить через длинный порожистый пережат. А потом – проделать пять километров по открытому пространству через Нотозеро до поселка Моша.

Это было опасно, поэтому мы понадеялись, что позднее вместе с карелом Николаем съездим за оставленными вещами на его лодке с мотором.



Незаходящее солнце за полярным кругом. Лето 1966 г.



Вид на западный конец оз. Кукас.

До Моши добрались благополучно. Ветер дул не очень сильный, да к тому же попутный, и он хорошо нас подгонял. Причалили мы прямо к базе Николая. Он встретил нас приветливо. Сначала, по старинному обычаю, мы обменялись новостями, а уж потом стали говорить о делах. Тут выяснилось, что Николай как раз собирался ехать за скошенным сеном к Челозеру. Он разрешил нам сложить вещи под навесом у бани и на следующий день ее истопить. И не только чтобы помыться, а и для ночевки. То есть, чтобы устроить здесь временный лагерь. У Николая была большая семья, жена и четверо малых детей. Он обрадовался, когда мы предложили ему забрать все оставшееся у нас засоленное мясо и вяленую рыбу. Николаю заниматься заготовками на зиму было некогда, да и окунь еще не шел в ямы: рано для этого, вода теплая.

На следующий день два Николая, мой и местный, поехали на Челозеро, а я остался готовить баню и заниматься образцами и обедом. Так, в мелких, но нужных делах прошла еще неделя. В один из следующих дней по расписанию прибыл катер. Мы перенесли на него наши вещи, которые были уже упакованы для погрузки в поезд, и, тепло распрощавшись с Николаем и его семьей, уехали.

К вечеру прибыли на железнодорожную станцию Княжая. И тут же удачно, то есть быстро и недорого, наняли грузовую машину и привезли наши вещи к грузовой платформе, где еще открыты были весовая и багажная касса. Еще удачнее было то, что грузопассажирский поезд Мурманск-Ленинград прибывал в три часа ночи. Нам сказали, что если мы поможем тёткам (грузчиками в железнодорожные багажные вагоны почему-то всегда бывали женщины) погрузить наши вещи, то наш багаж уедет на этом поезде.

Мы, конечно, согласились, а потом решили, что и сами поедем до-мой этим же поездом. Чем ждать еще 12 часов пассажирского, лучше уж сразу уехать. Ну да, на сутки дольше, но зато можно ехать, спать в тепле. Так и сделали, и вполне себе с комфортом прибыли домой. Коля даже не опоздал на занятия на физфаке. А у меня выяснились две неприятности. Во-первых, летом умер мой научный руководитель Н. Г. Судовиков. А во-вторых, на Памире погиб Юра Гниловской. Он утонул в горной реке Сары-су, когда неосторожно, не сняв триконя, переходил ее вброд. Тело долго не могли найти, и пограничники уже решили, что Юра ушел за границу. Но через два года в Сарезском озере его нашли. Он стоял в воде вертикально, в триконях и с рюкзаком за плечами.

Я считал Юру опытным горным геологом. И все-таки он совершил ошибку, которая стоила ему жизни. Говорили, что Юра утром отправился в одиночный маршрут и легко перешел реку за лагерем вброд. А когда вечером возвращался, вода в реке уже поднялась из-за дневного таяния снегов. Юра забыл, что так всегда бывает в горных районах. Увидев совсем близко свой лагерь, он, вероятно, заторопился, решил по-быстрому перейти реку. Но течение сбило его с ног, и Юра, скованный тяжелыми триконями и рюкзаком, не смог выбраться на берег. Вот вам наука, друзья-коллеги: никогда не забывайте об осторожности.

Простите, что отвлекся от своего повествования. Сейчас продолжу. Тот факт, что я остался без научного руководителя, озаботил Виктора Андреевича Глебовицкого, хорошего человека, а в будущем – моего товарища. Виктор Андреевич был заведомом метаморфической петрологии, при котором я состоял аспирантом. Но в составе ЛАГЕД не нашлось сотрудника, способного взяться за руководство темой метаморфогенного рудообразования, которую я начинал с Судовиковым. Согласно академическим правилам, у аспиранта обязательно должен быть научный руководитель, хотя бы номинально. И меня отправили искать себе руководителя в Москве, в академических геологических институтах. Я был рад в том числе и возможности встретиться в этой поездке с моим другом Толей Кропачевым. Мы провели вместе несколько чудесных вечеров.

Два дня я ходил по московским учреждениям, беседовал с учеными. С кем именно разговаривать, наметил себе заранее. Но все, с кем я общался, занимались петрологией, не думая и не планируя задуматься о рудообразовании в рамках этого процесса. А может быть, я просто выглядел достаточно тупым в их глазах, не настолько компетентным в

той теме, о которой рассказывал, чтобы заинтересовать этих ученых.

Так или иначе, я вернулся в ЛАГЕД с отрицательным результатом. Посоветался с Виктором Андреевичем и доктором наук Юрием Михайловичем Соколовым. И мы решили, что сами будем разрабатывать это направление. Но все же поговорили с профессором Горного института, зав. кафедрой полезных ископаемых Павлом Михайловичем Татариновым. Он согласился стать моим научным руководителем, но с условием, что я закончу аспирантуру в срок, в декабре 1968 года, и за месяц до защиты представлю ему свою диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук. Все, не исключая и меня, с этим условием согласились.

Помня об этом, я много и интенсивно работал. Исследования природного вещества приходилось совмещать с обязательными занятиями на кафедрах философии и иностранных языков, а также со сдачей экзаменов на кандидатский минимум.

Кафедра философии очень серьезно относилась к вопросу посещаемости лекций и семинаров. Все пропуски занятий преподаватели отмечали у себя в журналах, а потом, на экзаменах, специально задавали испытуемому всякие каверзные вопросы по темам лекций и семинаров, которые он пропустил. Причем отвечать надо было не по-своему, а теми словами, которые на этих занятиях произнес преподаватель.

Но у нас на их хитрую штучку был свой винт: за годы обучения предыдущих аспирантов сформировалась папка с листами ответов на все вопросы. Эта папка постоянно пополнялась и бережно хранилась. Трудность была только в том, что надо было изучать еще целую кучу первоисточников, то есть книг и статей разных философов. Помню, перед экзаменом по философии я обложился кучей томов, от Аристотеля до Маркса и Ленина, и неделю их читал. Делал это лежа, так как через час чтения очередного занудного труда засыпал, а потом, проснувшись, снова заставлял себя читать. Из обязательного списка я не прочитал только письма Герцена. Думал, что они мне точно не попадутся на экзамене. А они, конечно, попались.

Я уже кое-как выпутывался из этой беды, вспомнив все, что знал про Герцена. Но оказалось, что у него семь томов этих писем. В общем, за этот экзамен заработал трояк. Но главное, что получил необходимую бумажку о сдаче кандидатского экзамена по философии. В этой бумажке ни слова не было сказано об оценке. Кстати, этот экзамен на кафедре философии АН СССР действительно был большим препятствием для получения ученой степени кандидата геолого-

минералогических наук. Так, один аспирант ЛАГЕД три раза пытался его пересдать, да так и не смог. В итоге он вылетел из аспирантуры. Но зато потом этот бывший аспирант стал успешным бизнесменом.

За всеми этими делами пролетела осень, потом зима и весна. Приближалось время подготовки к любимому моему делу: экспедиции. Она планировалась в тех же местах, где и год назад. В этом полевом сезоне мой отряд состоял из трех человек. Кроме меня, в нем снова был физик Коля Цыганенко, а также и вольный стрелок Шахнович, тоже молодой человек, но не студент. Задачи были примерно те же, что и в прошлом году. Мы должны были изучать среднюю часть побережья озера Кукас и, главное, выяснить распространенность рудоносных пород километров на 50 к югу – вплоть до Тикшозера.

Плавсредства на этот раз были немного другие. Нам выделялась трехместная байдарка и резиновая лодка-трехсотка (грузоподъемностью 300кг). Так что с грузоподъемностью теперь дело обстояло гораздо лучше, чем год назад.

Начали работу снова от Моши, вернее, от бани Николая на берегу Нотозера, где опять была устроена временная база. Там же собрали и проверили на прочность и отсутствие дыр байдарки, погрузились и, уже зная все трудности перехода порогов вверх по течению, самостоятельно отправились через Нодозеро к тропе на Челозере. Карел Николай научил, как следует при этом управляться с лодкой. Надо толкать ее с носовой части шестом, отводя таким образом от берега или каменных мысов и поднимая вверх по течению.

Началось изучение пород со средней части озера Кукас. Мы перетаскивали все свое снаряжение по тропе на берег озера, причем плавсредства перенесли на плечах и на головах (так, как видно на фото).



Перетаскивание лодки с грузом по лесной тропе.

Байдара, хотя и пустая, оказалась довольно тяжелой, особенно при длительной переноске на плечах. Но зато она была нам очень полезна, поскольку могла много чего вместить. Перемещаться на байдарке, когда работали втроем, тоже было удобно. Поработав недели две на берегах Кукаса, решили, что набрались сил

для передвижения на юг, к озеру Тикше. Для этого снова надо было выйти к Челозеру. Там, примерно в средней его части, в это озеро впадала река Винча, по которой надо было подняться вверх по течению и на этом месте отработать середину намеченного участка. В районе Тикше когда-то, в 50-х годах, бурили поисковые скважины на сульфидные руды. Мне надо было найти керн из этих скважин, располагавшихся по северной окраине озера. Это была тоже непростая задача. Ни на картах, ни на аэроснимках не было отмечено ничего подобного. Но должны были оставаться хотя бы следы от дорог к буровым.

Бродя вдоль берегов плоских болот, мы все же встретили колею от санной дороги, а потом увидели гать, по которой подошли к бугоркам, оказавшимся сваленными в кучу кернам из скважин.

Провозившись здесь несколько дней, я отобрал кучу не системных, то есть не нумерованных, образцов пород с сульфидами, и мы отправились к озеру Степаново (см. фото). Было известно, что где-то там имеется рудопроявление золота с сульфидами. Перемещались туда местами по водному пути через небольшие озера, а большей частью переноской на себе всего, что было взято и собрано мною. Места все равно были дикими, поросшими лесом, с тучами комаров, поэтому лагерь все же поставили на берегу озера, где продувало ветром. Это облегчало жизнь после маршрутов. Но рудопроявление я все же обнаружил – в заплывших канавах, недалеко от берега озера. Расчистив канавы, с удовольствием изучал



*Наш транспорт: байдарка «Ладога»
и резиновая лодка.*



*И таким образом перетаскивали грузы
между озерами.*

хороший природный объект, который потом стал украшением моей диссертации.

Пока работали вокруг этого озера, наступила середина августа. Ребятам, как мы с ними и договаривались с самого начала, в это время надо было уезжать в Ленинград. На смену им должен был приехать Володя Голубев, молодой лаборант ЛАГЕД. Я принял решение двигаться пешком к железнодорожной станции Чупа, расположенной в 30 км. Там мы должны были распрощаться с ребятами и встретить Володю. Предварительно упаковав весь лагерь и укрыв его ветвями, мы отправились в дорогу. По пути все время слышали звуки лесопил – где-то недалеко валили лес. На эти звуки мы и пошли. Километров через пять вышли к лесовозной дороге, и началась гравийная, ведущая к станции Чупа. Так и протопали все 25 километров. Причем ни разу, пока шли, не видели ни одной встречной или попутной машины. Как оказалось, мы шли в местный выходной, день лесоруба, поэтому никакого движения по лесной дороге и не было. Со станции я отправил ребят домой и дал телеграмму Володе, чтобы выезжал в Чупу, где я его встречу.

Рядом со станцией был большой поселок геологов СЗГУ, изучавших месторождения слюды – мусковита. Это месторождение было известно со средневековья. Тогда пласты добытой под Чупой слюды вставляли в окна домов бояр и других богатых людей, а в XX веке ее использовали для технических нужд.

Я дождался приезда Володи, и мы вместе закупили сухарей и хлеба на первое время. Затем на попутной вахтовке, перевозившей лесорубов, отправились к себе на озеро Степаново. Там все было в порядке, поэтому, поработав еще немного, я решил «дочистить» те места, которые пропустил на горе Винга и Челозере.



Перевоз вещей на оз. Степаново.

Весь обратный путь мы с Володией совершили вдвоем на груженой байдаре, к хвосту которой, когда возможно было плыть по озерам, привязывали груженую резиновую лодку. Если же надо было перемещаться между озерами, все барахло, включая и лодки, ехало на наших плечах.

Но вот добрались до реки Винча, по которой надо было спускаться к Челозеру. Тут мы решили, что не будем перетаскивать груз на порогах, а пройдем их на лодках прямо с поклажей. Сначала на резиновой, а потом на байдаре.

Резиновая лодка прошла спуск легко и спокойно. Но вот с байдарой на одном из больших и длинных порогов, Волчьем, пришлось трудно-



Порог «Волчий» на реке Винче, по которому спускались на грузеной байдарке.

во. Он был извилистым и поэтому для нас, груженых, оказался непростым. На легкой байдарке проходить его было бы, вероятно, сплошным удовольствием, отличным шансом показать свою умелость и бесшабашность. Прежде чем начать спуск, мы пешком прошли по берегу вдоль порога, изучая его и оценивая опасные места. Затем разделись до тросов и, пожелав друг другу удачи, приступили к сплаву.

Сначала все шло хорошо, лишь на одном из поворотов мы сели на камень. Но Володя, задний гребец, вылез в воду, столкнул байдарку и, уцепившись за руль, поплыл с ней на спокойную воду. Потом мы пристали к берегу. А на этом берегу, на большом камне, сидела и наблюдала за нашими приключениями нимфа: девица в купальнике. Оказалось, что по тому же порогу за день до нас спускалась на байдарках группа московских туристов. Они здесь здорово ободрались, поэтому решили остановиться, чтобы обсушить и заклеить лодки. Услышав издали «технические» выражения, которыми мы сопровождали спуск, девушка вышла на берег, чтобы посмотреть на таких же охотников до речного слаломы, как она и ее друзья. Спустя недолгое время к нам подошла вся группа московских туристов. Они помогли нам вытащить лодку и выгрузить наше имущество на берег. Ребята потом всё удивлялись, как это мы с таким грузом – баульным мешком с образцами пород, лопатой, топорами, да еще и кастрюлями в носу байдарки вместо надувных шаров – ходим по рекам и озерам, а на прицепе таскаем лодку с грузом. Осмотрев дно нашего плавсредства, они заявили, что байдара сильно ободралась, и придется нам задержаться, пока не склеим ее вдоль стрингеров. Три дня, пока не привели все в порядок, мы стояли вместе с москвичами. Много пели и выпили все, что у них было, закусывая тем, что было у нас. Стартовали мы все



Хороший улов.

лом, и было интересно наблюдать различие пород вдоль его берегов.

Здесь произошла интересная история, заставившая нас вспомнить легенду о Лохнесском чудовище.

Я сидел на корме лодки, спустив за ней на длинном поводке глубинную блесну, а Володя греб, сидя на носу. Мы задумали тогда наловить себе шук на обед и на вечер. Вдруг катушка затрещала, да так резко – мы уже подумали, что случился зацеп. Володя остановился, чтобы осторожно, не оборвав блесну, зацеп ликвидировать. Но тут леса заходила по кругу и начала дергаться. Я стал подтягивать. Говорю: «Что-то уж очень большая рыбина. Не бревно ли зацепили?» Подтягиваю лесу уже вертикально около борта байдары, и вдруг из воды высовывается раскрытая зубастая пасть с полметра длиной. Из пасти торчит капроновая леса. Потом я вижу огромную башку со смотрящим на меня глазом. Кричу: «Вова, к берегу!» Но тут башка мотнулась в сторону от борта, и – чик: леска перерезана, а байдарка, черпнув бортом, выпрямилась. Так мы лишились удовольствия продолжить знакомство с попавшимся на нашу удочку чудищем. Надо сказать, что на леске перед большой блесной был закреплен металлический поводок длиной с метр, со свинцовым грузилом. И все это сооружение вместе с приличным куском лески было заглочено таинственным озерным жителем. Жаль, что нам не удалось его рассмотреть. С другой стороны, счастье, что оно не перевернуло нашу большую трехместную байдарку.

А берега озера действительно оказались разломными. Северный был сложен раннепротерозойскими хлорит-мусковитовыми сланцами, а южный – архейскими гранито-гнейсами.

вместе, но потом наши пути разошлись. Туристы задержались на последнем пороге с водопадом, а мы его обогнули пешком и вышли в Челозеро, чтобы поработать пару дней на северном берегу.

Большую часть вещей оставили возле устья реки Винчи и налегке пошли на байдарке по озеру.

Челозеро узкое и рыбное, но не широкое, не более одного километра, местами до двух. Вероятно, оно лежало вдоль раз-

Удовлетворившись наблюдениями, я решил, что пора возвращаться домой. Для этого нужно было пройти длинный шиверистый порог, ведущий из Челозера в Нотозеро, а затем проплыть пять километров до бани в Моше.

Мы решили, что через последний порог переносить вещи не будем, а пойдем на байдарке без остановки, на авось. Сняли сапоги и одежду и погребли. На шиверах почувствовали, как пару раз скребанули по камням, но останавливаться не стали – все равно ничем не могли себе помочь, так как клей и резина кончились. Вышли в Нотозеро. На наше счастье ни ветра, ни волны не было, мы шли спокойно и легко. Но на середине озера я почувствовал, что зад у меня промок насквозь, а вода все прибывает. Сказал об этом Володе, добавив, что надо упираться что есть силы, чтобы не затонуть. И мы погребли во всю мочь. Метров за сто до берега мы были уже почти по пояс в воде, а в двадцати – начали стремительно погружаться на дно, как крейсер Варяг. Вылезли за борт. Оказалось, дно близко: воды всего по пояс. Поддерживая байдару, мы побрели к берегу. Настроение было отличное. Всё кончилось благополучно, и солнце ещё светило, так что после холодной озерной ванны быстро отогрелись.

А в бане, на нашей временной базе, среди вещей была припрятана у нас бутылка «Московской». Мы отхлебнули по сто грамм, оделись в сухое и прилегли отдохнуть на солнышке. Тут пришел дед карел и сообщил, что видел наше приключение, но помочь ничем не смог бы – все ушли собирать сено, в деревне остался только он да малые дети. Вместе с дедом мы и прикончили заветную бутылку, а потом начали соображать о еде и готовиться к бане. Баня была по-черному, и дед помог нам ее растопить.

Вечером мы встретились с Николаем. Поговорили о погоде, о новостях, а потом я попросил Николая съездить как-нибудь к реке Винче за нашими вещами. Он сказал, что съездит хоть завтра. И действительно, на завтра мы привезли ждавшие у реки шмотки.

За два дня все упаковали для перевозки по железной дороге. Когда заворачивали образцы в крафт-бумагу, дед все цокал языком и говорил мечтательно-просящим голосом: «Эх, мне бы такой пумаки». Вручили ему рулон крафта. А семейству Николая, по традиции, отдали все остатки наших продуктовых запасов: мясные консервы, сахар, мешок вяленых окуней. И, конечно, в придачу дали и деньги за базу.

На другой день прибыл катер. Распрощавшись по-доброму с местными, мы отправились знакомым путем в Княжую, а далее – поездом домой в Ленинград.

На этот раз нас не ждали никакие печальные новости: дома все было хорошо. Но без приключения не обошлось. Примерно через неделю после приезда я должен был получить зарплату. В тот день мы с Сашей Харитоновым задержались на работе, чтобы привести в порядок наши рабочие столы. Все уже ушли по домам, и, наконец, мы доделали наши дела и тоже собрались было уходить. И вдруг вахтер приводит к нам незнакомого мужчину в плаще и шляпе, в очках в тонкой оправе, и говорит нам, что этот человек ищет Эриха Карловича Герлинга, известного ученого, геохимика-изотописта. Мы взялись проводить незнакомца в кабинет Герлинга, а потом, заперев свой кабинет, спокойно пошли по домам. На следующий день, придя на работу, узнаем неприятные новости: у кого-то исчезли шапка и шарф, в соседнем с нашим кабинете украли из стола деньги и всякие мелочи. А я, посмотрев в свой стол, увидел, что у меня пропал фотоаппарат «Ленинград». Тогда мы спросили у Эриха Карловича, заходил ли к нему кто-нибудь вчера вечером. Он сказал, что заходил эстонский ученый, имени которого он прежде не слышал, и что он проводил гостя до лестницы.

Вызвали следователя. Пришлось рассказать ему все в деталях. Следствие длилось уже не менее полугода, когда в наш кабинет пришел представитель милиции и сказал, что сейчас здесь будет проходить опознание вора, и опознавать его буду я.

«Судя по материалам дела, именно вы его видели», - добавил милиционер.

Ну, что делать, надо так надо. Я вышел из кабинета и какое-то время ждал. Когда меня пригласили зайти обратно, я увидел, что в кабинете уже находится человек восемь по-разному одетых людей. Кто в пальто, кто в ватнике. Меня попросили посмотреть, нет ли среди этих граждан человека, который спрашивал Герлинга. Я внимательно оглядел людей, подумал, потом посмотрел еще раз и увидел в углу человека в плаще и шляпе. Кажется, он к нам и приходил в тот раз. Нисколько не сомневаясь, я указал на него. И тут, к моему удивлению, все начали громко хохотать. Некоторые от смеха буквально согнулись пополам. Оказывается, я указал на главного следователя, ведущего это дело (потом, при не менее смешных обстоятельствах, я узнал, что это был капитан по фамилии Пронин – известная фамилия из детективных историй). Главный следователь пробурчал: «Ну и идиоты работают в Академии наук». На том все и закончилось. Но не навсегда: скоро я рассказу, каким было продолжение этой истории.

Одним из главных событий зимы 1967 года был Чемпионат мира по хоккею с шайбой. Наша советская команда вела жесткую борьбу за первое место с соперниками из Канады, Швеции, Финляндии и Чехословакии. Мы изо всех сил болели за свою команду, а чтобы чувствовать себя не только зрителями, но и участниками борьбы, даже организовали собственный «хоккейный» тотализатор. Участники тотализатора заранее предсказывали счет той или иной игры, а за проигрыш должны были вносить деньги. Суммы были небольшие. Потом все дружно шли отмечать на эти деньги победу нашей сборной. Ходили в плавучий ресторан «Нева» (или, как мы его назвали, «Хеба») у Тучкова моста.

Другим развлечением были футбольные матчи, в которых участвовали команды лабораторий. Матчи стали организовывать, когда ЛАГЕД преобразовался в ИГГД с лабораториями вместо отделов. Еще мы очень весело отмечали День геолога, готовили к своему профессиональному празднику розыгрыши и делали кино под названием «Засланец».

Так развлекались аспиранты. Но постепенно, год за годом, нас становилось все меньше. Мои товарищи один за другим заканчивали аспирантуру и защищались. К концу 1968 года я остался один. Как мы и договаривались с профессором Татариновым, диссертацию я написал в срок. В декабре отправил ее на отзыв. Профессор читал ее примерно неделю, написал положительный отзыв, но не рекомендовал ее защищать. Это означало, что я сам должен искать место для защиты.

В то время в Ленинграде геологам нужно было, чтобы защита непременно прошла в одном из трех вузов: Горном институте, ВСЕГЕИ или ЛГУ. Но везде были очереди на защиту. Меньше всего срок ожидания оказался на геологическом факультете ЛГУ, и я записался туда на 1970 год. А пока остался, как и все, кто не успел защититься, старшим лаборантом-исследователем того же направления по метаморфогенному рудообразованию. Писал с коллегами научные статьи по этой теме в журналы и сборники. Теперь такие издания выходят под эгидой Института геологии и геохронологии АН СССР.

В 1969 году я поехал в экспедицию под руководством В.А. Глебовицкого в Забайкалье, где молодые докембрийские углеродистые толщи несут сульфидную минерализацию. Это явление требовалось изучить в районе золото-сульфидного месторождения Дарасун. Тут были свои развлечения: вместо комаров водились тучи слепней, которые слету садились и больно жалили открытые участки тела. Поэтому, несмотря на жару, приходилось надевать плотно закрытые

1969г. В. Забайкалье, Дарасун



Полевой лагерь на Дарасуне,
Забайкалье. 1969г.



В полевом лагере.
Забайкалье.

энцефалитки. На обнажениях клубились кучами змеи – свадьбы у них были что ли? Потом полили дожди, и речка Кручина, около которой стояли наши палатки (прекрасное, кстати, место), вздулась, как настоящая большая река, и каждые полчаса нужно было отмечать, насколько еще вода приблизилась к опасному уровню. В итоге пришлось срочно складывать вещи и перебираться на машине в другое место.

Через неделю дожди затихли, но возникли новые затруднения в маршрутах: появилось видимо-невидимо красных грибов. Они разнообразили наш рацион, но вскоре надоели, и нам велено было брать грибы со шляпкой не более 10 сантиметров. Но и тут-то был подвох: однажды в небольшом лесочке мы встретили такое месторождение, что малоразмерных грибов набрали с полкузова машины, и пришлось их заготовливать. Наш запасливый лаборант Ларик (Илларион) Иванов не выбрасывал банки из-под супов, а хранил их, вот в этих банках мы и намариновали грибов себе на закуску.



Забайкалье, лагерь на р. Кручина

Полевой лагерь на р. Кручина. Забайкалье.

Осенью в том сезоне мы работали на склонах гор, где были сосновые леса, а внизу на плоском месте – березняки с соснами. На склонах росли рыжики, тогда как на плоском месте – белые грузди на буграх. Засолили мы рыжиков и груздей две фляги,

каждая по 38 литров, и вместе с вещами отправили по железной дороге малой скоростью. Вот раздолье началось у нас в докембрии (имеется в виду, в институте), когда через полтора месяца закуска прибыла! Ее хватило надолго.

Наступил 1970-й, год защиты моей аспирантской работы. Надо было срочно печатать автореферат и подбирать оппонентов. Кафедры петрографии и минералогии отказались представлять мою работу: у них не было квалифицированных специалистов по моей теме. Но нашлись две добрые души. Зоя Александровна Образцова, старший преподаватель кафедры полезных ископаемых, сказала, что эта кафедра возьмется представлять мою работу. Только вот кто будет рецензировать этот труд? И тут Петя Ходанович, ассистент кафедры, взялся представить от нее рецензию. Мы с Петей были знакомы по работе в Киризии и Таджикистане.

Все препятствия были преодолены, и защиту назначили на май. Оппонентами стали доктор наук Леонид Львович Перчук и кандидат наук Петр Ходанович.

И вдруг, всего за три дня до защиты, получилась еще одна накладка. От Перчука пришла телеграмма, что на защите он присутствовать не сможет, так как сломал ногу. Кроме телеграммы, Леонид Львович прислал положительный отзыв на мою работу. Но в те времена полагалось, чтобы оппонент выступал на защите лично. Нужно было срочно искать замену выбывшему Перчуку, причем искать следовало не кого угодно, а доктора наук. И он нашелся – в докембрии. Вняв просьбе Виктора Андреевича Глебовицкого, за оппонирование моей работе согласился взяться Кирилл Александрович Щуркин, замечательный исследователь и очень отзывчивый, благородной души человек.

Защита прошла без происшествий, и через некоторое время я стал младшим научным сотрудником, кандидатом геолого-минералогических наук ИГГД РАН.

Все коллеги, друзья и родные меня поздравляли, и я сам себя тоже поздравлял. Вот славно! К 30 годам добился научного звания в геологии. Даже вошел в состав оргкомитета первого совещания по металлогении докембрия, которое проводилось нашим Институтом. Он назывался теперь Институтом геологии и геохронологии докембрия РАН и был уже утвержден в этом статусе президиумом РАН.

Научное звание отнюдь не означало, что со мной перестанут происходить забавные истории, как в юности. В том же 1970 году наши славные органы охраны правопорядка нашли того самого жулика, вора-профессионала, специализирующегося на кражах в научных

учреждениях, о котором я рассказывал. Он под видом ученого приходил на кафедры и воровал все, что можно легко вынести. Мошенник был из Риги. Там он промышлял, там же, благодаря какому-то бдительному вахтеру, и попался.

По этому делу меня вызвали повесткой в большой дом на улице Каляева (теперь это Захарьевская, как было и до революции) к майору Пронину. Моих коллег очень забавляло, что реальный майор носит фамилию из детективных книжек. Наверное, именно поэтому они относились к нему без пиетета. Когда майор Пронин во время разговора в большом доме сказал, что ему нужен номер моего пропавшего фотоаппарата, мне пришлось позвонить в институт. Трубку взял наш главный хохмач Вова Шемякин. Я попросил его назвать номер, а он в ответ потребовал, чтобы я сначала назвал счет будущей игры между сборными СССР и Канады. (Тогда еще продолжался Чемпионат мира по хоккею, и наш тотализатор по-прежнему действовал). Я вынужден был проговорить в трубку: «2:3». Майор Пронин сердито посмотрел на меня и сказал: «Что это за шутки? Таких номеров у фотоаппаратов не бывает». Пришлось рассказать, в чем дело, и дать записанный на бумажке настоящий номер камеры. На этом мое общение с милицией, слава Богу, закончилось. Суд состоялся в Риге, куда никто из нас, конечно, не поехал.



В лодочном маршруте на оз. Ладога в заливе Импилахти с Сашей Харитоновым. 1970г.

Летом 1970 года я должен был изучать оруденение в Севером Приладожье. Там же вел структурные исследования Саша Харитонов.

Мы оба работали на двух лодках с подвесными моторами, но часто – в разных местах. Только в районе Импилахти они совпали. Саша делал структурное картирование о-ва Маясаари, а я занимался изучением сульфидного оруденения в породах вблизи Питкярантского рудного поля. Самым трудным

был переход по открытой Ладоге из района города Сортавала к Импилахти. Но погода нам благоприятствовала, и за мысами большой волны не было. Мы хорошо поработали, порыбачили. Но без происшествий не обошлось.

Мой шофер, редкий придурок, как-то попросил взять его на рыбалку. Он хотел кинуть спиннинг и поймать щуку. Убеждал нас: «Я еще ни разу в жизни так не ловил». Мы решили взять его с собой и показали, как кидать спиннинг. А он с лодки со

всего размаха действительно кинул спиннинг в воду – весь целиком. Конечно, спиннинг тут же и утонул – да, половил рыбку, паразит.

К середине июля вернулись в Сортавалу. На длинном острове Риекалансаари, начинающемся прямо от нашей базы, у старого финна Иван Ивановича Пюхтия мы решили отметить 30-летие Саши Харитонова.

Как раз в этот день нашему главному шефу Н.С. Хрущеву пришло в голову, что народ спивается, и он приказал выпускать водку по цене 3 рубля 62 копейки за бутылку, а прежнюю, за 2 рубля 87 копеек, ликвидировать. Новую водку в народе прозвали «Коленвал» - из-за формы букв на этикетке.

Мы к празднику хорошо затарились. Но тут случилась у меня беда. В моем отряде работал молодой парень, электрик Сергей из нашего института. И надо же было такому произойти, что он встретил в Сортавале трех своих армейских знакомых, с которыми служил в Алакуртти в Мурманской области, почти на границе с Финляндией. Эти парни все были местные. Сергей обрадовался встрече, конечно, и попросил у меня разрешения остаться в городе до следующего дня. Назавтра он обещал прийти на базу к Ивану Ивановичу Пюхтия, а уж оттуда – к нам в лагерь.

Ну ладно, раз такое дело, да и парни вроде приличные, я, на свою голову, разрешил. На второй день Сергей не вернулся. Значит, что-то случилось. Срочно помчались в город на базу. Там выяснили, что наш парень не приходил ночевать: понятно, беда! Пошли с Сашей первым



На «Казанке» по оз. Ладога.

делом в военкомат, помня, что знакомые Сергея служили вместе с ним примерно в такие-то годы в Алакуртти. В военкомате нам дали фамилии и адреса этих парней. Сразу пошли по адресам. Нам везде сказали, что ребят нет в городе. Ясно, что беда, и не маленькая. Пошли в милицию. Я оставил заявление о том, что Сергей и его знакомые пропали, описав произошедшее во всех подробностях. После этого отправился в Ленинград, в Институт, с докладной запиской об этом деле. Через три дня получил телеграмму: «Приезжайте в морг опознавать тело». Собрал родственников Сергея и поехал в Сортавалу. Оказалось, парень утонул. Нашли и его «друзей» и открыли все дело. «Друзья» расположились в парке около пруда. Там выпили хорошенько и решили искупаться, но вода еще была холодной, и полез плавать только Сергей. В воде у него свело ноги, и он стал тонуть, а «друзья» не стали ему помогать, а дождались, пока он совсем утонул, забрали все вещи и решили сбежать из города. Все это установила милиция. За мной никакого греха не было, так как я взял с Сергея расписку, что он вернется на базу.

Через пару дней ко мне приехали студенты – два брата Высоцкие, Слава и Юра. Мы отправились в Мурманск, а оттуда на поезде прибыли в славный город Никель, второй в стране металлургический центр по производству никеля и сопутствующих ему металлов. Там мы встретились с Юрием Ивановичем Ильиным, доброй души человеком из города Апатиты, из Геологического института Кольского научного центра РАН.

Юрий Иванович отвез нас в поселок Приречный, находящийся при богатом сульфидным никелем Аллареченским месторождении. Здесь мы расположились в полубараке (на Крайнем Севере везде были или бараки, или полубараки – основной тип местных построек), который занимал мой однокурсник, уехавший с семьей в отпуск.

После случившегося в Сортавале я не отпускал от себя своих сотрудников ни на шаг. Правда и ходить-то здесь, кроме как в карьер, когда там не было взрывных работ, или в соседний березнячок за грибами, было некуда. Месторождение оказалось интересным – оно давало богатую никелевую руду (до 16% Ni), которую раз в неделю добавляли к рядовой Печенгской руде для повышения процентности добычи никеля.

Здесь мы собрали интересные геологические материалы – и для меня, и для студентов кафедры, и к сентябрю вернулись в Сортавалу, чтобы исследовать оруденение шеелита (CaWO_4) в районе гнейсовых куполов.

Все мамыши готовили детей к школе, и я тоже захотел привести себя в порядок – побриться, подстричься. Пошел в парикмахерскую, и там произошла очередная забавная сценка. Парикмахер подстриг мальчика и спрашивает мамашу: «Ну как, мамаша, мальчика будем душить?» Она говорит: «Да, да, обязательно». Меня в это время брили. Трясаясь от смеха, я сказал: «А меня лучше просто опрыскать одеколоном, а душить не надо!» Так закончился полевой сезон, и мы вернулись в Ленинград, в стены университета.

Дальнейшая моя жизнь была частично связана с морской геологией – здесь имеется в виду работа на берегах и островах Белого моря. В этой работе мне помогал геолог Миша Ефимов, с которым надолго оказались связаны многочисленные приключения в моей экспедиционной жизни. Главное в такой жизни и работе – это согласованность. Например, отправляясь за топливом для катера, ты не оставишь друга на безлюдном острове, не согласовав с ним срок возвращения, а согласованный срок не можешь нарушить.

В Порьей губе, лохматом заливе Белого моря, на Кандалакшском берегу, работали три отряда: мой, Миши Ефимова и Володи Шемякина. Все отряды разошлись в разных направлениях с разными задачами, поэтому перемещений на катере – беломорской лайбе – было много, и топлива для подвесного мотора тоже уходило немало.

Настал день, когда надо было идти морем в город Умбу, километров за 30, чтобы где-нибудь заправить бензином две бочки. Поехали я и Миша, как знаток местных условий. Прибыли в Умбу к полудню, когда все должны быть на рабочих местах с более-менее свежими головами. Но оказалось, что бензина в Умбе нет, и все транспортные средства давно на приколе.

А в заливе стоял танкер под флагом ВМФ, и мы вдруг увидели, что с берега у нашего катера нам машут руками моряки. Они находились в обществе умбинских девушек. Подошли, спросили, что им надо. А надо им было – на корабль. Ну что ж, нужно помочь славным советским морякам. Взяли их на борт и подвезли. Среди моряков оказался стармех. Он спросил: «А что вам-то надо?». «А



С другом Мишей Ефимовым у стены Кандалакшского заповедника. 1971 г.

вот», - показали мы на бочки. «Всего-то, - сказал стармех. – А ведро-то есть?» «Есть, сэр», - отвечали мы.

Стармех отдал приказ матросу дать нам шкертик для ведра и открыть танк с 93-м бензином. «А как нальют, пусть убираются отсюда быстро», - добавил он. Мы с Мишей тут же это дело сообразили: я залез на борт танкера и ведром, как из колодца, черпал бензин, а Миха наливал его в бочки. Когда обе бочки были заполнены, я спросил у Миши, есть ли у него спички. Он ответил, что только зажигалка газовая, да и та пустая. Я сказал: «Эх, ты! Сейчас бы с моря посмотрели фейерверк, а так просто отваливаем».

Я захлопнул люк, прыгнул в наш катер. Дали свисток из милицейской свистелки, завели двигатель и благополучно отвалили в море, радуясь полученным на халяву 400 литрам бензина. Приблизились к первым островам перед Порьей губой и поняли, что голодные. Но с собой была только водка, да черви в банке. Миха пристал к острову и говорит: «Сейчас наловим трески, вот и будет закуска». Потом выкинули червей из банки – получилась посуда для питья. Выпили за удачу, закусили «соленым огурцом» (глотком морской воды) и куском свежей, только что выловленной трески. После наловили еще трески, запили, чем было, и отправились к нашей общей базе.

Пришли к вечеру, когда уже стемнело, но самостоятельно вышли на берег и предъявили коллегам две полные бочки. Вот радости-то было!

Лето 1971 года было на удивление теплым и тихим. Температура воды в море доходила до +25 градусов. Надо было хотя бы за 50 метров от берега оставлять на якорях катер и периодически ходить к нему, попутно принимая морские ванны, чтобы дальше продолжать работу на островах. Появилось много новых обнажений, изучать их было

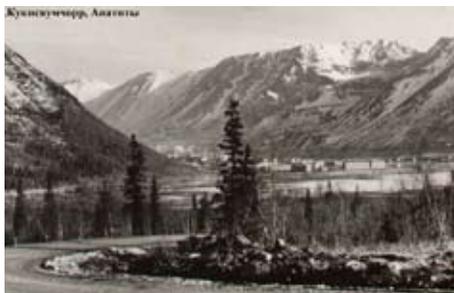


Выгрузка в лагерь. Лето 1971г, Рязановы луды, Белое море.

сплошным удовольствием. Геология Беломорья была для меня новой, и она оказалась сложной и интересной.

У Рязановых луд, где мы с Мишей стояли лагерем, на переметы хорошо ловилась камбала. Она разнообразила наше полевое питание и была для нас большим подспорьем.

После завершения работы на Беломорье меня ждало изучение Cu-Ni сульфидных месторождений Печенги. Мы вместе с Мишей перебрались в город Апатиты. Встретились с водителем ГАЗ-63 Валерием Николаевичем Лебедевым по прозвищу Адмирал, которое он получил, вероятно, из-за своей осанистой фигуры. И встреча с Адмиралом, и поездки по окрестностям в его компании были для нас большой радостью. В одну из таких поездок мы побывали на горе Кукисвумчорр, где находился громадный рудник апатитового сырья. Неподалеку местные торговали вином. Они рекламировали свой товар, выкрикивая бодрые стихотворные речевки: «Не теряйте время даром, запасайтесь «Солнцедаром»!».



Вид на г. Кировск на подъезде к г. Апатиты, Мурманская обл.

Потом мы уехали на Печенгу. Я начал работу с изучения западного фланга ее месторождений, а остановились мы в городе Никель. Устроились довольно прилично: нам досталась чистая комната в пустом бараке. Адмирал прибил к стене толстый лист железа, а около него поставил треножник с котелком – вот и кухня, где с помощью паяльной лампы мы готовили горячую пищу. А спали так: я на кухне, а Адмирал у себя в кузове.

Днем я изучал стенки карьеров, в это время Адмирал ездил по своим делам. Так шли исследования до самых дальних рудников. Тут пришлось сменить тактику. Мы выезжали в поле, ставили машину у ручья и оба ночевали в кузове. Прохладно, зато удобно.

Когда я закончил дела, Адмирал предложил съездить на полуостров Рыбачий, где он воевал в годы Великой Отечественной. Сели в машину и поехали. Сначала заглянули в Лиинахамари, где стоял погранотряд. Там получили разрешение и потом по тряской до зубодробительности дороге добрались до Рыбачьего. Там, у полуострова Средний в Мотовском заливе, лежал на борту миноносец – своеобразный памятник времен войны. На Рыбачий перебрались под вечер. Остановились у озера, в котором плавали две миниатюрные, совсем как игрушки, утки. На фоне заходящего солнца это выглядело очень красиво. Утром встали, попили чайку, съели кашу и отправились осматривать окрестности. Они представляли собой цепь песчаных



До



После

холмов, тянущуюся до самого берега Баренцева моря. Вдоль берега виднелось несколько речушек, перегороженных в приустьевой части металлическими сетками с воротом. Во время прилива их затапливало, а в отлив в сетках оставалось все, что в них попадало вместе с водорослями. В одной из сеток мы нашли живую семужку – небольшую, но для обеда нам ее вполне хватило.

Как выяснилось, в тех местах мы были не одни. Однажды поверху горушек прошли солдаты – пограннаряд. Как-то пробежало небольшое стадо оленей, за которыми следил с холмика лопарь. Он тщательно скрывался, но мы его все-таки заметили. Адмирал, видно было, немного

погрустнел, ударившись в воспоминания. Мы помянули всех его погибших боевых товарищей и отправились спать. Казенный спирт из докембрия был не очень-то вкусен, так как хранился в алюминиевых фляжках под крышками с резиновыми прокладками. Эмоции, которые нас охватили, когда мы пили этот спирт, видны на моей физиономии. Ее сфотографировал Валерий Николаевич.

С ним было хорошо работать, поэтому я планировал время так, чтобы в поездки отправляться с Адмиралом. На пару месяцев, в августе-сентябре или все равно когда, лишь бы с ним. Он был веселый, не зануда и не пьяница, точно соблюдал время и место встречи, знал досконально географию и Карелии, и Кольского полуострова. Однажды, работая в Южной Карелии, он нашел в заброшенном доме бочонок и в нем завел садок для червей. Мол, поедем на Север, а там уж червей не найдешь.

Каждое утро Адмирал подкармливал их спитым чаем, перемешивал и приговаривал: «Ах, червячки вы мои, червячки...». Я это заметил и сделал из веревки и резиновых напальчников большого червя с нарисованной мордой. Закопал его в бочонке и стал ждать утра. Когда

Валерий Николаевич начал свой утренний ритуал обхаживания червяков, все сначала шло как обычно. И вдруг он поднял в горсти что-то большое. Физиономия его вытянулась, рот открылся. Но он быстро взял себя в руки и продолжил свою песнь.

Мы ушли в маршрут. На озере у нас были поставлены жерлицы, и вечером мы их проверяли. Одна из жерлиц оказалась распущена. Значит, что-то попало. Быстро прыгнули в лодку, подгребли. И – вытащили искусно сделанную из веток «рыбину». Ясно: работа Адмирала! А он сидит себе, чаек попивает и ухмыляется: «Ну как, жарить будем? Или уху варить?».

Осенью попрощались. Валерий Николаевич уехал в Москву. Проводив его, я вернулся в свой кабинет, полез за чем-то в ящик стола и ... вытянул оттуда червя-змею. «Ну, - думаю, - Адмирал, ты и хитрюга! Но я все-таки верну червячка тебе».

И вот как-то поехал в Москву в командировку, а червя с собой прихватил. Узнал адрес Адмирала и положил червяка к нему в почтовый ящик.

Весной 1972 года я счастливо женился на Тане Харитоновой, сестре моего друга Саши. Началась другая жизнь, полная забот и поисков заработков. До свадьбы я успел съездить с хохмачом Вовой Шемякиным в турпоездку в Венгрию. Эта путевка досталась нам чудом. Она предназначалась не для научных работников, а для заводских трудящихся-передовиков. Но внезапно образовались два свободных места, вот нас и пристроили. Мы много ездили по Венгрии, а завершили путешествие в Будапеште. Здесь хотели устроить отвальную.

Скинулись на бутылку токайского и виски, а про закуску забыли. Оставалось около 15 форинтов: ничего не купишь. И вдруг на витрине шикарного универсама мы увидели банки с бычками в томате. Рыбка явно российского производства стоила по 7 форинтов за большую железную банку. Но кто пойдет в магазин? Все стесняются купить банку и булку. Подумаешь, делов-то! Я и пошел – как на подвиг. Купил все,



Свадьба с любимой Танечкой Харитоновой.
1972 г.



*В Будапеште с «главным аспирантом»
ИГГД Володей Шемякиным.*

и даже, из-за разницы в налогах на продажу, чуть больше. Так что мы весело отпраздновали возвращение на Родину.

В сентябре завершили экспедиции, Танюшина в Таджикистан и моя на Урал, Горный Алтай и в Юго-Западный Казахстан. После этого мы с Таней договорились встретиться в Ташкенте. Нас ждало свадебное путешествие.

Я переслал почти весь груз, который был в нашей машине, из Джамбула поездом, а саму машину с шофером и сопровождающим отправил своим ходом домой в Ленинград. В Ташкент добирался рейсовым автобусом. Он прибывал ночью, но зато в самый центр города. Выйдя из автобуса, я побрел по одной из главных улиц и вскоре встретил прохожего, явно русского. Спросил его о ближайшей гостинице. Прохожий окинул меня взглядом и, видимо, отметив походное снаряжение, спросил, не геолог ли я. Получив утвердительный ответ, посоветовал повернуть за второй по счету угол: там гостиница для офицеров армии. И действительно, за углом я увидел садик, а в нем - маленькую гостиницу. В ней меня согласились поселить на одну ночь. А мне всего одна и была нужна. Утром я спросил, где находится Алайский базар. Возле него должна была проходить улица 3-й тупик Карла Маркса, которую я искал. Никто не удивился, услышав это название. Мне показали направление, и вскоре я встретился с Татьяной, моей любимой молодой женой.

Мы решили устроить небольшой праздник. Пошли на Алайский базар и там купили фрукто-овощной всякой всячины. А к ней еще и огромный арбуз, величиной около 70 см в диаметре и стоимостью всего в один рубль. Жили мы у Колдаевых, родственников Николая Владимировича Котова, профессора каф. петрографии ЛенГосУниверситета и нашего с Таней друга и наставника. Наши гостеприимные хозяева приготовили узбекский плов и чай, и так мы еще раз отметили нашу свадьбу.

Осенью 1973 года родился мой любимый сын Алеша, и дел еще прибавилось. Но сердце геолога не знает покоя, и, как ни хорошо было

дома, я не мог навеки осесть в четырех стенах. Танечка это понимала и отпускала меня в научные экспедиции и заграничные командировки с докладами на международных конференциях. Первой была командировка по месторождениям Финляндии, где я приобрел много друзей и полезных знакомств. Этому способствовали не только два доклада, которые я сделал в ходе командировки, но и множество веселых, порой анекдотичных рассказов, которыми я щедро делился с коллегами.



Финский геолог Борис Салтыков – наш переводчик. 1973 г.

В этом мне помогал геолог и переводчик Борис Салтыков. В числе рассказанных мною анекдотов был, например, такой. Парторг после партсобрании спрашивает одного из присутствовавших: «Ты чего это растопыренными пальцами все собрание шары вертишь?» А тот отвечает: «Да я все время пытался сообразить, как это могут ежи сношаться». Борис перевел это финнам. Дело было в поезде – мы ехали к месторождению никеля Оутокумпу, очень известному в Финляндии. Так все финны, когда Борис перевел им анекдот, со смеху попадали с полок. Потом, вероятно, они рассказали тот анекдот коллегам – на месторождении нас встречали дружескими улыбками, обильным столом и всевозможными напитками. Ну а мы в качестве алаверды оставили финнам всю свою водку. Потом ехали на трех легковых автомобилях, по двое в каждом, по всем месторождениям Главной рудной зоны Финляндии до Ботнического залива. Причем автомобили были заполнены ящиками с пивом и виски, а также закусками, а встречали нас на всех месторождениях растопыренными пальцами, соединенными в шар. Глава нашей делегации, шеф Института геологии КолФАН СССР профессор Г.И. Горбунов, который с самого начала ехал в отдельном вагоне, а потом в отдельном же авто, ничего не мог понять и удивлялся такой радости финнов при встречах с нами. Но никто так и не рассказал профессору, в чем дело.

С 1973 по 1978 год шли чередой лет спокойные и довольно однообразные трудовые и научно-экспедиционные годы в Карелии, а потом большей частью в Северном Прибайкалье, на Холоднинском



Сев. Прибайкалье, Холоднинское м-е
На Холоднинском Zn-Pb месторождении, Сев. Прибайкалье, 1978г.

свинцово-цинковом месторождении и окружающем его пространстве, включая побережье северной части озера Байкал.

В том числе мы побывали на месторождении, которое представляло собой крупнейшее хранилище свинцово-цинковой руды в Восточной Сибири, но так и не было взято в эксплуатационную разработку. Мне кажется, его решили не брать из экологических соображений – все водосбросы ведут в бассейн реки Холодная, а та впадает в Верхнюю Ангару и далее в озеро Байкал, которому был бы нанесен огромный вред при горно-технической разработке месторождения.

Но мы, ученые-докембристы, должны были изучить современными петролого-изотопными методами этот регион. Поэтому мы продолжали лазить по прибайкальской тайге и жить временными стоянками на берегах Байкала. Приходилось использовать казанку, пригодную для плавания только в закрытых водоемах. Мы применяли ее для исследования береговых обнажений, а иногда и для обслуживания случайных просителей. Так, однажды, в плохую погоду, когда штормило и была высокая волна, пришел в лагерь какой-то исследователь небесных явлений и попросил срочно отвезти его к станции космической связи в северном конце Байкала. Долго чесали в затылке, можно ли это сделать, но тот человек сказал, что через час должен



Зимовье в Прибайкальской тайге, 1978 г.

начаться сеанс связи со станцией «Мир», и ему надо при этом присутствовать обязательно.

Никто не хотел рисковать, пришлось мне, чуть-чуть поддавшему, согласиться помочь. «Прыгай в лодку», - сказал я «небесному» исследователю, и меня оттолкнули от берега. Хорошо, что баки были заправлены, и мне удалось повернуть к северу на широкой волне, идя к ней по кривой. Темнело, но хорошо, что станция давала сильные световые лучи, показывая место своего расположения, и мне удалось пристать к берегу недалеко от нее. Человек выпрыгнул в воду,

развернул лодку навстречу волнам, сказал «счастливого» и сгинул из вида. Да мне и ни к чему было его разглядывать. Все мои усилия были направлены на то, чтобы удерживать лодку носом навстречу волнам. Когда я вышел на более глубокое место, волны стали реже и более пологими, что и позволило мне благополучно вернуться к нашим кострам. Приняв соответствующие случаю сто грамм спирта, я отправился в свою палатку переодеваться в сухое и спать. Потом были обычные деловые будни и сборы домой.

Но годы шли, а я так и оставался младшим научным сотрудником со степенью. Наступил 1979 год, мой начальник-коллега Ю.М.Соколов буквально на глазах начинал бронзоветь. Хотел, чтобы его называли профессором, но в Академии наук такого звания тогда не было.



На оз. Байкал, Сев. Прибайкалье, 1978 г.

Однако Соколов так хотел называться профессором, что все, кто с ним работал, так его и звали. Дело дошло до того, что однажды, когда мы были на полевых работах на Байкале, среди ночи в лагере вдруг раздался крик: «Это что?! В палатке профессора блевать?!» А палатку свою Соколов делил со своим аспирантом.

В работах, которые я писал, надо было указывать и фамилию «профессора». Он говорил: «Что твое, то наше, а что наше, то мое». Все это стало нам поднадоедать. И вот однажды к

нам пришел А.Н.Вишневский из «Севморгео», зав. лаборатории металлогении, и спросил меня: «Стас, нет ли у тебя на примете человека, который смог бы заняться изучением металлогении архипелага Шпицберген?». Я подумал и понял, что у меня на примете нет такого человека. Тогда я спросил: «А мне нельзя ли заняться этим делом?» Анатолий Никитич сказал: «А действительно. Будешь старшим научным сотрудником у меня в отделе и займешься Шпицбергенom. Ну как, пойдет?».

Только тогда местом твоей работы будет уже не Академия наук, а Мингео». Я решительно сказал, что пойдет. Так в 1979 году я снова с головой нырнул в дела Министерства геологии.

НОВАЯ НАУКА

Разговор с Вишневым состоялся в марте 1979 года, а в штат НИИ Геологии Арктики меня зачислили с 1 апреля. Тогда этот НИИ как раз стал называться Научно-производственным объединением Северного морского геологоразведочного предприятия МинГео СССР, а проще - «Севморгео». Я стал сотрудником отдела металлогении.

Новое место работы находилось на набережной реки Мойки, у Адмиралтейского моста. Сквозь зарешеченные окна моей комнаты в подвальном помещении видны были только ноги прохожих, и то лишь по колено, да колеса многочисленных грузовиков, брызжащих снеговой весенней грязью. Не сравнить, конечно, с тем видом, который открывался из окон моего прежнего института на углу набережной Макарова и Биржевой (тогда еще Пушкинской) площади. По этому поводу я немного погрустил, но вскоре сросся с коллективом и с головой ушел в новое дело – изучение Шпицбергена и его металлогении. Шпицбергенская партия размещалась на улице Герцена, в просторном флигеле во дворе дома 47, недалеко от Исаакиевской площади, где стоит Мариинский дворец. В общем, в историческом центре города. Как и на Мойке, здесь оказалось много однокурсников моей Татьяны, а также полярников моих лет, так что я со всеми быстро познакомился.

С течением времени определился и круг коллег, с которыми можно было серьезно работать. Через месяц после начала работы я выступил в Шпицбергенской партии с докладом. Рассказал о рудопроявлениях на Шпицбергене и представил план на первый сезон полевых работ и последующие три года. План вызвал некоторое замешательство у начальника партии, так что потребовалось дополнительное обсуждение.

Как раз это мне и нужно было, чтобы договориться о принципиальных вопросах. А уж детали не поздно согласовать и по прибытии на место.

Из Ленинграда мы выехали в начале июня. Необычно рано, потому что сначала нужно было заехать в Москву. В головной организации «Арктикуголь», ведавшей всеми советскими работами на Шпицбергене, мы должны были получить согласования и пропуск на территорию архипелага.

Поездка была составная: сначала поездом до Мурманска, а уж потом белым пароходом «Мария Ермолова» до поселка Баренцбург на Шпицбергене. Там находились база геологов, угольный рудник и советское консульство. Деньги на Шпицберген нельзя было провозить, в ходу были только «фантики» с надписью «Арктикуголь», и наша задача была - превратить эту надпись в «Арктикруда». Это, конечно, моя очередная шутка, но, тем не менее, в ней есть доля правды.

Моим помощником и коллегой в этой поездке был геолог Дима Бархатов, не раз бывавший и в Антарктиде и на Шпицбергене, да к тому же охотник, рыболов, организационно-хозяйственный деятель и однокурсник Татьяны. Так что на него можно было положиться в ной для этих мест геолого-поисковой деятельности.

Баренцево море не сильно штормило. Пройдя остров Медвежий норвежского подданства, в конце второго дня (а вернее, белой ночи) после отхода из Мурманска, вддали мы увидели берега архипелага Шпицберген, представленные крутыми горами с ледниками.

Часа через три зашли во фьорд Баренцбурга, где пароход радостными криками встречала толпа аборигенов. Их радовало, во-первых, прибытие парохода с красным советским флагом на почти норвежской земле, а во-вторых, появление новых людей, продуктов и писем. Нас встречала небольшая группа геологов партии, которые приехали сюда

раньше и ждали пополнения.

База партии располагалась на самой высокой точке Баренцбурга, выше даже местного бюста Ленина, поистине гигантского, хотя вождь революции точно здесь никогда не бывал. База занимала крепкий дом, рядом с которым стояли бараки. В них размещались хозсклады партии, радиостанция для связи с полевыми отрядами и т.д. Общая столовая находилась посередине склона



Впереди по борту теплохода «Мария Ермолова» видны снеговые горы архипелага Шпицберген. Июль 1979г.



Вид г. Баренцбурга от причала, наверху
база геологов «Севморгео».



Становище - Кэмп «Калипсо» на Земле
Ведель-Ярлсберг.

холма и работала по расписанию, причем бесплатно, а питание было довольно хорошим и разнообразным. На базе было централизованное водоснабжение, но горячая вода имелась только на руднике. Там же располагалась и баня. Со всеми благами жизни в поселке меня познакомил Саша Тебеньков, тоже однокурсник Тани, как и многие в НИИГА-СевМорГео. Мне было удивительно, как это все они попали в эту организацию. Но то, что все они учились с Татьяной, располагало меня к общению с ними.

Мы быстро закончили подготовку к полевым работам, и я познакомился с другими членами партии. Группу из четырех человек, включая меня, отправили исследовать север Земли Ведель-Ярлсберга. Погрузили на разъездной катер «Заря» и высадили в Ван-Кейлен фьорде, у старой английской базы «Калипсо» 1904 года постройки, стоявшей прямо на берегу. Высадка производилась по правилам морского десанта, с гребного яла, но со всеми причиндалами геологического отряда полярного устройства. Палатки были обычные, но зато имелся полный запас еды и лодка-казанка с мотором «Ветерок». Этот мотор матросы пытались завести еще на борту «Зари», но так и не смогли.

База «Калипсо» оказалось большим построенным из двухрядных досок бараком на две комнаты с хорошо подогнанными дверями. Одно помещение представляло собой целый зал с огромным столом, а второе было маленьким. В нем находилась спальня с нарами как раз на четыре спальных места, а также с печкой с кирпичной трубой и конфоркой для приготовления еды.

Мы разместились на «Калипсо» с большими удобствами, немного подремонтировав и само помещение, и печку – главное в полевой жизни геолога сооружение. Печку можно было топить как каменным

углем с колосниками, так и дровами. Каменный уголь был палеогеновый, из ближайшего тонкого слоя обнажения сланцев, а дрова из российских бревен, валяющихся в изобилии на берегу фьрда. Из стратегических припасов была у нас столитровая бочка с бензином и канистра с маслом, изрядный кусок сливочного масла, мешок крафта с хлебом, сыр, масло, мясные консервы и мороженые пластины палтуса, добытые Бархатовым в столовой. В общем, не ленись, готовь, что хочешь в качестве закуски к втихаря провезенному с собой зелью.

В нашу группу, кроме меня, входили мой помощник Дима по прозвищу Полковник, техник-технолог Гена Мусатов, он же Генрих, а также радист – курсант из Арктического училища в Стрельне под Ленинградом.

Первые три-четыре дня оказались на удивление теплыми: до 10 градусов с плюсом. Пользуясь хорошей погодой, мы занялись заготовкой дров и каменного угля из обнажения, чтобы в дальнейшем при плохой погоде об этом уже не думать. Сходили в первые маршруты, пересекли пару ледников, но ничего, кроме конгломератов с разнообразной галькой, не нашли. Решили, что надо объехать окрестности и осмотреться, понять, что нас окружает. Но для этого надо было завести мотор, а «Ветерок» не заводился, хоть тресни. Издергали заводной шнур до бешенства, и все зря.

К ночи на маленьком катере прибыли какие-то исследователи. Их было трое. Поселились они в своих полукруглых одноместных палатках рядом с нами, и утром мы познакомились. Исследователи оказались англичанами, ботаниками, изучающими полярную флору в разрезе от ледника Ренардбреен к берегу моря. Они провели за этим занятием три дня. Потом за ними пришел катерок, и они отбыли.

Прощаться было некогда: пользуясь тем, что у нас вдруг завелся мотор, мы с Димой немедленно отбыли в Речерсфьрд. Ушли, как были, в рубашках и без еды, обрадованные тем, что «Ветерок» заработал. К счастью, Речерсфьрд находился недалеко, километрах в двадцати от «Калипсо». Прошли на равномерном ходу, для обкатки двигателя, мимо какого-то двухэтажного дома на цепях. Перед концом фьрда увидели



Вид горы Магнет-хьйога и хребта. Видна черная полоса железной руды. Июль 1979г.

палатки с людьми, а в самом его конце заглушили двигатель и отправились осматривать обнажения.

Обнажений оказалось всего два, но оба были интересные. Конгломераты в них лежали на сланцево-песчаном основании, что заставляло нас задуматься об их возрастной позиции.

Когда вернулись к лодке, оказалось, что мотор снова умер. Сколько ни бились, реанимировать его не удалось. Пришлось возвращаться пешком, а это десять километров по тундре и прибрежной гальке.

По дороге завернули к палаткам, которые стояли недалеко от конца фьорда, с хитрой мыслью, что, возможно, там удастся перекусить. И верно, вскоре нас угостили остатками ужина и горячим чаем. Палатки оказались стоянкой советских археологов, причем одного из них Полковник знал. Археологи удивились, что мы занимаемся рудными материалами, а не углем. Рассказали, что в XV веке в этих местах стояла изба русских поморов, и что дом на цепях, который мы видели, называется Кемп Смит. Оказывается, уголь здесь находился в гораздо большем слое разреза, а на другой стороне фьорда, на горе Магнетхьога, была найдена железная руда. Поэтому английский предприниматель, некто Смит, решил устроить здесь второй Бирмингем, то есть – разрабатывать и руду, и уголь для получения железа.

Построил большой дом-контору, а чтобы она не «плыла» по мерзлоте, притянул все углы цепями к вбитым в землю железным кольям. Но ничего у бедняги не вышло, так как и угля, и железной руды оказалось слишком мало для организации задуманного им производства.

К вечеру, который на этой широте в летнее время был совсем светлым, пришли домой, в «Калипсо», где нас ждали и как следует накормили, напоили (не только чаем) и спать уложили в теплой комнате.

Следующее утро было солнечным и теплым. Мы воспользовались этим, чтобы хорошенько привести себя в порядок. Затем отправили на базу радиограмму, что нам нужна переборка вертолетом в середину долины Чемберлендален. Получили добро. Собрали продукты дней на семь-десять, палатку-



Кемп Смит. Дом на цепях.



*Хорошая, теплая для этих мест погода (+10 °С).
Можно привести себя в порядок.*

двухместку, примус, посуду, мешки для образцов, карты, дневники.

Ждать вертолета пришлось недолго. Он прилетел утром, забрал меня и Диму и высадил нас в средней части долины Чемберлена. Она оказалась на удивление сухой, то есть – внеледниковой. Вблизи ручейка на сланцевой дресве мы поставили палатку, затащили туда подстилки, спальные мешки и прочее имущество. Приготовили первый

чаек около своего нового жилища и обдумали предстоящие маршруты. Мы решили осуществить их поодиночке, по разным бортам долины, считая, что здесь безопасно – в смысле риска наткнуться на белого медведя.

А почему долина внеледниковая, вскоре стало ясно: из-за того, что заложена она была по разлому, проходящему по синформной структуре, скомпанованной черносланцевыми породами. Такие породы легче поддаются солнечной инсоляции и поэтому быстрее освобождаются от ледников, оттаивают. Это хорошо было видно при аэровизуальном наблюдении с борта вертолета. Все ледниковые долины были сложены светлыми карбонатными породами. Походив пару раз



*Долина Чембердален,
место 7 дней работы.*



*Другие борта долины.
Вид из окна вертолета.*

по разным сторонам долины, мы убедились в справедливости этого мнения, а после этого направились вдвоем по левому гребню Чамберлендален, на котором виднелись темные образования, слагающие пики хребта.

Поднимаясь на гребень, мы установили, что темные образования – это габбро, ненаблюдаемые в нижних частях долин и береговых уступах. Внимательно изучили габбро и выявили первое значимое рудопроявление титаномагнетита, тянущееся на 200 метров с лишним. Здесь же из глыб сложили тур. В нем в консервной банке (содержимым которой предварительно пообедали) оставили записку о том, что открытие руды титана и железа выполнено 2 августа 1979 года такими-то геологами и принадлежит компании «Арктикуголь», СССР.

Продвигаясь далее по хребту, убедились, что правая его сторона с долиной сложена известняками. Она до самого устья долины заполнена ледником и соединяется с другим ледником – Ренардбреенн. Дальнейший маршрут по хребту был более легкий. Изверженные породы сменились метаосадочными, наподобие флиша, поэтому идти было не сложно, и к шести вечера мы уже вернулись к своему лагерю. Тут нас никто не ждал, поэтому мы сами себе готовили на примусе обеду-ужин, обмениваясь впечатлениями и любуясь окрестностями, которые были хороши при незаходящем солнце. Я сказал Полковнику, который был заядлым охотником: «Смотри, какой прекрасный шашлык на обед и ужин нас ждал бы, не будь



В маршруте по хребту борта долины. Здесь нашли первую рудную точку и поставили заявочный каменный тур от имени «Арктикуголь».



Олень в долине Чамберлендален.



Шпицберген
Ваш Кейблс Фендс
Кэмп Дэвид
1979 августа

Новое место стоянки Кэмп «Дэвид».

Настало время, когда середина долины была изучена вдоль и поперек, так что надо было перебираться в ее конец, а потом – в «Калипсо». Не давала покоя мысль о том, как там живут наши молодые коллеги. Но все эти мысли тут же были забыты, как только мы навьючились нашим барахлом, решив перенести все за одну ходку, и прошли первые пять километров. Сквозь пот, стекавший по глазам, я увидел стайку маленьких бизонов, и на привале сказал об этом Диме. Он ответил, что это мне почудилось, так как все бизоны на Шпице давно выбиты. Я спорить не стал, поскольку было не до того – тогда важным было только дойти до конечной точки. А точкой этой был пригорок, на котором стоял норвежский домик-сарайчик, где мы решили сделать стоянку. Все эти дни держалась солнечная тихая погода, и мы решили сделать дневку, чтобы высушить все наше барахло, а заодно послушать по радиоприемнику, что делается в мире. А в мире делалось что-то непонятное для нас, занятых своим делом. Какие-то со-
вещания, решения в Кемп-Дэвиде... Мы тоже посо-
вещались и решили наш
взятый без боя сарай так
и назвать – Кемп-Дэвид.
Провели в нем еще два
маршрутных дня. Ничего
полезно-рудного не нашли,
но обогатились знаниями
по геологии региона.



Шпицберген
Ледник Ренард
Ледник Виллем Фрэнкел

*Ледник Ренард, который приходилось
пересекать в маршрутах.*

мы сейчас одни». С этими словами я показал ему рукой на оленя в долине. «Даа..., - протянул Дима, - такого мы бы не упустили, да вот только не съесть вдвоем-то».

Вид окрестных мест привел бы в настоящий восторг любого фотохудожника, но мы с Димой были не художники, а просто любители красивого и ...съедобного.

Решив, что подходят к концу последние дни хорошей погоды (нутром почувствовали), собрали все, кроме образцов, в упакованную кучу, и пошли домой в «Калипсо» – напрямик через ледник. За это нам досталось хлопот: двигаясь поперек ледника, а не вдоль, мы должны были преодолевать мелкие и крупные трещины, незакрытые снегом. Обходя их, потратили немало сил, и только к вечеру наконец-то приблели домой. Здесь все было в порядке. Пока мы отсутствовали, мальчики заготовливали уголь и дрова, а в перерывах почитывали книжки. Мы были встречены радостными криками «ура».

Утро было прекрасным: чистое небо, ясное морское пространство, никакого ветра. Жизнь хороша! Только я об этом подумал, как вдруг на горизонте, на входе в Ван-Кейлен фьрд, показалась необычная точка. Она довольно быстро приближалась и вскоре превратилась в большой корабль. Он подошел к «Калипсо» и стал совсем ясно виден.

Это оказалось круизное судно мирового класса «World Discoverer». Приход корабля здорово разнообразил нашу робинзонскую жизнь. На берег на моторных надувных лодках высадилось множество туристов, которые бродили по берегу и собирали всякую дрянь на сувениры, не забывая фотографировать все, в том числе нас, как аборигенов, и наше жилище. Потом капитан корабля пригласил нас посетить корабль.

Мы оставили радиста охранять жилище и, прихватив все, что могло сойти за сувениры (например, позвонок кита), отправились в гости. Пошли в привычной для нас полевой одежде – мы ее носили всегда. Капитан пригласил нас немного прогуляться по палубам, а потом зайти в люкс-зал для коктейлей. Это был большой зал с богато украшенными стенами в позолоченной лепнине, шикарными столами и роскошной мебелью. Все это великолепие сверкало и искрилось в свете множества хрустальных люстр и настенных светильников. Вдоль одной из стен тянулся коктейль-бар с разнообразными напитками. За столиками сидели мужчины в смокингах и дамы в умопомрачительных платьях, увешенные бриллиантами, рубинами и другими драгоценностями.

И вот мы вошли в этот роскошный зал в своих резиновых сапогах, черных и пятнистых утепленных штормовках. Подошли к бару и



К нам во фьрд пожаловало круизное судно мирового класса "World Discoverer".

поприветствовали всех присутствующих: «Хай, дамы энд джентльмены». Капитан представил нас публике как русских геологов, работающих на Шпицбергене, и спросил, что мы будем пить: «Джин, виски, вино, коктейль?» Мы ответили: «Онли водка витх айс энд сёмга». Тут же появились бокалы с водкой и кусочками льда, а к этому на голубой тарелочке подали по три куска красной рыбы на каждого. Полковник одним махом залил водку вместе со льдом себе в глотку, а затем немедленно отправил туда же кусок семги. Мы с Генрихом выпили водку не торопясь, несколькими глотками, оставив лед в бокалах, и степенно закусили это дело красной рыбой. Потом поклонились, прощаясь, и под аплодисменты публики удалились, возглавляемые капитаном, одетым в китель с позументами. Затем нас подвезли на берег, и на этом визит «World Discoverer» в Ван-Кейлен фьорд был окончен.

Наше пребывание на этом берегу тоже заканчивалось. Мы все упаковали, собрались. На следующий день прилетел МИ-8 с надписью «Полярная авиация» на борту. Он перебросил нас на северный берег фьорда, где была уже Земля Норденшельда. В пути не обошлось без маленького приключения: вертолет на лету вдруг стал крениться на борт, но в последний момент, резко снижаясь, выровнялся. Кругом в это время видна была лишь водная гладь. Мы были счастливы, что наш МИ-8 все же сел на твердую землю. Оказалось, в середине залива был островок, и на него-то и села наша «Полярная авиация». Пилоты ничего нам не сказали, только выгребли из одного из сопел двигателя несколько обуглившихся птичьих тушек. «Зацепили стайку фугле, - проворчал пилот. - Хорошо, что есть земля среди вод». Мы тоже обрадовались счастливому окончанию наших приключений.



Новое место лагеря Кэмп Белл на Земле Норденшельда.

После этого последовал короткий полет до берега Земли Норденшельда, одной из частей острова Западный Шпицберген, которую нам еще предстояло исследовать детально. Она представляла собой слегка всхолмленную тундру, участок длиной около 70 километров от Ис-фьорд-Рэдио на севере до места нашей высадки на юге, вблизи старинного

зимовья Кемп Белл на берегу Ван-Кейлен фьорда. В «замке» этом отремонтировали одну комнату с печуркой. Это значит, вставили полиэтилен в окно, вычистили пол, сколотили из подручного материала нары и стол, укрепили дверь, чтобы не хлопала на ветру. И стали обживать.

За спиной у нас стоял торцом черный скалистый хребет, на котором все время орали кайры (у них там наверху были гнездовья), отбиваясь от БМЧ – больших морских чаек. Вскоре стала понятной вся эта птичья возня. Наступила середина августа, стояли сухие безветренные дни, и как-то утром мы увидели на берегу у воды скопления чаек. А по тундре (шириной метров 500) бегали пятнистые недолинявшие песцы с задравшими кверху мордами. Оказалось, что начался слет птенцов кайр со скальных гнездовий в море. Да не простой, а охранный. Оперившийся птенец летел в коробочке, как в машине боевой авиации: впереди мамаша, за ней слёт, а сзади в том же строю следовала кайра. Получалось, что птенец и сверху, и снизу прикрыт от летающих чаек. Главным для взрослых птиц было сопроводить птенца до морской воды подальше от берега. Здесь они сбивались в стайки и уже совсем не давали чайкам никакого шанса напасть на птенцов. Ну а уж те из них, что летели только с мамашей впереди, подвергались нападению с воздуха, а могли и упасть на землю, не дотянув до моря. Тогда по какому-нибудь водотоку птенцы в сопровождении мам старались добраться до моря. Но обычно мамы их оставляли, поэтому птенцов либо склевывали чайки, либо, что бывало чаще всего, хватала песцы и закапывали под какой-нибудь бугорок. Потом песцы мчались дальше, чтобы ухватить еще какую-нибудь добычу. У берега



Слет птенцов кайр со скал. Одна семья кайры добралась до моря.



Один из охотников песцов уже меняет раскраску на белую зимнюю.



Работа с ночевкой в палатке. Земля Норденшельда, август 1979 г.

моря сидели уже объевшиеся чайки, они больше не трогали птенцов, и те гребли дальше в море, к стайкам кайр.

Так продолжалось три дня. Чайки за это время объедались впрок на день-два, а песцы успевали запасти еду на зиму. Так воочию мы наблюдали жизнь природы, познавая мир. За время, проведенное на Шпицбергене, я вообще увидел и узнал много нового. Например, что маленькие птички фугле гнездятся только на выветренных гранитах, где легче выкопать ямку под гнездышко, а не на известняковых скалах. Нерпы охотятся под ледниками, среди мелких льдин, куда не могут залезть белые медведи. А белухи плавают вдоль берегов «этажами» по четыре штуки, чтобы сгонять рыбу в густой косяк.

Но я отклонился от основного описания наших геологических приключений. Часто на восточную часть острова Западный Шпицберген летали норвежские вертолеты. Здесь шла разведка нефти, поэтому за нами велось постоянное наблюдение. Когда возле нашего жилища приземлился норвежский вертолет с шефом полиции и губернатором Свальбарда (так они называли Шпицберген), которые хотели проверить, кто мы такие и чем занимаемся, я попросил их подбросить двух человек из нашей группы за реку Руссэльва – мы хотели осмотреть тамошние обнажения. Норвежцы на удивление быстро согласились, когда я показал им на карте, где нас двоих с минимумом вещей надо высадить. И мы, я и Генрих, схватив приготовленный мешок с палаткой, примусом и едой на три дня, а также спальники и рюкзаки с молотками, быстро запрыгнули в вертолет. Пилот решил показать нам класс своей машины: сделал разворот с подъемом до 1000 метров и тут же спустился в долину Руссэльвы, где нас и высадил.

Улетел мгновенно, а мы остались вдвоем в окружении абсолютной тишины – моря не было слышно. Быстро поставили палатку на прихваченные с собой кольца – наш дом на ближайшие дни, и отправились осматривать геологию как бы с тыла от Кемп Белла. Здесь можно было вести наблюдения с поисками среди доступных обнажений, где были видны и сжатые складки, и надвинутые друг на друга отложения разных формаций.

Поработав три дня вдали от наших коллег, мы должны были возвращаться. Главным препятствием на пути назад оказалась река, которую надо было перестрести с грузом.

В те времена небольшие рации ещё не появились, по крайней мере, их не было у советских геологов. Рассчитывать приходилось только на себя. Мы работали на правом берегу реки, которая по-русски называлась



Работа с компасом на складках пород.



Надвиговые горы Земли Норденшельда.



Отдых с чаепитием, сидя на сухом ребре кита.

Русской. Здесь, в узкой долине, она шла одним руслом, была горной и бурливо-порожистой. Поэтому мы решили сначала выйти на прибрежную равнину, а там уже посмотреть, что делать дальше. На равнине река разошлась на несколько довольно спокойных рукавов. Перейти их по очереди не составляло труда, а дальше до Кемп Белла оставалось всего семь километров пешком по песчаной тундре. По пути делали остановки для отдыха. Причем отдыхали с комфортом: сидя не просто на тундровой земле, а либо на сухом ребре кита, либо на пенькообразном китовом позвонке.

Пока мы с Генрихом были в отлучке, к западу от Кемп Белла высадилась группа норвежцев. Они заселились в относительно благоустроенный домик Кемп Миллар. С собой у норвежцев была деревянная лодка с мотором. Это были молодые ребята, студенты из Бремена. Вскоре мы с ними познакомились.

Наступила вторая половина августа, надо было заканчивать полевые работы. Уже к 10 часам вечера становилось сумеречно, да и погода начала портиться. Но до отъезда нужно было еще проверить хотя бы половину Земли Норденшельда на предмет свинцово-цинкового оруденения. Недалеко от нас находился в море островок с симпатичным названием Синкхольмен, упоминавшийся в литературе как несущий сфалеритовую (цинковую) минерализацию. Мы должны были как угодно исхитриться, но изучить ее. В первый же тихий и безоблачный вечер решили добраться на островок на резиновой лодке. Накачали ее, втащили на ближайший мысок, и отсюда вдвоем с Полковником решительно погребли к островку. Он был всего в километре от берега, но все же в море была волнишка, и путь не был таким уж легким. Но ничего, добрались благополучно. И сразу же начали изучать строение острова – пока еще было светло. Нашли небольшую квадратную шахту, в которой была руда. Отобрали образцы из разных мест и пород, в основном карбонатных, разных текстур, все сложили в лодку и погребли обратно к мысу. Там ребята уже развели костер и приспособили чайник. Ветер поднялся, когда мы подходили к берегу. Пока подсыхали, пили чай, я документировал образцы и наносил на схему места отбора. Потом взвалили на себя вещи и пошли назад. На этом вылазка была благополучно закончена.

Напоследок мы с Полковником решили отправиться в дальний поход – обследовать территорию от мыса за рекой Русской до долины Оруст. Судя по норвежской карте, там имелась постройка типа тех, что называются у нас в Сибири поварнями. Мы надеялись, что в ней можно будет перекантоваться ночь перед возвращением на базу. Решили,

что попросим норвежцев из соседнего домика Кемп Миллар переправить нас лодкой на противоположный берег Русской. Вечером отправились к ним в гости, как говорится, на встречу без галстуков. Путь оказался неблизким, километров пять по берегу, так что мы очень кстати пошли в резиновых сапогах. Норвежцы встретили нас приветливо, угостили кофе. Пока я излагал свою просьбу, Дима достал фляжку с коньяком и тоже всех угостил. Договорились, что завтра утром ребята за нами заедут и доставят, куда нам надо.



Норвежские исследователи, подвозившие нас в маршрут по Земле Норденшельда.

С ночи поднялся ветер, заштормило так, что и к утру не утихло. Мы уже думали – не приедут. Но ребята оказались бравые и вскоре появились на лодке с мощным подвесным мотором. Мы с Димой быстро подхватили рюкзаки и отправились по намеченному маршруту. Море по-прежнему штормило, дул сильный ветер, но зато не было дождя. Норвежцы высадили нас за мысом, прикрывавшим лодку от волн и ветра – все точно по морским правилам. Попрощались и разошлись: они к себе, а мы вглубь тундры. Дима двигался вдоль береговой зоны, я же в поиске коренных обнажений держался ближе к прибрежным горам. Мы оба надеясь на удачу, которая поможет нам обнаружить какую-нибудь минерализацию. Договорились к вечеру, часов через пять, встретиться в той точке, где на норвежской карте была обозначена поварня. Мы оба нашли довольно большое количество обнажений, но ничего путного там не было. Встретились в условленном месте почти вовремя. Так называемая «поварня» оказалась большим щелястым ящиком, но мы удовлетворились и этим: все-таки прикрывает немного от ветра. В этом ящике мы расположились на отдых и приготовили себе обед на примусе. Устроились мы хорошо, это видно по моей довольной физиономии на фотографии ниже.

После еды так захотелось спать, что даже прикорнули немного. Но расслабляться было нельзя, так что собрались с духом и отправились вместе назад, посматривая на пропущенные выходы карбонатов. Совместный маршрут принес некоторые плоды: мы встретили



Мы и здесь можем приготовить себе обеду-ужин.

породы, сходные с породами острова Синкхольмен, с вкрапленностью галенита. Не более того, но этот результат нас вполне удовлетворил, и мы со спокойной душой побрели дальше, к тому месту, где норвежцы высадили нас из лодки. Вечерело, и когда мы уже почти подошли к месту, увидели за небольшой скалой новенький домик. Это оказалась автоматическая метеостанция, размещенная в маленькой, но вполне пригодной для отдыха постройке. Зажгли свечу, взятую с собой из лагеря для разжигания костра, и обна-

ружили солдатские пайки с кофе и консервами, годными для употребления. Вот мы их и употребили. Еще в домике имелась довольно широкая лежанка с матрацем и одеялом. Довольные этим открытием, мы немедленно завалились спать. Разбудил нас утренний свет в маленьком окошке метеостанции.

Попив кофейку, мы пошли на берег и, как было условлено с нашими в Кемп Белле, дали два выстрела из Диминого охотничьего ружья 12-го калибра. Было тихо, безветренно, и они должны были услышать сигнал, означавший, что мы в порядке и скоро вернемся.

Затем вернулись в домик и снова улеглись на лежанку, восстанавливая силы после вчерашнего длительного маршрута. Но не прошло и получаса, как около метеостанции раздались выстрелы. С ружьем наперевес Дима выскочил на улицу. Там он увидел уже знакомых нам археологов. Оказалось, что они неподалеку занимались своим делом, раскопками, а когда услышали выстрелы, все бросили и поспешили к метеостанции. Решили, что здесь кому-то нужна помощь. Увидев меня и Диму, археологи расплевались: мол, опять это вы! Ну, мы, конечно, извинились, хотя ничего такого не сделали. Стали собираться к себе в Кемп Белл. Вода в устьевой части реки была снова низкая, мы легко ее перебрали и вскоре были дома. Тут радист сообщил, что за нашим отрядом дня через два придет «Заря». Мы планировали оказать ся в Баренцбурге к 1 сентября, и так и произошло. На снимке видно, как мы перетаскиваем груз в баркас, а на горизонте слева еле заметна

черная полоска. Это морской буксир «Заря». А серые холмики справа – это остров Синкхольмен, цель нашего вечернего морского похода на резиновой лодке.

В Баренцбурге мы сдали на склад все наше немудреное оборудование, а образцы пород и руд подготовили для отправки в Ленинград. Через день пришел пассажирский теплоход «Мария Ермолова», на котором я и Дима отправились в Мурманск. Оттуда поездом выехали в Ленинград. Так закончилась моя первая экспедиция на Шпицберген.

Летом 1980 года мы летели на Шпицберген таким путем: из Москвы в Лонгиербрюенн (главное норвежское поселение на Свальбарде), а оттуда вертолетами МИ-8 в Баренцбург – без всякой таможенной задержки. По плану открывать новый полевой сезон должны были с изучения оруденения железа на уже упоминавшейся горе Магнетхъюге. Здесь провели месяц. Оруденение оказалось гематитовым (Fe_2O_3), образовавшимся при рассланцевании скарнового магнетитового (Fe_3O_4) оруденения на контакте гранитной интрузии с известняками. Причем весь гранитный массив вместе с самими известняками был рассланцован и превращен в слюдистые сланцы. Но в нем можно было проследить реликты гранитных текстур и пегматитовых жил. Интересно, что только на нем гнездились птички фугле.

Окружающие известняки образовывали крутые скальные хребты. Лежавшие среди хребтов долины были заполнены ледниками и снежниками. На норвежских геологических картах сланцевые породы изображались как метаосадочные формации неизвестного возраста. Богатое оруденение было локальным, но впечатляющим, поскольку пластины гематита достигали 70 сантиметров, и на них можно было спускаться вниз, как на сноуборде.

Наш полевой лагерь в этом году модернизировался. Он состоял теперь из одной большой жилой палатки с печкой внутри, но вмещал



Отъезд с Земли Норденшельда.
Погрузка на баркас с буксира «Заря».



Заснеженные скальные хребты на подлете к горе Магнет-хьюга. Июль 1980 г. Лагерь около горы Магнет-хьюга. Видна большая палатка – наш новый дом.

больше исследователей. Количество их по рудному направлению возросло каждый год.

Здесь, недалеко от северного полюса, время всегда идет незаметно и стремительно. И это быстрое течение времени было очень хорошо заметно по птицам, которые на Шпицбергене высиживали и растили птенцов. Особенно много было гусей, птенцы которых часто забредали к нашему лагерю, видимо, потому, что чувствовали исходящее от палаток тепло. Но птенцы были такими незаметными в своей маскировочной окраске, что быстро исчезали из поля зрения. А когда появлялись, были уже большими, в другом оперении. Казалось, что эта смена гусяных нарядов происходит слишком уж быстро, почти мгновенно.

Завершив работы на Магнетхьюге, я должен был продолжить исследование северной части Земли Норденшельда – от долины Оруст, южную часть которой мы с Полковником прошли в прошлый сезон.

Нас снова посетила норвежская полиция во главе с генерал-губернатором Свальбарда, после чего мы двумя вертолетами были переброшены к долине Оруст. На этот раз – без «птичьих» помех. Большой дом мы решили не ставить, а разместились в небольшом домике Кемп Оруст, разбив рядом с ним палатку для вещей. Решили, что семь-десять дней потерпим как-нибудь ночную тесноту, зато будем в тепле и сухости. Погода испортилась знатно. Дождливые дни через один чередовались с сухими, в которые приходилось маршрутить с удвоенной силой. А тут еще норвежская полиция никак не хотела оставлять нас без внимания. Однажды в дождливый день, когда мы в домике жарили на большой сковородке, поставленной на примус, незаконно добытую печенку, я неожиданно услышал через дверь стрекот снижающегося норвежского вертолета. Он сел почти мгновенно, но я успел быстро сунуть сковороду во въючный ящик с всякими документами

и картами, а в огонь при- муса кинул горсть мо- лотого кофе. Затем рас- пахнул дверь перед не- жданными гостями. Как всегда, ими оказа- лись генерал-губернатор Свальбарда с шефом поли- ции. Поговорили коротко, тем более что шеф узнал в нас знакомых по перво- му визиту в лагере около Магнетхьегги. Спросил, как дела, чем занимаемся. Я рас- сказал, что изучаем породы



Свеагрува – место норвежских поисков нефти на востоке З. Норденшельда.

этой части Земли Норденшельда, а сейчас непогода, поэтому собра- лись попить хорошего кофе, мол, не хотите ли присоединиться?

Шеф ответил, что с удовольствием бы, да времени нет: летят в Свеагрува, а по дороге увидели новый лагерь, вот и решили узнать, кто тут остановился. «Ну, раз старые знакомые, то всего доброго», - ска- зал норвежец. Затем оба попрощались и улетели. Тут я смекнул, что вообще-то они не просто так здесь остановились, а следят за нашими делами по рудным поискам. Пару заявочных столбов на цинк и сви- нец мы уже поставили, и это им явно не очень понравилось. На фото – Свеагрува, место норвежских поисков нефти. Отсюда нам с Димой хотелось обследовать северную часть Земли Норденшельда двумя одиночными маршрутами с обратным ходом посредине между ними. Ночевку и встречу предполагали провести в землянке к югу от мыса Минерал.

Как только сменилась погода, мы с утра отправились по задуман- ному нами двухдневному маршруту. Разошлись по прошлогодней схе- ме: Дима ближе к побережью, а я – по «пригорной» части. Я ничего ин- тересного не нашел. Все время наблюдал однородные серые карбонат- ные породы без признаков рассланцевания и минерализации. Часам к пяти добрался до намеченной точки встречи. Тут обнаружился буго- рок, крытый листами гофрированного железа пятнисто-ржавого цве- та. Это и оказалась намеченная по карте землянка. Внутри она была обшита досками, подпертыми деревянными кольями. Дощатые лежан- ки стояли прямо на гальке. Я немного прибрал все внутри, развел у землянки костерок для обогрева и стал поджидать Полковника. Он

вскоре появился и принялся радостно потирать руки у костра. Но мне зря показалось, что он радуется потому, что встретил что-то полезное. Полковник тоже ничего не нашел. Зато он достал из рюкзака подстреленного гуся. Рассказал, что увидел хромого гуся, низко летевшего над морем, пожалел его и подстрелил. А он взял да и упал в море. Пришлось раздеваться и плыть за гусем, а потом обратно, держа птицу зубами за шею, как собака. Гусиная кровь хорошо видна, а вертолеты инспекции часто летают в этом районе, вот Полковник и решил вытащить добычу. Вылез из воды, быстро обтерся футболкой и помчался к землянке, благо недалеко было, как показывал дым от моего костра.

Мы принялись готовить сытный ужин из свежей гусятины. Потом стали заваливать шкуру и потроха камнями. И вдруг – увидели на сколе одного из них блестящие галенита (PbS). Вот счастливая находка! Да, это мы и искали, потому что находились на границе рудной зоны, которая в литературе была известна как мыс Минерал. Вероятно, это был самый южный, неизвестный ранее выход минерализации, который мы нашли благодаря сбитому гуся. Это место мы назвали Гусиной точкой, соорудили из камней тур, вложили в него записку от имени «Арктикугля» и отправились спать в землянку.

Поначалу заснули крепко, но потом оба проснулись и до утра ворочались, ежась от ночной прохлады. Как только начало светать, вылезли из землянки и принялись разводить хороший костер для согрева, а уж потом, согревшись, готовили завтрак. После этого собрались и пошли к лагуне Оруст, домой.

Пришли рано. Солнце как раз разогнало утренний туман, и вокруг было очень красиво. Птицы уже встали на крыло, готовились к



Дом Старостина – русская реликвия на Шпицбергене.

перелету и тренировали молодняк. Ну да это лирика. А если о делах, то в это же утро мы дали на базу радиограмму, что закончили в этой местности все «на пятерку», так что теперь нас пора увозить отсюда к дому Старостина в Ис-фьорде. Нам сказали, что полетим через день, если погода позволит.

Дом Старостина находился вблизи берега Ис-

фьорда. Когда-то, в давние времена, помор и купец Афанасий Старостин построил недалеко от озера Линне крепкий дом, в котором перезимовал три зимы подряд и очень много добыл пушнины и моржового клыка. С тех пор место и называется дом Старостина, а принадлежит оно России. Мы тут удобно разместились, чтобы охватить изучением и поисками северный край Земли Норденшельда. Была лишь одна небольшая трудность. Она заключалась в том, что недалеко отсюда стояла норвежская радиолокационная станция Ис-фьорд Рэдио, и чтобы обойти исследованиями эту часть Земли Норденшельда с мысом Минерал, необходимо было посетить эту станцию и заявить там о своих исследованиях. Пришлось нам с Полковником идти на станцию. Мы и пошли, и я объяснил там, что будем работать в окрестностях. Шеф станции все понял и сказал: «О'кей». А затем спросил, имеем ли мы красные кепи. Димка подумал, что он спрашивает, коммунисты ли мы, и сказал: «Но коммунисто, мы геологи». Только потом мы поняли, что шеф спрашивал, есть ли на нас яркие предметы, потому что сотрудники станции тренируются в стрельбе по окрестным выходам горных пород. Мы посмеялись друг над другом и продолжили заниматься своим делом.

Был уже сентябрь, и погода стояла позднеосенняя. Мы ходили в маршруты в теплых черных спецовках, а к ним привязывали красные ленточки – нашли у себя. Собрали хорошую коллекцию минерализованных известняков, обнаружили зону разлома, отделявшую эти известняки от, вероятно, более молодых пород схожего состава, и в целом были удовлетворены проделанной работой. Но погода неожиданно сменилась на солнечную, тихую. Эти дни можно было бы назвать заполярным бабьим летом. Мы решили устроить себе банный день с последующим камеральным, а затем – продолжить маршруты вокруг озера Линне. Баня делалась так: на берегу складывалась куча камней, рядом ставилась бочка с водой, а потом на камни наваливалась большая куча дров, которая поджигалась и горела около часа. Когда все сгорало, зола и огарки сметались долой, и сверху на горячие камни ставилась палатка. Она и была парилкой, а море или озеро



В маршруте. Начало сентября 1980г.



Подготовка к бане –
большой костер для каменки.



После парилки в палатке – в холодную
реку с названием Русская.

– холодной купелью. На все это дело уходило полдня, а если считать с последующим обедо-ужином и отдыхом, то и весь день и вечер – до ночи. Хорошее развлечение!

Пока обошли вокруг озера Линне маршрутами, наступила середина сентября: предзимье. Тут нас вертолетами вывезли в Баренцбург. Оттуда рейсом ТУ-154 мы вылетели в Москву, а из столицы ехали в Ленинград поездом. Так закончился мой удачный второй сезон на Шпицбергене.

Сезон 1981 года там же, на Шпицбергене, был разнообразным как с точки зрения охвата территории, так и в плане состава нашего рудного отряда. В него вошли еще два новых сотрудника, геолог Сергеев по кличке Хэнк Ужасный (кстати, тоже однокурсник моей Татьяны) и студент геофизик Бутомо, специалист по рентгено-радиометрическим поискам сульфидных минералов. Так что отряд обогатился и прибором, который стал своеобразной инновацией в поисках рудных полезных ископаемых, и специалистом, который знал, как его применять.

Прилетели в Баренцбург уже привычным маршрутом, быстро собрались на полевые работы. Хозяйство было подготовлено еще с осени 1980-го. Оставалось только получить провизию и, стараниями Полковника и его помощников Хэнка и Генриха, добыть дополнительные дефицитные продукты на складе столовой.

В середине июня нас уже перебросили на двух вертолетах на юг Земли Ведель-Ярлсберга, в район озера Ревдален. Интересно, что все известные и найденные нами точки минерализации оказались приуроченными к позднедокембрийским комплексам пород, которые окружали район озера Ревдален, откуда мы и начали свои работы.

Первые же маршруты по вулканогенным породам, окружающим с северных румбов район Ревдален, показали признаки полиметаллического оруденения. Но также они показали, что норвежская полиция сразу же начала следить за нашим отрядом. Сверху, с хребта, я видел, как их вертолет спустился к нашим палаткам и трое в штатском обошли весь лагерь. Но там в то время никого не было – мы все, включая радиста, разошлись по маршрутам. Поэтому норвежцы в палатки не заглядывали: это было бы нарушением международных правил.

На озере и в реке, которая из него вытекала и километров через пять впадала в море, мы пытались на удочки и спиннинг ловить хоть какую-нибудь рыбу. Но ничего не попадалось. Тогда пришлось применить испытанный метод: поставили вечером сеть в истоке реки. Уже утром был результат: пять крупных лососей. Мы их засолили для хорошей закуски, которую и опробовали в первый же вечер. Вскоре заготовили почти полный ящик отличной рыбы, благо соли у нас было достаточно.

К югу от озера, километрах в пяти, располагалась польская исследовательская станция. Как-то раз, дней через семь после того как мы тут поселились, к нам пришли трое польских гостей. Мы, конечно, приняли их радушно. Угостили водкой с белым хлебом, маслом и красной рыбой, от которой они были в особенном восторге. Удивлялись, почему это они сами никогда не пробовали ловить здесь рыбу. Но мы им сказали, что всем этим нас снабжает советская станция в Баренцбурге.

Позже мы с Димой, совершая южный маршрут, зашли на польскую научную станцию и удивились, какая она крепкая, прочная. Оказалось, что эта станция – круглогодичная, и здесь зимуют гляциологи и орнитологи из институтов Варшавы, Вроцлава и Торуня. Каждый год научный состав меняется, обновляют и все продуктовые припасы: консервированный хлеб, компоты, молоко, варенья и прочее. Все это свозят на другой берег залива Хорнсунн, в бухту Госхамна, в небольшой домик для временной летней работы. Мне как раз очень нужно было вместе с геофизиком Бутомо и его прибором РПК попасть на другой берег залива Хорнсунн. На этом берегу были выходы карбонатных пород, возможные концентраты свинцово-цинкового оруденения. Там, в заливе Госхамна, работала тогда группа польских исследователей, и мне удалось уговорить их шефа перебросить туда на три дня нас двоих с легким грузом для моторной лодки. Так мы отработали карбонатные породы формации Хеферпунтен, где действительно обнаружили гнездовые концентрации свинцово-цинкового ору-



Льдинки в бухте Госхамна на Земле Сёркап. 1981г.



Маршрут к горе Хорнемантоппен.

денения. Заодно мы опробовали действие рентгеноградиометрического прибора на поиск или возможность поиска оруденения.

Потом нас сразу перебросили на север, в долину Магдалена-фьорда, поскольку нужно было отобрать возрастные пробы из гранитов интрузии Хорнемана и изучить возможность оруденения в связи с этими гранитами. Для этого надо было совершить подъем по леднику к выходам гранитов. Это был довольно длительный переход. Пришлось оставить студента и радиста с ружьем, которое им дал Полковник, и наказом приготовить и охладить компот к на-

шему возвращению. Мы знали, что после перехода все трое вернется обезвоженные, и надо будет восстанавливать силы не только обедом. Поднимались на гору Ньютонтоппен по леднику, засыпанному снегом, со страховочной веревкой, опасаясь закрытых трещин. Эти места вообще были опасные. Так, в Магдален-фьорде в прошлом году медведь задрал английского туриста. Но наши ребята, которых мы оставили одних, были brave и ничего не боялись, а потому заснули, как только мы ушли, и спали долго. Компот они так и не сварили. Пришлось их выругать. Особенно строг был Хэнк, он заставил пацанов вымыть всю посуду, а затем наготовить дров.

После этого похода мы с Димой Бархатовым были в срочном порядке отправлены на остров Датский. Я так и не знаю, зачем мы там понадобились: никаких сведений о минерализации на острове Датском, как и на острове, Амстердам, не имелось, да и по геологии они не подходили.

Наверное, были у нашего начальства какие-то свои стратегические задачи. В Магдалене мы оставили руководителем Сергеева, а сами улетели еще севернее на остров Датский (и у нас с собой все было). С этим островом были связаны попытки достичь Северного полюса в конце XIX - начале XX века. Одну из таких попыток предпринял доктор Андре в 1897 году. Он хотел достичь этого места на воздушном шаре. С этой историей оказалась связана разгадка тайны нашего перевода.

На острове Датском имелась целая долина, заполненная ржавыми камнями и обнажениями. Вероятно, эта долина привлекла внимание наших вертолетчиков, и они сообщили о ней нашему геологическому начальству на Шпицбергене. Оказалось, что долину наполняют проржавевшие и спекшиеся в массу шарики железа. С помощью этих шариков и соляной кислоты добывали водород для накачки воздушного шара. Здесь было создано целое производство водорода для шара большого диаметра, на котором доктор Андре взлетел в небо и отправился к Северному полюсу.



С Димой Бархатовым на о-ве Датском.



У нас в палатке все было, заходите!



Свинцовая памятная медаль и памятная доска на стеле памяти

полета на воздушном шаре к северному полюсу д-ра Андрэ с о-ва Датский.

Но, к его несчастью, на высоте дул восточный ветер и шел снег, который заставлял шар терять высоту. В конце концов, шар упал, а члены экспедиции замерзли на маленьком острове Белый между Северо-Восточной Землей архипелага Шпицберген и Землей Франца-Иосифа. Останки шара и костей участников экспедиции нашли только в 1930 году. В 1950-х на острове Датском поставили стелу, а в 1976 году здесь появилась памятная медаль, посвященная погибшей экспедиции.

На острове мы пробыли пять дней. Обошли все кругом, наткнувшись на одни только останки гренландских китов и моржей, которых полностью выбили норвежцы и голландцы уже к середине XIX века. Хорошо хоть, что олени и куропатки дожили до нашего времени.

На пятый день за нами прилетел вертолет. Вместе с другим вертолетом, снявшим отряд из фьорда Магдалена, он перебросил всех на западное побережье полуострова Нью-Фрисланд в Ауст-фьорд. Здесь мне надо было осмотреть склоны ледника Смутсбреен, поскольку там имелись выходы высокометаморфизованных пород и гранитов, наиболее древних пород на Шпицбергене. Но, кроме магнетитовой минерализации, я там ничего не встретил. Бархатов с частью отряда был переброшен на перевал между угольным рудником Пирамида и Нью-Фрисландом.

Перевал был сложен девонскими красноцветами, и, поскольку там в ложбинах лежал снег, мы это место называли Марсом. За два дня работ ребята там, конечно, ничего путного не нашли, и их привезли обратно. Ну а рано утром через два дня я услышал дальний рокот моторов «МИ-восьмых» вертолетов. Быстро всех разбудил: «Готовьтесь,



Берген, Нью-Фрисланд, Смутсбреен 1982 г.

*Перед маршрутом на п-ове
Нью-Фрисланд.*

за нами летят». И действительно, не успели мы собраться, как уже приземлились два вертолета. Командир сказал, что веле-но нас перебросить срочно, пока норвежцы не заняли место, на полуостров Петермана: искать золото. Ну ладно, надо так надо. Собрали шмотки по-быстрому. Часть в вертолеты, часть в лодку с мотором, и мы перебрались на другую сторону Ауст-фьорда.

Полуостров Петермана сло-жен красноцветными девонски-ми песчаниками, рассеченными

отдельными зонами разломов, заполненными кварцевыми жилами, которые и предстояло изучить. Одна из таких зон оказалась хорошо минерализованной, причем в верхней ее части наблюдались пирит-халькопиритовые вкрапленники и примазки, что вселяло надежду на аналитические определения золота. В нижней же части, почти у уреза воды, в жиле наблюдалась галенитовая и сфалеритовая минерализация. То есть по жиле наблюдалась минеральная зональность, что стоило детально изучить.

Берега полуострова были обрывистые, и с моря было видно, что протяженность жил достигает 200 метров и более. Этими жилами и пришлось заняться. Хотя видимого золота не наблюдались, из по крайней мере десятка жил было отобрано по серии проб. А вдоль побережья километра на два вокруг наблюдались трещинные зоны, сопровождаемые дайками долерит-базальтов.

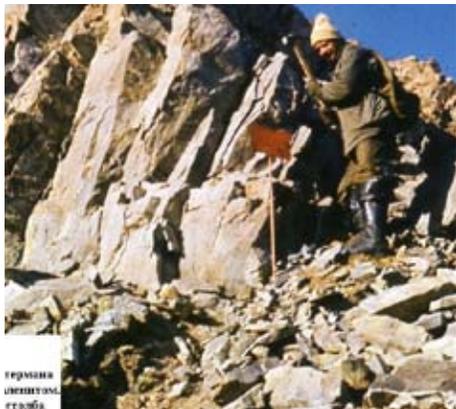
Золота мы не нашли, хотя искали очень тщательно, пытались даже обнаружить отдельные золотины в отмытых шлихах. Но зато увидели прекрасные кварцевые щетки сросшихся кристаллов, которых набрали пол-ящика. Отмытые от налипших суглинков, они блестели на солнце, как алмазные, и были разной величины по размерам.

В зависимости от полезности и объема сделанной работы, сотрудники награждались этими «звездами Шандоры» разной степени. По радию с нами связался начальник партии. Потом он прилетел на вертолете в наш лагерь на реке Симла. Все, что мы нашли, осмотрел, и я улетел вместе с ним расставлять заявочные столбы «Арктикугля» вдоль всей зоны выходов жил на протяжении 10 километров.

Всего было установлено 10 столбов (это были железные треноги с табличкой). Устанавливались они следующим образом: я выпрыгивал с зависающего вертолета, забивал столб, а потом залезал обратно



Кварцевая жила с цинковыми, свинцовыми и медными минералами. П-ов Петермана, Ауст-фьорд.



Установка заявочного столба-знака «Арктикуголь» на месторождение.

Дальнейшие исследования пришлось прекратить, поскольку был уже сентябрь, смеркалось рано, а на закате солнца становилось совершенно темно. Так что 15 сентября за нами прилетели два вертолета МИ-8. Забрали нас и все наши вещи, лодку с мотором и столовую бочку с топливом. Полковник лично упросил пилотов посадить ненадолго вертолет на островке неподалеку от лагеря. Там мы эту бочку оставили до будущего года. Так закончился сезон 1982 года на Шпицбергене.

Но в Ленинграде я задержался ненадолго. Меня пригласили войти в состав геологического отряда 28 Антарктической экспедиции. Ее целью тоже был поиск руды. Я получил предложение в сентябре, а отъезд к берегам Антарктиды был запланирован на ноябрь. За короткое время нужно было пройти медосмотр, сделать множество прививок (включая почему-то и те, что делают перед поездкой в тропики), а также получить паспорт моряка. Кроме того, следовало ознакомиться с районом работ и определить направленность поиска. То есть решить, на какие типы оруденения должны быть ориентированы исследования.

Научно-поисковой работы было много, а помимо нее требовалось еще составить отчет о результатах геологических и поисковых работ на Шпицбергене за 1982 год. Вскоре определился срок отъезда: середина ноября. В Ленинград за нами должен был прийти д/э «Башкирия». На нем нам предстояло держать путь в Южную Атлантику. Когда мы получили эти известия, появилась определенность, и со

в вертолет по лестнице, висящей над землей. Этот цирковой номер исполнялся без зрителей десять раз. Партией эта работа не была отмечена никак, но в моем отряде меня наградили большой «звездой Шандоры» и половиной стакана водки. Позднее, искаживая маршрутами склоны долины реки Симла, в одном из обнажений я обнаружил гнезда минерала, похожего на кальцит (CaCO_3), но имевшего желтоватый оттенок и более тяжелого. Минерал оказался баритом (BaSO_4).

сборами стало немного легче. Я получил на складе в Арктическом и антарктическом НИИ все необходимое снаряжение, которого получился целый баульный мешок. Кроме него, у меня набрались ещё два вьючных ящика своих собственных вещей и материалов. На этом я был готов к отъезду.

«Башкирию» немного потрепало штормом в Бискайском заливе, так что ей потребовался небольшой ремонт и отладка механизмов перед дальним походом. Отплытие из пассажирского порта Ленинграда было назначено на 19 ноября. В прежние годы антарктические экспедиции отправлялись обычно на этом же пароходе (такая уж привычка у моряков – все суда называть пароходами), но из Одессы. В этом году почему-то отправлялись прямо из Ленинграда.

На причале у парохода собралась большая толпа провожающих и отъезжающих: в экспедиции участвовало около 250 человек. Большой частью это были специалисты в разных направлениях геофизики. С помощью друзей-шпицбергенцев я протащил свой багаж на палубу парохода, предварительно попрощавшись с Танюшей и Алешкой, которому было уже десять лет. Провожающих на борт не пускали. Часов около 14 под прощальные гудки и музыку оркестра, перебиваемую криками оставшихся на причале, «Башкирия» отвалила от стенки. При помощи буксиров пароход вышел в морской канал, и началась 28-я Антарктическая экспедиция.

Разобрали вещи по каютам, и я свел первое знакомство с коллегами. На фото показан памятный почтовый конверт, посвященный 28-й САЭ.

Моя каюта находилась на верхней палубе и была двухместной. Моим соседом оказался врач экспедиции Володя Ганжа. Иллюминатор в нашей каюте заменяло окно размером 1 м на 80 см, дававшее хороший обзор. На этой же палубе располагались каюты всего руководства САЭ. Остальные члены экспедиции поселились в каютах на трех нижних палубах. Большинство из них шло на «Башкирии» не в первый раз, поэтому разместились они в как бы уже «своих» каютах,



Памятный конверт с печатями 28-ой Антарктической экспедиции. Ноябрь 1982 г.



Пролив Ла-Манш, с борта теплохода
«Башкирия» 28 СЭ.

которые были им привычны и нравились. Так что никаких скандалов из-за распределения мест не было.

Пока я разбирался со своими вещами и решал, куда бы их распахать да как бы принайтовить как следует, чтобы в штормы не летали по каюте, пришло время поужинать пофлотски.

В течение первых дней плавания погода была ти-

хой. Так мы прошли все скандинавские проливы. Но когда зашли в пролив Ла-Манш, начало штормить. Поначалу не сильно, а потом все более жестко. Народу в столовой поубавилось. Столы были покрыты мокрыми скатертями, чтобы посуда и приборы не елозили. Но я потихоньку прикачался, пообедал и даже вышел на палубу посмотреть на белые скалы Дувра. А увидел только серые волны. Качало изрядно, поэтому я отправился в каюту. Там тепло и уютно в такую погоду. В каюте были книги, и каждое утро передавали по внутреннему радио координаты судна. Над моей койкой висела большая карта Атлантического океана, на которой я отмечал эти координаты и числа месяца. Мой сосед большую часть времени проводил у друзей-геологов в их каюте на нижней палубе. Он взял собой две 20-литровые канистры спирта, с помощью которых они там все так и боролись с качкой.

Штормовая погода длилась дня три, а потом утихла. Бискайский залив мы прошли незаметно и стали ожидать подхода к Канарским островам, где в городе Лас Пальмас предполагалась трехдневная стоянка с выходом на берег.

И вот вдали показались белые дома Лас Пальмаса. Все высыпали на верхнюю палубу смотреть, как и куда будет причаливать наш пароход. На берег, в город, нас собирались выпускать «русскими тройками», то есть по три человека. Каждая тройка все время должна была быть монолитной: уходить с корабля, возвращаться и даже приходиться на ужин в столовую следовало все той же тройкой. Нам раздали паспорта моряков и по 30 песет на брата. Как только причалили, выстроилась очередь на выход. Многие участники экспедиции прежде не раз



Впереди Лас-Пальмас,
Канарские острова в
июле 1983 г.

*Впереди Лас-Пальмас,
Канарские острова.*



*Теплый Лас-Пальмас,
ноябрь 1982г.*

бывали в Лас Пальмесе, поэтому у них были свои планы – посетить уже знакомые, может быть, значные места. Вместе со мной в тройке были известный исследователь Антарктиды Леонид Федоров и мой коллега по шпицбергенским вояжам Генрих. Он к тому времени перевелся в Полярную экспедицию, которая относилась к переименованному СевМорГео - ВНИИ Океангеологии.

Мы пошли гулять по городу. Любовались замечательной южной испано-марокканской архитектурой, заходили в универсамы и магазины. В Ленинграде в то время было противное предзимье, дожди с мокрым снегом, а здесь – теплынь: райское местечко. Народу на улицах полно, автодвижение тоже довольно плотное. Пальмы, цветущие деревья, а на заднем плане – голые безлесные вулканические горы. Город и мелкие пригородные поселки располагались вдоль побережья, но на пляжах было пусто: не туристский сезон.

В Лас Пальмесе располагалась база Союзрыбфлота, место стоянки советских рыболовных судов. Здесь наш пароход запасся топливом и продуктами, в основном овощами и фруктами. Позже они появились на наших столах.

В числе достопримечательностей, которые нам удалось рассмотреть, был дом Христофора Колумба. В этом доме он жил перед своим знаменитым походом, завершившимся вместо достижения Индии открытием (на горе индейцев) Америки. Дом бережно сохраняли – достойное отношение к памяти о знаменитом жителе города. Рядом находился старинный костел, в котором перед походом Колумб совершил молебен, прося Бога об удаче в плавании.



1



2



3

1. Дом Христофера Колумба, где он жил перед отплытием на запад. 2. Костел в Лас Пальмаса, где Колумб отслужил службу удачи. 3. На одной из улиц Лас Пальмаса.



Отдохнув на твердой земле, мы отправились на посвежевшей «Башкирии» дальше на юг, приближаясь к экватору. Океан все время был тихим и спокойным, так что мы проводили время, загорая и купаясь в бассейне с морской водой. По морскому обычаю при пересечении экватора полагалось устраивать праздник поклонения Нептуну, древнему морскому божеству, покровителю мореходов. Экипаж и участники экспедиции готовились к театрализованному представлению с купанием, бросанием впервые пересекающих экватор коллег в бассейн и другими шалостями. Погода благоприятствовала, океан был тих, и всё способствовало проведению этого действия.

На краю бассейна построили сцену. На ней расположились черти и ведьмы во главе с Нептуном и другими ряжеными. Всем выдали по чарке вина, а новоиспеченным героям по две чарки, и началось веселье с поклонами Нептуну и

Экватор. Праздник Нептуна на «Башкирии».



Подход к Рио-де-Жанейро и вход в порт Рио-де-Жанейро. 5 дек. 1982 г.

посвящением новеньких бросанием в воду бассейна. Я тоже удостоился этой чести, а потом надел газетное жабо, игравшее роль профессорского облачения, и продолжил участие в торжестве вместе с поддатым доктором, моим сокаютником. Празднество длилось до заката солнца, а утром все было убрано, отдраено, и участники улеглись на свои «трудовые» места, рядом с падающими на палубу летучими рыбками. А океан оставался тихим и ослепительно синим. Он сменил свой цвет на голубой только в Рио-де-Жанейро, куда мы прибыли через пять дней ходкого пути.

Заход в Рио-де-Жанейро не был простым. Сначала океан поголубел, затем вода стала зеленоватой и на горизонте показались острокопечные прибрежные горки, а уж потом только пароход вошел в извилистый эстуарий. Он был полон скальных островов, на которых находились старинные форты и, местами, какие-то старые испанские фазенды.

Вслед за ними показался и сам город. На причале, где дали место «Башкирии», стояло несколько военных бразильских кораблей, а на самом настиле теснилась военная техника: пушки, бронетранспортеры, украшенные государственными флагами. Думали, это нас так встречают, а оказалось, Бразилия отмечает День Военно-Морского флота, государственный праздник. Было воскресенье, и когда нас выпустили на берег «русскими тройками», нам показалось странным, что город какой-то пустынный: очень мало людей на улицах. Зато легко было фотографировать. Я взял с собой карту города, скопированную из энциклопедии. По этой карте можно было ориентироваться. Конечно, мы первым делом нашли на ней знаменитый пляж Копакабана, куда и решили пойти. Сначала шли по набережной Ботафого, на которой

располагались офисы знаменитых бразильских футбольных клубов. Вся эта набережная была обсажена деревьями в ярких и пышных тропических цветах.

Дальнейший путь к Копакабана шел через центр города. Здесь мы увидели Театральную площадь и площадь Боливара, национального героя всей Латинской Америки.

К этому времени мы изрядно проголодались и очень хотели пить. На корабле нам выдали по 15 крузейро. На эти деньги можно было купить бутылку пива и бутерброд, чем нам и пришлось удовлетвориться. До Копакабаны мы добрались быстро. На длинном пляже оказалось пусто: начало лета, не сезон для купания. Но это южные люди так считают, а мне до сезона не было дела. Путь хоть зима, я все равно пошел бы купаться, ведь это же – легендарная Копакабана.

Мои коллеги что-то не захотели идти в воду, а я полез. Шел сильный накат, но мне он показался незаметным. Зайти в воду было легко, она сама тянула и держала. А вот из нее я выбирался с трудом – становился на четвереньки и ждал, пока прокатятся гольши по ногам и придет следующая накатная волна. Когда она проносила меня немно-



Пляж Копакабана.



Статуя Христа на холме Корковадо.

го вперед, следовало медленно вскакивать и бежать к берегу во всю мочь. Не очень-то все это было просто, зато я искупался на Копакабана. Как видно на фото, на пляже много «генералов песчаных карьеров», но не белых людей. Герои-полярники из другой тройки с нашего корабля пошли купаться вместе, оставив вещи на пляже, и всего, что было с собой, лишились. Так в одних плавках и были доставлены полицией на корабль. Видно, не смотрели они кино про генералов песчаных карьеров.

На следующий день погода была яркой и

солнечной. Нас повезли на экскурсию в окрестные джунгли, а потом еще на одну – на вертолете вокруг Рио-де-Жанейро. С вертолета мне удалось сделать хорошее фото скального пика Корковадо с фигурой Христа-спасителя – главной местной достопримечательностью. На улицах города, в отличие от предыдущего воскресного дня, было невообразимое количество народа: почти не протолкаться. Поэтому трудно было фотографировать некоторые достопримечательности и уличные сценки.

Военную технику уже убрали из порта, все было тихо. Но тут ко мне пристал полицейский с просьбами продать ему мою сумку с изображением испанского флага. Эту сумку я купил совсем недавно, в Лас Пальмасе, но полицейский так упрашивал, что пришлось продать. Взамен я получил крупную сумму крузейро. На эти деньги купил бразильский кофе для дома и банку для поля, а также пару ананасов (так все делали) да бутылку бразильской водки ауградиенте. Водка оказалась отвратительной. По-моему, ее делали из квашеной рыбы: выпить это можно было, только зажав нос.

Так «Башкирия», пропахшая подобным добром, отошла от причала и отправилась к берегам Антарктиды. Едва вышли в море, как выяснилось, что мои коллеги, моряки-геологи во главе с доктором Ганжой, даром времени в Рио-де-Жанейро не теряли. Сойдя с трапа, они сразу бросились по аптекам – закупать питьевой спирт. В Бразилии его использовали не для внутреннего употребления, а для обтирания рук и дезинфекции трупов, поэтому спирт был дешев.

На второй день после выхода из Рио похолодало, в море показались льдинки-островки, на которых были видны черные точки. Рассмотрев их в бинокль, мы увидели, что это пингвины. По внутренней связи передали, что мы идем через известные «ревушие» сороковые южные широты, и попросили всё крепко принайтовать. Но пока что ничего вокруг не ревело. Зато к вечеру и в ночи бушевал такой шторм, что найтовить к койкам пришлось не только вещи, но и самих себя. Стекло иллюминатора в соседней каюте выбило волной, а заместителя начальника экспедиции вышибло оттуда в коридор вместе со всеми его любимыми марками и открытками. Утром все приводили в порядок, сушили и снова крепили. Обед в тот день не готовили. Был лишь короткий завтрак со ста граммами вина, которое полагалось выдавать в тропиках на обед.

Миновав сороковые широты, пришли к острову Южная Георгия. Здесь мы должны были ждать прибытия грузового парохода ледового класса «Капитан Мышевский». Он вез основные грузы экспедиции.



«Башкирия» среди брошенных норвежских судов-китобоев на Ю. Георгии.



Императорские пингвины и морские слоны

На этом пароходе нам предстояло идти дальше, добираться до станции «Дружная».

Остров Южная Георгия был то ли ничейным, то ли принадлежал англичанам. Во всяком случае, на нем располагалась английская научная станция. Но главным было то, что этот остров служил базой китобойного промысла, который вели главным образом норвежцы. Они уже в конце XIX века выбили всех гренландских китов вокруг Шпицбергена.

На Южной Георгии на берег никого не выпустили, дали сойти только группе киношников из ГДР (в те времена Германская Демократическая Республика, бывшая на стороне СССР). А к этой группе присоединили и меня – в качестве носильщика аппаратуры. Так мне удалось побывать на этом острове, который был интересен прежде всего обилием императорских пингвинов и морских тюленей-слонов.

На острове образовалась прибрежная и причальная свалка норвежских мелких судов и судовых деталей. Между ними валялись и спали морские слоны. Очень забавные, ленивые и безобидные животные, они часто встречались на берегу в компании разгуливающих по берегу красавцев императорских пингвинов. Пингвины иногда сбивались в мелкие стайки, а жили среди пучков высокой травы.

В общем, все как в открытом зоопарке. Можно было рассмотреть жизнь животных в деталях, а кроме того, посетить могилу исследователя Антарктиды Шеклтона и поклониться ему.

После неудачного похода к Южному полюсу Шеклтон возвращался через эти места домой в Англию. Но шхуна, до которой ему удалось

добраться, попала в бурю и разбилась на скалах Южной Георгии. Погиб и сам исследователь, и все, кто оставался к тому времени в его команде.

Вскоре в бухте появился сухогруз «Капитан Мышевский». Стоя на рейде, он принял команду 28-й САЭ со всеми ее личными вещами. Мне с геологами Леней Федоровым и Володей Траубе досталось провести оставшиеся дни морского похода в каюте старшего механика. Остальные разместились по разным помещениям корабля, потеснили команду в каютах, заняли балки, закрепленные на палубе. Было установлено жесткое расписание дежурств по кухне для помощи коку в приготовлении пищи и мытья посуды. Я попал вместе с геологами в состав ледовой команды. Что это означало, выяснилось позже, а пока я просто радовался, что мне повезло: каюта Деда была теплой и довольно просторной даже для четырех человек.

Тепло в каюте мы особенно оценили, когда на палубе стало по-настоящему холодно. Все-таки мы уже вошли в антарктические воды. С палубы стали хорошо видны льдины с их извечными пассажирами – пингвинами. Они стояли на льдинах поодиночке, реже – группами.

Наш пароход вез вертолеты, бочки с топливом и, вероятно, другой ценный груз. А самое главное, на борту находилось геофизическое оборудование, так называемая коса. В море Уэдэлла по курсу появились огромные айсберги, скорее всего, отколыши от материкового льда. Они не то стояли, не то, хотя ветра и волн не было, плыли по какому-то неведомому течению. За кормой вдруг появился еще один пароход. Как сказал Дед, это «Комсомолец Эстонии», он везет к аэрологам



Могила исследователя Антарктики Шеклтона.



Море Уэдделла. Гигантские айсберги. Антарктика.



Второй пароход экспедиции «Комсомолец Эстонии».

принайтованный самолет Ил-14 вместе с его экипажем, а также вертолет. В наше время название «Комсомолец Эстонии» кому-то может показаться странным, но тогда оно было совершенно обычным.

Какое-то время пароход шел строго в кильватерной струе за «Мышевским», но потом отстал. А мы продолжали движение по морю Уэддэлла, иногда совсем близко подходя к ледяному барьеру. И вот тут-то и выяснилось назначение ледовой команды, в состав которой, напомним, включили и меня.

В зимней одежде, с буровым оборудованием в руках, мы спускались по штурмтрапу почти с самого бака корабля на материковый лед, чтобы пробурить его и определить, достаточно ли он крепок для швартовки и разгрузки. Все это приходилось проделывать снова и снова. Буришь, а по льду идут трещины, вот и приходится продолжать поиски годного места.

Однажды «Мышевский» залез в такие льды, что машины судна уже не справлялись с движением ни вперед, ни назад. Тогда снова послали ледовую команду на крошево глыб льда, чтобы вырубить вручную траншею и заложить в нее огромные бревна с цепями, а потом заполнить траншею льдом и утрамбовать его. Работа была – что надо! За нее нам выдали по порции водки и накормили «сверхвахтенным» обедом. Но мы только посмеивались, понимая, что такую махину, как корабль, ледовый якорь не выдержит. Капитан думал, что подтянется на нем хоть немного, а потом даст задний ход и выйдет из ледового плена. Перед стартом операции мы попросили всех зрителей попрятаться. Едва началось подтягивание, бревна разломались, как спички, и вместе с цепями полетели по воздуху. Тогда геофизики предложили свою помощь. Они разложили на льду за кормой косу с взрывчаткой и рванули заряд. Образовалась полынья, которой корабль и воспользовался, давая задний и передний ход поочередно. Так и вылезли из ледяного плена, и пошли дальше вдоль кромки материкового льда. В тот год от него как раз откололся огромный массив (видимый из космоса). В результате образовалась большая полоса свободной воды. По ней и двигался «Мышевский».

На следующий день мы уже здорово приблизились к тому месту, где располагалась станция «Дружная». Построек мы не смогли разглядеть. Увидели только балки, почти полностью утонувшие за год в снегу, и скопище темных бочек из-под горючего.

Снова в дело вступила ледовая команда: обследовала и пробурила несколько профилей во льду, пока не нашла подходящее место для швартовки и разгрузки.

В ледяной пустыне нас никто, конечно, не встречал. Только маленький пингвин Адели с любопытством наблюдал, притаившись среди глыб льда, за процессом разгрузки «Мышевского» и «Эстонии». Этот процесс занял почти неделю и проходил всего в 30 километрах от «Дружной». Точнее, от вершины искусственного снежного холма, на которой стояли, обозначая расположение станции, бульдозер и шест с закрепленным на нем флагом. Туда то и вылетел с группой механиков на борту первый вертолет, привезенный «Мышевским» по частям и собранный уже по прибытии.

Работали ежедневно, выгружали «багаж» с утра и почти до полуночи. За смену одних только бочек с горючим полагалось выгрузить из корабельных трюмов и приготовить для перевозки вертолетом 800 штук. Когда были собраны все три вертолета, процесс ускорился. Каждые 15-20 минут в небе появлялся МИ-8 и садился почти тебе на голову. Но прежде, чем цеплять сеть или что-то еще к крюку вертолета, нужно было погасить электростатику. Пока все это сделаешь, глядь,



Вот они герои Ледовой команды (в том числе и автор книги).



А это наш пароход «Мышевский», который все же ждал нас.



1. Погрузка и перевоз вертолетом бочек с топливом на станцию «Дружная».
2. Перемещение самолета – мешает подлетам вертолетов.



Ну вот и Новый 1983 год на станции «Дружная». Подъем флагов СССР и ГДР.



Первый тост «С Новым Годом».

а уже следующая машина стрекочет в небе, готовится сесть. Вертолетами перевозили все, даже домики-балки, на подвесе, благо было недалеко, а погода стояла безветренная.

Так продолжалось почти до нового 1983 года, когда, наконец, была официально открыта станция «Дружная». Открывали весело – откупорили шампанское и водку, которые специально для этого события привезли с собой, подняли флаги СССР и ГДР.

Потом почти неделю обустроивали станцию. Вручную и с помощью бульдозера выкапывали домики-балки из снега, расчищали снаружи и изнутри. Ставили большую палатку, где должна была разместиться столовая, де-

лали электропроводку, испытывали дизель-генераторы. А самое главное, устроили и опробовали на себе подснежную базу с парилкой.

Самое смешное, что как только мы откопали и обогрели наш балок, из щелей повыползли тараканы. Они умудрились продержаться год без еды, в морозы, и выжили. И все же пришлось их уничтожить, потому что нам такое соседство было совершенно ни к чему.

Наш геологический балок, которому был присвоен десятый номер, находился на окраине станции. До столовой было метров триста ходьбы. Пока не расчистили и не утоптали бульдозерами дорожки, идти приходилось, проваливаясь в снег по колено. Но нас, шестерых сплоченных одной заботой геологов, это ничуть не расстраивало. Мало того, нам очень нравилось место, в котором мы жили. Рядом поставили свою красную с синим верхом палатку москвичи-шпаровцы

(лыжники из команды Дмитрия Шпаро) Вася Шишкарев и врач Миша Малахов. Они, оказывается, присоединились к нам, чтобы из нашего временного лагеря на лыжах пробиться в сторону Южного полюса. По соседству с нами поставил свой медицинский балок доктор Ганжа. В этом балке он сделал первую на станции хирургическую операцию.

В середине января нам выделили вертолет для переброски в горную часть Антарктиды, на остров Латади, расположенный за 400 километров от станции.

Наш груз состоял из двух сборно-разборных КПШ (комплексная палатка Шапошникова), баллонов с газом, ПЖТ, спально-одежного снаряжения, продуктов для шести геологов, снегохода «Буран», наносеновских саней, лыж, а также двух москвичей с их оборудованием, геолога из ГДР и прочего. Предполагалось, что будут работать два отряда в разных местах, поэтому вертолет и был так сильно загружен. Была опасность, что при первой неудачной (не в нужном месте) посадке он не сможет подняться из рыхлого снега, но опытные пилоты с этим справились.

Место под посадку и обустройство лагеря выбрали в горах Латади-Скейф. Отсюда можно было осуществлять и десантные работы. Так началась наша геолого-поисковая деятельность. Мы приступили к ней с



январь 1983
Лагерь в горах Латади

Лагерь в горах Латади. Январь 1983 г.



январь 1983
перекладывание
грузов Латади

Перекладывание на санях конструкции Амундсена.



Амундсена
в горах Латади

Вот и обнажение под ногами, вдали хорошие выходы пород, но до них доберемся на снегоходе Буран.



Наш Лагерь. Февраль, Солнце уже закатывается за горы. Холодает.

опозданием примерно в месяц – к этому времени зарубежные исследования уже завершились, так как началось предзимье, световой день стал короче, а холода усилились. Очень скоро мы все это почувствовали на себе. Но первая неделя проходила еще по хорошей погоде, и мы поспешили сделать как можно более плотным график маршрутов со снегоходом по окрестным горным выходам.

Морозы достигали иногда 15 градусов, однако это не мешало нам документировать то, что мы видели. А интересных находок оказалось немало. Обнаружились, например, хорошие гранит-порфиры, слегка измененные сульфидной вкрапленностью. На месте, где они были найдены, мы брали весовые пробы и привозили их в лагерь. Еду в маршруты мы брали с собой, разогревали на примусах, прямо в саях, которые прикрепляли к «Бурану», и не пропускали даже небольшого выхода пород среди снега. Из каждого такого выхода тоже брали пробы. Так продолжалось до февраля, когда мы перешли к авиадесантным работам. Тут большую помощь, особенно с радиосвязью, нам оказали москвичи. У нас в палатке стояла наша всегдашняя РПМС. Но в Заполярье работать на ней было трудно – из-за взаимной плохой слышимости (полярные разряды на любых частотах). А у москвичей была с собой маленькая модернизированная радиостанция, по которой можно было связываться и со станцией «Дружная» и с подлетающим вертолетом. Авиадесантные работы проходили так. Мы надевали все свое полярное снаряжение, упаковывали запас еды и примусы и на этом были готовы к вылету и работе в близлежащих горах.

Подлетев к месту, вертолет опускался и зависал низко над землей. Мы прыгивали, а наш МИ-8 садился на одну из ближайших горных вершин и ждал, пока мы пройдем тот или иной хребет. Командир

экипажа всегда предупреждал нас заранее, что если погода испортится, он улетит на базу, а вернется за нами, когда позволят метеоусловия. Но, слава Богу, такого, чтобы вертолет не смог нас дождаться, ни разу не произошло. Он всегда прилетал за нами в конце маршрута.

Но тут начинались свои трудности. Вертолет не мог сесть на склоне, поэтому бортмеханик только спускал нам лестницу. Мы ложились на землю и ждали, пока вертолет окажется как можно ниже. Дождавшись, бросали бортмеханику наши мешки с пробами. Видно было, как между ним и мешками проскакивают искры статического электричества. Такой же разряд, но уже не только видимый, а еще и ощутимый, получал тот, кто первым поднимался в вертолет и подавал руку бортмеханику. Это было очень неприятно, поэтому мы бросали «на морского», кому подниматься вначале. Проигравший принимал на себя всю скопившуюся электростатику, так что остальные могли подавать руку бортмеханику уже без опаски, что их тоже дернет током. Электростатика возникала из-за вращения лопастей вертолета и поднятого ими сухого снега с землей (то есть того же снега) под нашими ногами.

Я как-то спросил у бортмеханика, почему бы им не привязать к лесенке тросик с грузилом, чтобы отводить статику. Тем более что вокруг нет ни кустов, ни деревьев, за которые можно было бы случайно этим грузилом зацепиться. «У вас в Подмоскowie на авиабазе все бензовозы ездят с цепочками до земли, чтобы гасить электростатику», - убеждал я бортмеханика. Он посмотрел на меня и сказал: «Да-а, ты первый, кто нам об этом сказал». С этими словами бортмеханик полез в кабину, а вышел оттуда с уже аэробарометром в руках. Он подарил мне этот прибор на память. Аэробарометр с делениями в десять метров помогал определять высоту полета – подъема машины над уровнем моря. Удобная штука, показывающая еще и рост или падение атмосферного давления. Теперь она висит у меня дома – в качестве барометра.



Есть еще хорошие обнажения, которые в дневное время надо успеть изучить.



*Снова на Дружной.
Успели до морозов вернуться.*

руки. Но работу мы все равно не бросали. Ездили на «Буране» с санями к ближним горам.

Нельзя сказать, что жизнь в нашем временном лагере была полностью лишена комфорта. Еще когда мы обустроивали стоянку, Вася Шишкарев расстарался, выпилил ножовкой блоки из массы плотного слежавшегося снега и сложил из них подснежный туалет. Отличное получилось сооружение, оно надежно укрывало от всяких погодных козней. Вот наш подснежный туалет на фото: снежный бугорок (крыша) среди КаПШей (Комплексная палатка Шапошникова).

Пришло время, когда к нам прилетел вертолет с распоряжением свернуть лагерь и возвращаться на станцию «Дружная». Мы довольно быстро собрались и сложили палатки. Только доски, на которые их ставили, не сумели выдрать из льда, а остальное все взяли, нагрузив вертолет под самую крышу. Сами заползли во все мягкие щели в грузовом отсеке, не успев даже окинуть прощальным взглядом место нашего обитания.

На станции мы пробыли около недели – до конца февраля. Ждали, пока за нами придет «Мышевский». Время проводили прекрасно. Во-первых, ели столовскую еду, а не готовили сами. Во-вторых, помылись в бане – шикарном подснежном помещении с горячей водой и даже с парилкой. И, наконец, хорошо пообщались с доктором, который, пока нас не было, поддерживал в тепле наш балок. Узнали новости об андроповских фокусах – как по указу нового генсека отлавливают людей, которые днем посещают кинотеатры.

В остальное время мы готовились к отъезду и помогали на станции, чем могли. Она уже была выглажена бульдозерами и тоже

Так мы вели свои авиадесантные работы, пока позволяла погода. Но вот наступила середина февраля. Солнце уже к вечеру садилось за ближайшую вершину, и сразу же начинало темнеть, да и морозы днем доходили до 15 градусов. Работать становилось все труднее. Делать записки приходилось урывками, то и дело отвлекаясь, чтобы согреть

вся готовилась к отъезду, ожидала прихода «Мышевского».

Под конец нас ждало небольшое развлечение. На рейде во льдах остановилось исследовательское судно «Polarstern» ФРГ. Ребята с судна сходили в гости к нам и пригласили нас к себе. Мы хорошо провели время. А вскоре пришел наш любимый «Мышевский». Начались погрузочные работы.

Они длились несколько суток, так как причал все время приходилось рихтовать из-за возникающих возле борта трещин. Наш балок вместе с медицинским дольше других строений оставались стоять на станции. Поэтому нас и наши вещи трактор тащил на «пене» (так назывался большой металлический лист) к борту «Мышевского» в последнюю очередь.

С песнями, распивая припрятанную специально для этого случая бутылку шампанского, мы попрощались с «Дружной» и, прибыв на «Мышевский», разместились на своих прежних местах. Я вместе с моими старыми знакомыми Леней Федоровым и Володей Траубе снова поселился в каюте Деда. Мы рассказали Деду о наших новостях, а потом долго все вместе вспоминали прошлое.

В южном полушарии ночь 8 марта 1983 года, когда «Мышевский» отправился в путь, была очень красивой и по-настоящему зимней. Над ледяным простором стояла полная луна.

В приятной компании незаметно пролетели несколько дней пути



К нам пожаловал с визитом «Polarstern» – исследовательское судно ФРГ.



*В каюте стармеха «Мышевского» Резвого
Леня Федоров и Володя Траубе.*



Поселение Грютвикен на Ю. Георгии. Американский «Геркулес»

до Южной Георгии. Здесь мы должны были пересечь на «Башкирию».

На Южную Георгию, такой же полярный остров, как Шпицберген, только, как и следует из ее названия, южный, должны были прийти еще два советских полярных научно-исследовательских судна, «Академик Визе» и «Профессор Зубов». Но «Башкирия» пришла раньше, чем они, поэтому стояла у причала бортом. «Визе» пришлось временно пришвартоваться к ней кормой. А уж «Зубов» и вовсе вынужден был стоять на рейде, пока команда 28 САЭ поочередно перегружалась на боте на «Башкирию». Работы по перегрузке длились по крайней мере три дня. Спешить никому не хотелось. Оказывается, на «Башкирии» уже находились советские полярники, вывезенные с горевшей зимой станции «Восток».

Так состоялась встреча действительно героических, хоть, к сожалению, и несостоявшихся полярников с этой станцией, и обычных тружеников Южнополярного материка – геологов, геофизиков, летчиков, мотористов и электриков ежегодной САЭ.

Как только работы по перегрузке были закончены, «Башкирия» сразу покинула гостеприимную тихую бухту Южной Георгии и взяла курс на север. Одновременно с нами уходили с острова и залетные американские «Геркулесы», доставившие почту и все необходимое для предстоящей зимовки жителям поселка Грютвикен. Самолеты пролетели над нами, покачав крыльями в знак приветствия и прощания. И мы в ответ помахали им руками.

До Рио-де-Жанейро шли без остановок. Было холодно, и на верхнюю палубу мы выглядывали лишь изредка, чтобы узнать, как там погода. Но она и не думала меняться, а оставалась однообразно пасмурной и дождливой. Я занимался составлением отчета о поисках и съемке в горах Латади и Скейф. Сидел над бумагами в теплой и тихой

каюте, где у меня была пишущая машинка и удобный стол. Качка не мешала – уже прикачался. Так что ушел в работу с головой и вылезал только на кормежку. Благодаря этому время летело незаметно. А после Рио наступила пора всеобщего отдыха. На экваторе народ стал вылезать на палубы, купаться в бассейне и загорать. Часами лежали на солнышке, наслаждаясь покоем. Вероятно, начался отходняк после напряженной работы в Антарктиде. Даже стоянка на Канарских островах, в Лас Пальмасе, ни у кого не вызвала особого ажиотажа.

Как-то откликнулись только на наплыв советских журналистов на наш корабль. Они поздравляли с возвращением на родину героев-полярников со станции «Восток», а на остальных им было вроде как наплевать – будто даже не в курсе, что на том же судне идут домой участники 28-й САЭ. Зато в Гиблартарском проливе и на самом входе в Средиземное море было интересно. В Мессинском проливе корабль наш вдруг круто повернулся, так что ветер задул с другой стороны. Мои бумажки чуть не разлетелись. Я выглянул в окно и увидел недалеко за бортом два серых рогатых шара. Это были морские мины, оставшиеся здесь с войны. К счастью, впередсмотрящий и капитан вовремя их увидели. Отвели «Башкирию» и по радиции передали координаты итальянским властям.

А навстречу нам суда шли в таком количестве, словно это машины на Невском проспекте. Поэтому наш пароход ходил кругами вокруг опасного места до тех пор, пока не пришло специальное судно и не дало нам добро идти дальше своим курсом.

Потом была Греция, берега которой показались мне голыми – совсем без растительности, будто объединенные козами за тысячелетия. Потом-то я побывал в Греции и увидел там пышную растительность – правда, только вокруг отеля.

Мы испытывали огромную гордость за наш пароход, за то, что он такой крепкий и надежный, а наш экипаж сумел избежать столкновения с минами и предупредил опасность, подстерегавшую другие суда. «Башкирия» быстро дошла до Мраморного моря и была уже совсем близко от дома. Но по пути нас ждала еще остановка и трехдневная стоянка в Стамбуле.

Все участники многолетних антарктических экспедиций с энтузиазмом готовились к этой стоянке, которую очень любили. За несколько лет экспедиционных работ у них скопилось немало турецких лир, которые они могли здесь с толком потратить. Но я был в таком походе впервые, и лир у меня почти не было.



Пролив Босфор и порт города Стамбул.

Доктор сказал: «Стас, бери с собой на берег все, что тебе не нужно, любые мелочи. Все это продашь и купишь, что хочешь».

Наш пароход приближался к Стамбулу. В утреннем тумане уже были видны силуэты домов самого большого города Турции. В проливе Босфор мы увидели огромное количество рыбацких лодок. Как между ними пробирались большие корабли, непонятно. Наверное, с таким же трудом, как наша «Башкирия».

Нас поставили на причал в районе Галата, в известной на весь мир бухте Золотой Рог. Спуск на берег разрешили парами, а не тройками. Ходить по городу вдвоем оказалось гораздо легче, особенно в компании с теми, кто тут уже не в первый раз. Я попал в пару к Володе Траубе, который как-то бывал в Стамбуле и кое-что помнил: и где что найти, и как туда пройти. Для него, как и для меня, главной целью было побродить по городу и, конечно, по знаменитому Стамбульскому рынку, такому огромному, что там невзначай можно и заблудиться.

«Башкирия» встала недалеко от Галатского моста, перекинутаго через бухту Золотой Рог. Мы увидели большой и шумный рыбный



Мечеть и храм Аия София и улица Нового Стамбула

рынок, на котором прямо с лодок продавали свежевывловленную рыбу разных видов и размеров: от громадных тунцов до мелкой камбалы. Погуляли по рынку, а потом направились в мечеть Айя-София. Было как раз то время, когда в нее пускают туристов. Изначально собор Святой Софии был христианским храмом, древнейшим в Византии, пока в середине XIV века турки-завоеватели не обратили его в мечеть. Неподалеку от собора мы увидели древнеримский акведук, который когда-то снабжал город пресной водой. Побывали внутри Айя-Софии и удивились, что турки-сельджуки, захватившие Византию, все-таки сохранили некоторые христианские ценности (древние иконы, алтарь) внутри мусульманской мечети.

Отправились дальше, мимо впечатляющего гранитного египетского обелиска и колонны византийского базилевса Константина, и оказались возле бокового входа на рынок.

Рынок был местами крыт тентом различных расцветок, а местами – открытый. Тут сидели рядами бородатые торговцы самым разнообразным товаром – от муки, фруктов и овощей (главным образом – лука) до всевозможной мануфактуры.

Тут-то я и отличился. Один бородатый бабай торговал легкими куртками, которые у нас в Ленинграде были редкостью, а здесь присутствовали в изобилии. Так я уж так торговался с бородатым за курточку для Танюши, что едва не охрип. В конце концов натянул ему на уши свою зимнюю кожаную шапку и говорю: «О'кей за куртку?». Бабай посмотрелся в маленькое зеркальце, огладил бороду и отдал так же куртку. Таким был мой первый успех в постижении науки торговаться. Потом уже я смело заходил в маленькие магазинчики и предлагал купить у меня фотоаппарат «Зенит» с хорошей оптикой.

У меня таких фотоаппаратов было два, так почему бы и не продать один? Обошел несколько лавок, и в одной булочной хозяин заинтересовался и купил камеру. На вырученные деньги я купил себе летние джинсы и кое-что для Алеши.

Второй день мы посвятили осмотру Нового города с новым мостом через Босфор, чудом того времени. Насмотревшись на Стамбул, мы все почувствовали прилив грусти по родному городу. Встреча с ним все приближалась, но сначала нужно было пройти таможеню в Одессе. Некоторых участников экспедиции эта перспектива заставила понервничать.

Из Стамбула мы вышли днем. На верхней палубе выстроились почти все члены 28-й САЭ, одетые в новенькие модные черные кожаные куртки-регланы, которые закупили в мастерских Стамбула.

Размахивая руками и флагами, мы прощались со Стамбулом. Потом до самой ночи складывали вещи и снаряжение для выгрузки в Одессе. Прибыли туда ночью и встали на рейде.

А утром по громкой связи объявили: поскольку на корабле прибыли герои-полярники, таможенного досмотра не будет. Тут все хором закричали: «Ура родной славной Одессе!». Потом москвичам раздали билеты на отправляющийся в тот же день поезд в столицу, а ленинградцам – на завтрашний в Ленинград. Переночевать нам разрешили в наших каютах на борту «Башкирии».

Разобравшись с организационными вопросами, мы отправились болтаться по городу и его достопримечательным местам: в пивную «Гамбринус», к Потемкинской лестнице, в сквер, где стоит памятник Дюку де Ришелье. Прогулка получилась славная. Был апрель месяц, на улицах – теплынь, даже белая акация уже зацвела.

Утром автобусами, которые нам специально подали, мы переселись с корабля на вокзал. А уже на следующий день прикатили в Ленинград, на Витебский вокзал. Меня встречали Танечка и Алеша. Я увидел родные лица в окно, едва только поезд подошел к перрону. И этот, и следующий день были наполнены радостью встречи и разговорами. Потом начались рабочие будни.

В Ленинграде геологическая жизнь текла своим порядком. Коллеги заканчивали и сдавали промежуточные и конечные отчеты о выполнении плановых заданий и тем. Пришлось и мне подключиться. Сначала я доделал и сдал антарктический отчет, а потом по полной занялся проектом полевых работ Шпицбегенской партии, посвященных поискам полезных ископаемых в 1983 году. Так что с Южного Заполярья на северное полушарие я перестроился быстро.

В конце июня наш поисково-съёмочный отряд прибыл в Барненцбург, а вскоре был уже готов к вылету на северную оконечность Земли Оссеан Сарса. Здесь мы интенсивно работали в течение недели, но без особого успеха, так как поверхность тундры была ровной и только в предгорьях наблюдалась обнаженность. Да и там были в основном базальтоиды, а продолжения карбонатных пород с вкрапленностью галенита, которые мы искали, нигде не встречалось.

На юге, за мысом, протягивающемся к Земле Короля Карла, оставался участок пород еще не исследованных, где плоская тундра подходила довольно близко к предгорным участкам. Эта тундра называлась Каффейра. Там когда-то располагалась маленькая летняя польская научная станция. Теперь в ней никого не было, но домик сохранился, и в нем вполне можно было ночевать. Некоторая трудность



Шпицберген. У берегов Каффейры. Земля Оскара II

прохода в эту тундру по морю заключалась в том, что между мысом и берегом островов Земли Короля Карла находился узкий пролив в виде реки, спадающей с севера на юг водопадом, то есть это был настоящий водопад в море. И все же этот неисследованный кусок мыс с Полковником решили изучить, благо лодка с мотором у нас была.

Горловину пролива на лодке прошли нормально, как по реке, и дальше пошли к берегу

Каффейры, где стоял польский домик (вон он в виде белой полоски недалеко от берега на фото). Волны не было, поэтому мы вытаскивали лодку со всем ее содержимым спокойно, без беготни в поисках бревен-подставок, и хорошо ее укрепили на случай штормовой погоды. Потом устроились в домике, немножко подобрали оставленный здесь мусор, и вышли в короткий маршрут для осмотра местности. Она нас не обрадовала, потому как была плоской, слегка наклонной от ближних предгорий к морю. Что было ново, так это небольшие ручьи, в которых наблюдалась красноватая и просто красная галька. Раньше мы такой нигде не встречали. Взяли это на заметку и решили идти вверх по течению ручьев и отмечать количество гальки. Оно увеличивалось, росли и размеры камешков, доходя до небольших валунчиков – размером с кулак. Двигаясь дальше, мы вышли к обнажению, где наблюдался целый слой красной яшмы, разбитой трещинами и жилами. Под яшмой виднелись базальты, а выше яшм – глины, превращенные в сланцы. Ура! Это были офиолиты, подводные морские отложения. Мы решили изучить ближайшие выходы и потратили на это дело три дня. За это время исследовали также и оставленное в домике польское добро. Обнаружили коричневую плоскую бутылку с этикеткой, на которой прочитали надпись: «Этанол». Долго я доказывал Полковнику

разницу между питьевым спиртом этанолом и токсичным метанолом, но он ни в какую не хотел верить. Так мы и не опробовали содержимое той бутылки.

Тем временем погода начала портиться, и мы стали собираться домой, в лагерь. Пока возились, погода совсем испортилась. Ветер из нормального превратился в штормовой, поднялась волна. Но идти все равно нужно было. Вкатились волоком в море, быстро завели двигатель. Пока дошли до мыса, который надо было обогнуть по проливу, стало ясно, что в такой шторм это сделать не удастся. Причалили удачно, плавника кругом было полно, поэтому решили поступить, как делали участники походов из варяг в греки. Полуостров был всего в пять километров шириной и плоский. Посредине находилось озеро километра в три шириной. Так что волочь нашу лодку предстояло всего два километра. Мы рассчитывали, что пока будем заниматься этим делом, море поутихнет, так что вечером будем уже в лагере. Но дело оказалось не таким легким. Весь путь до озера и от него к морю пришлось выстилать кругляком. Хорошо еще, что его здесь было вдоволь. Да и озеро оказалось мелким, и пришлось через него не только грести, а еще и местами проводить лодку пешком или отталкиваясь шестами. Но все-таки добрались до берега моря. А оно как было штормовым, так и осталось.

Как всегда, собираясь в море, мы взяли с собой запас пресной воды. Харчи кое-какие тоже имелись. Так что некоторое время мы провели за едой и кофе, а потом стали наблюдать за морем, пытаясь подсчитать, сколько времени проходит после того, как накатит девятый вал и потом отступит, до того, как накатит следующий. Выводы оказались неутешительные. Интервал составлял всего секунд 20. Мы продолжали ждать и считать секунды. Когда интервал увеличился до 30 секунд, решили, что будем втягиваться в море. Залили бензинчика под свечи и с отходом волны потащили лодку по мокрому песку в воду. Как только лодку закачал, Полковник прыгнул на весла и начал грести, а я подскочил к мотору и завел двигатель. Он зафырчал, потом зароботал, и на третьем гребне мы уже шли против волн.

Через 40 минут благополучно вошли в бухту, в которой стоял наш лагерь. И сразу удивились чистоте берега – нет ни стволов, ни даже веток на берегу. Все пусто, только на высокой террасе возвышается наша палатка. Спросили у ребят, что тут без нас случилось. Оказалось, во время шторма был очень большой прилив, и все, что находилось ниже нашей высокой террасы, включая почти пустую бочку с топливом, смыло в море и унесло. Хорошо еще, что канистры с маслом, шланги и разные

мелочи мы всегда уносили к палатке, а так бы и их унесло. Было ясно, что придется добывать топливо: того, что есть в канистрах, нам вряд ли хватит. Я вспомнил, что в прошлом году на островке за Сент-Джонс фьордом мы оставили бочку с бензином. Сказал Полковнику: «Надо бы за ней съездить, пока снова не начались шторма».



Лагерь у горы Бултинден, Сент-Джонс фьорд.

На следующий день мы отправились в поход за топливом. Снова прошли пролив с водопадом, затем по открытому Гренландскому морю двинули вперед к «топливному» острову. Через некоторое время я вдруг увидел перед собой островок. Но для «топливного» было что-то рановато. Я стал вглядываться и понял, что это не островок, а лодка. Она шла нам навстречу, а на ней сидели люди в совершенно мокрой одежде, размахивали пустой канистрой и орали: «Петрол! Петрол!». Мы подошли. Оказалось, это американцы, а кричали они о том, что у них кончается бензин. Я показал бедолагам на берег Каффейры и посоветовал идти к домику поляков: там можно обогреться и выпить спирта, он в коричневой бутылке. Пообещал, что через полчаса мы приедем к ним в домик с топливом для лодки. «Окей», - сказали они.

Мы разошлись, и тут Димка говорит: «Они же отравятся нашим пойлом». «Вот и проверим, кто из нас был прав насчет этанола», - ответил я. «Ну ты даешь, Пахан!», - воскликнул Димка-Полковник. Я попытался его успокоить: «Химию нужно знать, дорогой. Не бойся!».

Вскоре, забрав свою бочку с островка, мы вернулись к Каффейре. Нас встретили радостные американцы. Они уже хорошо отхлебнули из коричневой бутылки, согрелись и все были живы и здоровы. За ужином ребята говорили о том, что завтра пойдут на полуостров Брёгер, в Нью-Олесунн. Мы рассказали им про морской водопад за ближайшим мысом, отлили бензина и попрощались.

Домой шли уже без всяких волоков. Водопад был небольшой, с перепадом воды около двух метров. При высоких приливах и в шторм он представлял собой некоторую опасность, а в ясную погоду был просто красивым и необычным явлением природы.

Через день, отдохнув от беспокойств, я определил по барометру, что приличная погода продержится еще пару дней, а потому предложил



Шпицберген. Пос. Нью-Олесунн на п-ве Брегер.



Стела памяти Руалу Амундсену.

всем смотаться в Нью-Олесунн и осмотреть на это уникальное в полярной истории место. Отсюда в 1928 году на дирижабле «Италия» под командованием генерала Нобиле стартовала к Северному полюсу итальянская экспедиция. Она потерпела неудачу: дирижабль разбился. Выжившие в авиакатастрофе месяц жили на льдине и ждали спасения. Потом, устав ждать, трое пошли пешком к Шпицбергену. Один по дороге погиб, а двое других были спасены подошедшим на помощь ледоколом «Красин». Он же спас и тех пятерых участников экспедиции, которые еще оставались на льдине. В СССР об этой истории был снят фильм под названием «Красная палатка» и написана книга «Трагедия в Ледовитом океане». В Нью-Олесунне полярникам с дирижабля «Италия» установлен памятник, на котором перечислены фамилии погибших. Рядом находится стела, посвященная известному полярному исследователю Руалу Амундсену, который погиб по время поисков упавшего дирижабля. Самолет Амундсена разбился где-то над Баренцевым морем, а причина и точное место крушения до сих пор не установлены.

Мы вовремя съездили в Нью-Олесунн: вернувшись, в тот же вечер получили радиограмму, что завтра нас перебрасывают в Сент-Джонс фьрд. Это тоже произошло вовремя: мы сумели под горой Бултинден поставить и укрепить подсыпкой нашу большую палатку, запастись дровами и вообще хорошенько обосноваться, ожидая какой-нибудь карверзы со стороны погоды. Но погода вела себя прилично, так что мы спокойно прошли несколько маршрутов, подтверждающих находку явных офиолитов, вероятно, раннемелового возраста. Во всяком случае, поднявшись на хребет за горой Бултинден, мы нашли минералогическую ассоциацию граната с сапфирином и мусковитом, указывающую на высокое давление и низкие температуры при ее образовании, что свойственно офиолитовым парагенезисам. А далее в торцевой

части хребта горы Мотала нам посчастливилось увидеть и интрузию габбро со всеми ее контактами с вмещающими породами. Удовлетворенные находкой, подтверждающей наши предыдущие открытия на Земле Оссиан Сарса, мы спустились к лагерю. Другой маршрут по ручью, снабжающему нас пресной водой, тоже оказался очень интересным – в отношении понимания происхождения конгломератов (пород, сложенных гальками и валунчиками, в данном случае, гранитов) из-за штриховок на валунчиках, вызывающих недоумение. Эти конгломераты по всем признакам оказались ледникового происхождения, как и все встреченные нами конгломераты вендского (т.е. позднедокембрийского) возраста. В крутых обнажениях, промытых ручьем,

мы наблюдали валуны гранитов разных размеров (отдельные валуны достигали до 10 на 15 метров в поперечнике). Такие крупные валуны, судя по текстурам вмятости вокруг их нижних частей во вмещающих породах, переносились льдинами, из которых они выпадали. Как ни смешно, эти ледниковые наблюдения, соответствующие тому, что происходило миллиард лет тому назад, вдруг совпали с неожиданно наступившей зимой в Сент-Джонс фьорде и формировании ледниковых отложений. За ночь выпало сантиметров тридцать снега, и все вокруг стало зимним и ледниковым. На фото слева – наступившая зима и наш лагерь (черные бугорки под горой у берега моря), а справа фото, сделанное ещё до наступления зимы. Хорошо, что у нас оказался запас дров, а также бензин для подвесного мотора: обогревом мы были обеспечены. Да и плавник кое-где торчал из-под снега.

Только вот бедные гуси, даже не собиравшиеся улетать в августе, стали прибиваться к нашему жилью, прося подкормки. Мы, конечно, их подкармливали, но и сами не унывали. Оказалось, что



Шпишберген, Сент-Джонс фьорд, г. Мотала интрузия габбро

Сент-Джонс фьорд. У горы Мотала.



Лагерь у горы Бултинден,
Сент-Джонс фьорд.



*Зима в Сент-Джонс фьорде. Дикий гусь
хочет в теплый КАПШ.*



*Позади нас –
Земля Короля Карла.*

Полковник привез с собой горные лыжи, и мы устроили на склоне горы Бултинден горнолыжную трассу, на которой увлеченно тренировались. Придумали и еще одно развлечение – находить сухие деревья и пилить дрова, любуясь зимними пейзажами.

Кроме того, мы решили заняться этимологическими изысканиями: попытались определить, почему место, в котором мы находимся, называется «Купер Кемп». В этом названии нас всегда смущало слово «купер», ведь при переводе с английского оно означает «медь». Но никаких медных или медистых минералов в районе «Купер Кемп» нами встречено нигде не было.

Мы нашли только небольшой домик, напоминающий шалаш, а в нем отыскалась гнутая табличка с надписью «Соорег Кемп». Вот и вся медь: вероятно, название месту было дано по фамилии строителя шалаша.



*Нам прислали вертолетом
«гуманитарную помощь» - свежий хлеб,
масло и мясные консервы.*

Зима, хоть она и началась слишком рано даже для этих мест, все же длилась недолго и не была очень холодной. К началу сентября потеплело. Снег растаял, стало рано темнеть.

Закаты стали такими, какие бывают только перед



Купер Кэмп – никакой меди нет. Стоят: Д.Бархатов, Игорь Барматенков и я - автор книги.

наступлением зимы. Нас перебросили в район бухты Сканская в восточной части Ис-фьорда, поскольку там, как кто-то кому-то сказал, кем-то найдена цинковая руда. Мол, ищите и обрящите.

Перевозили нас на двух вертолетах: кроме людей и основного барахла, нужно было доставить еще лодку с мотором, бочку с бензином и канистры.

Бухта Сканская оказалась дивной красоты местом. Мы прошли по ней пять маршрутов, но цинковой руды так и не обнаружили. Видны были только гипсовые пологие горки, в которых между слоями гипсов наблюдались частые слои долеритов. В них зафиксированы были гнезда крупнозернистых габбро с яркими скоплениями кристаллов пироксена, блестящие грани которых создавали обманчивое впечатление присутствия цинковой руды.

Оставалось ещё одно необследованное место: район предгорья гор



Последняя стоянка под горой Алхорн напротив Баренцбурга в Ис-фьорде.



*Г. Мусатов, А. Тебеньков, С. Турченко, Д. Сергеев
на базе геологов на Шпицбергене, сентябрь 1983 год.*

Альгхорн, расположенный на северном берегу Ис-фьорда, напротив Баренцбурга. Мы наметили провести здесь последние сентябрьские маршруты. В этот район нас перебросили вертолеты Баренцбургского ГРЭ (геологоразведочной экспедиции). Но не успели мы сделать и пары маршрутов, как неожиданно пришло по радиации строгое предупреждение: свернуть работы и приготовиться к срочной переброске на базу в Баренцбург. Вылет не заставил себя долго ждать. Через два дня мы уже прилетели в Баренцбург и сразу же пошли в ГРЭ выяснять, что случилось. Там посоветовали спросить об этом на базе геологов. Но ни о чем и спрашивать не пришлось. Когда собрались все отряды, начальник партии Дмитрий Семевский рассказал, что сложилась неприятная международная обстановка. На днях на Дальнем Востоке советскими военными был сбит южнокорейский пассажирский лайнер, который зашел в воздушное пространство СССР и не отвечал на многочисленные предупреждения о последствиях нарушения. Поэтому вскоре придет пассажирский пароход «Мария Ермолова» и всех временных работников с острова транспортирует в Мурманск. Надо было подготовить собранные материалы и свои вещи к отъезду домой. Таким образом закончился мой «биполярный» (и южный, и северный) сезон 1983 года.

ОКОНЧАНИЕ ЗАПОЛЯРНОЙ ГЕОЛОГИИ И НОВЫЕ ПРОСТОРЫ НАУКИ

В 1984 году полевой сезон на Шпицбергене для меня начался поздновато: ближе к концу июля. Это произошло из-за изменений в расписании полетов на остров, а также в связи с необходимостью еще до отъезда продумать предстоящий отчет об особенностях минерагении архипелага Земли Франца-Иосифа.

Отчет назывался «Геология и минерагения континентального обрамления Баренцевоморской плиты». Мы решили готовить его вместе с моим коллегой Евгением Кораго. Он занимался изучением обрамления острова Новой Земли, и мы объединили усилия, чтобы как можно полнее представить в этой совместной работе новую тему нашего института, который теперь назвался «ВНИИОкеанология».

На полевых работах в этом году мне предстояло завершить изучение северного окончания острова Западный Шпицберген, самого большого в архипелаге. В поездку я отправился вместе с Сашей Тебеньковым, геологом Шпицбергнской партии. так как наши научные интересы во многом совпадали. Я был рад такому сотрудничеству. Мы с Сашей к тому моменту уже неплохо знали друг друга – общались, дискутировали, вместе написали несколько научных статей по геологии и петрологии магматических пород архипелага.

Совместные исследования начали с северо-восточного угла полуострова Брегер, где мне и Саше нужно было изучить низы разреза пермских отложений, которые при изучении средней части разреза в районе бухты Сканской оказались пустыми в металлогеническом отношении. В случае хорошей погоды (не штормовой) мы также



Туристская шхуна в Конгс-фьорде.



Лагерь на п-ве Брегер. Шпицберген. Август 1984 г.

легающие на них по надвигам кварциты и сланцы молодой докембрийской формации.

На Конгс-фьорде еще сползали обрывистые ледники, те самые, которым Шпицберген обязан своей неопишуемой красотой и множеством туристов, спешащих на лайнерах и парусных судах ее увидеть.

Мы с Сашей совершали еще и пешеходные маршруты, позволяющие разглядеть не только красоты Шпицбергена, но и их древнюю геологическую суть, недоступную для понимания туристов. Недоступна она, вероятно, и для самих жителей Нью-Олесунна. Эти его жители были по большей части временные, но и они обустраивали для себя небольшие домики-сарайчики – на сезон зимней или какой-нибудь другой разрешенной норвежскими властями охоты.

планировали исследовать обнажения с севера в районе Конгс-фьорда. На дюралевой лодке с надежным 30-сильным подвесным мотором добраться туда можно было без проблем.

Лагерь наш состоял из хорошо укомплектованного КаПШа и располагался на верхней скальной террасе, недостижимой для морского прибоя. Поэтому мы могли, не беспокоясь, что лагерь смоем приливом, ходить в маршруты любой длительности. Лодку, конечно, держали на нижней прибрежной террасе.

В первые погожие дни мы отправились в дальний лодочный маршрут в Конгс-фьорд. Там увидели много интересного, в том числе обнажения гнейсов, которыми сложен фундамент Шпицбергена, и за-



Раньше в Нью-Олесунне добывали каменный уголь, но из-за повышенного содержания в нем газов и в связи с частыми взрывами добыча была прекращена. Поэтому теперь в этих местах появлялись одни только туристы, которые покупали в местном почтовом отделении, чудом не закрывшемся вместе с шахтами, открытки со штампом 79 северной широты и изображениями полярных памятников.

Туристы удивлялись, что в таких диких местах работают исследователи, в том числе советские. Наверное, экскурсантам было так же интересно смотреть на энтузиастов, как детям – на зверей в зоопарке.

А мы с Сашей продолжали работать и изучать геологию района. Однажды, оставив лодку в крошечном льде, нашли за ледником длинный выход красно-коричневых кварцито-песчаников, очень похожих на шокшинские кварциты Карелии. Поднявшись на этот выход, мы увидели среди ледников пики Тре Крунур – это один из красивейших видов Шпицбергена. Так, обследуя район нашей стоянки, мы пришли к выводу, что нужно идти в маршрут вокруг всего полуострова Брегер: иначе до общей картины его геологического строения не доберешься. Решили, что обойдем полуостров за сутки. Запаслись продуктами



Льдинки в форме лебедей в заливе Лагерном на Брегере.



Французские гости в лагере на Брегере.



Ледяные поля и надвиговые горы в замыкании Конгс-фьорда.



Замок лежачей складки в пермских породах п-ва Брегер.



Открытая вода Конгс-фьорда.

и энтузиазмом и с утра пораньше отправились в путь.

При взгляде с перевала на южную часть полуострова был хорошо виден весь обследованную нами участок. По мере продвижения к средней части полуострова мы смогли увидеть и сложные складки района надвиговых структур, документированных в прошлом сезоне на Земле Оссиан Сарс и в Сент-Джонс фьорде.

В серой ночи спать хотелось прямо на ходу, но мы приободрились, когда добрались до северной стороны полуострова и увидели вдали постройки Нью-Олесунна: от него оставалось дойти километров десять до нашего лагеря. Поднялось солнце из утреннего тумана и согнало сонливость, так что мы доделали наш маршрут до конца. Наградой стал вид района наших исследований с другого ракурса: от западного конца полуострова Брегер. Отсюда была хорошо видна пластина шокшинских кварцитов, слагающих отдельную гору и надвинутых на темные гнейсовые породы основания.

В лагере все было спокойно: никто, пока мы отсутствовали, в него не навевдывался. Казалось странным, что за все время, пока мы находимся на полуострове Брегер, нас не ни разу не посетила норвежская полиция. Вероятно, потому, что наш лагерь виден был из поселка Нью-Олессун. Весь день мы отдыхали и отъедались после длинного перехода, который принес нам значительную пользу в познании геологии Шпицбергена.

На следующий день Тебеньков связался по радиации с базой в Баренцбурге и предложил им перебросить нас на Землю Сёркап, в район бухты Олафсона. Вечером нам сообщили, что борт прибывает завтра, если позволит погода, а если нет - послезавтра. Но погода стояла на удивление хорошая для начала сентября в этих местах. Мы быстро собрались. Вещей у нас было мало, так что все, включая лодку, помещалось в один борт. На следующее утро, едва мы успели свернуть антенну радиостанции, прилетел вертолет. Бортмеханик помог погрузить вещи, и мы отбыли на новое место работы.

Когда вертолет, выгрузив нас, улетел, стало так тихо, что даже шелест волн казался неслышимым. Было полное безветрие. Мы с Сашей даже немного очумели от такой тишины. Сели на вещи, пригрелись на солнышке. Не иначе как наступило бабье лето, столь редкое на Шпицбергене. Но расслабляться было нельзя: мы знали коварство здешней погоды. Первым делом стали устанавливать КаПШ, заносить внутрь вещи, прятать продукты от грызунов, а остальное сложили кучно под брезент, укрепив его камнями. Потом искали и заготавливали дрова. Лодкой решили заняться на следующий день, а пока стали готовить обеду-ужин, чтобы отметить прибытие на новое место, и чтобы оно оказалось удачным.

На первые дни еще хватило бабьего лета, но вечерние сумерки уже становились ранними.

Запах еды привлекал к нашему жилью внимание песцов, особенно уже подросткового возраста. Они резвились прямо возле палатки и лезли в нее с нахальством молодых щенят. Мамаша же их пряталась в тундровой щели, вероятно, родном доме всей этой семейки. Если бы мы не закрывали плотно КаПШ и не укрывали брезентом вещи вне КаПШа, пушистые вредники все бы нам разнесли.



Любопытные малыши песцы в бухте Олафсона на Земле Сёркап.

К середине сентября песцы начали белеть, а некоторые бегали по тундре уже совсем белые. Вот тут-то и сменилась внезапно погода. В одно особенно теплое и яркое утро Саша предложил съездить на маленькую польскую станцию Веренхюзбреен, располагавшуюся недалеко от нас. Польские коллеги приняли нас хорошо, угостили кофе и попросили подбросить их на остров, находившийся на половине пути от нашего лагеря. Это ладно, вот только поляки собрались ехать вчетвером, да еще нас двое: многовато для нашей «Оки», предназначенной для плавания только в закрытых водоемах, а не в Гренландском море. Но ничего, погода стояла хорошая, и мы, кое-как втиснувшись в лодку, пошли на остров. Нам тоже интересно было на нем побывать. Пока лазили по острову, документировали, дискутировали и пили чай, погода резко изменилась. Поднялся сильный ветер, заштормило, да так, что о возвращении на польскую станцию нужно было забыть: идти пришлось бы против очень большой волны. Двигать к нам – это тоже было опасно. При повороте вокруг нашего мыса пришлось бы встать бортом к волне, что никак нельзя делать на перегруженной лодке. Посовещавшись, решили двоих оставить на острове, с условием, что вскоре мы за ними придем.

В нашей бухте шторм был потише, но все равно на подходе к берегу при откате волны надо было выпрыгивать из лодки, разворачивать ее носом к волнам и очень быстро вытаскивать, чтобы не залило двигатель. Посидев на берегу с полчаса и перекурив это дело, мы с Тебеньковым вновь отправились в штормовое море, за оставшимися на острове ребятами. Теперь уже шли против волны, но остров не пропустили и, пристав с подветренной стороны, взяли на борт двух поляков, уже дрожавших от холода.

Швартовались у себя в бухте по предыдущей схеме. Потом скопились все у печки в нашем КаПШе. Еда в большой кастрюле была уже приготовлена. Мы выпили за наше здоровье и бесстрашное плавание русских моряков-геологов. Разместились на ночь как могли плотнее друг к другу, подстелив под себя все, что имелось. И, под вой ветра в нашей большой антенне, спокойно заснули. Наутро от шторма остались одни воспоминания. Его как будто и не было: ни ветерка, солнце светит вовсю. Быстро выпив кофе, мы с коллегами на борту отправились в Веренхюз. Высадив поляков из лодки и обменявшись с ними пожеланиями удачи, мы с Сашей сразу рванули обратно.

Успели вернуться как раз к утреннему сеансу радиосвязи. Сообщили, что работа закончена, и мы готовы вернуться на базу и лететь домой. Через день вертолет доставил нас в Баренцбург. Там

тоже готовились к вылету на Родину. Часть шахтеров закончили смену и возвращались в Москву. Вылетали из норвежского Лонгьербюена. Когда поднялись в небо, я мысленно помахал Шпицбергену рукой: не думал, что когда-нибудь еще вернусь сюда.

Встреча с семьей была радостной, а с начальством во ВНИИОкеангеологии – трудной. К концу мая 1985 года мне нужно было

представить в институт отчет по металлогении континентального обрамления Барцевоморской плиты, а вот дальше что делать – это было неизвестно.

Мы с Евгением Кораго еще раньше успели обсудить, как сопоставить геологию и металлогению Шпицбергена, ЗФИ и Новой Земли. Оставалось только составить общие карты, и будет полная ясность.

Весной того года директором Института геологии и геохронологии докембрия Российской академии наук (ИГГД РАН) стал известный металлогенист Дмитрий Васильевич Рундквист, бывший замдиректора по науке ВСЕГЕИ. Он решил организовать в ИГГД лабораторию металлогении и пригласил меня на работу, на должность старшего научного сотрудника.

Я согласился, но сначала нужно было закончить и защитить тему по Шпицбергену и ЗФИ. Так что пришлось мне вкалывать вовсю, и в мае мы с Кораго представили и защитили тему.

Летом Женя уехал на полевые работы на Полярный Урал. А я, закончив оформление на новую работу, получил отпуск.

В августе по приглашению Д.В. Рундквиста я вместе с отрядом Володи Семенова научного сотрудника ИГГД отправился в Северную Карелию. Там в районе Пяозера и озера Ципринга было обнаружено и разведывалось платинометальное оруденение. Рундквист хотел с ним ознакомиться, поэтому и подключил меня. Так я начал заниматься темой металлогении никелевого и платинометального оруденения в раннем докембрии, которую изучаю на протяжении всего периода моей работы в ИГГД РАН – с 1985 года и по настоящие дни.



*На катере. Идем из Пя-озера в Кунд-озеро.
Август 1985 г.*

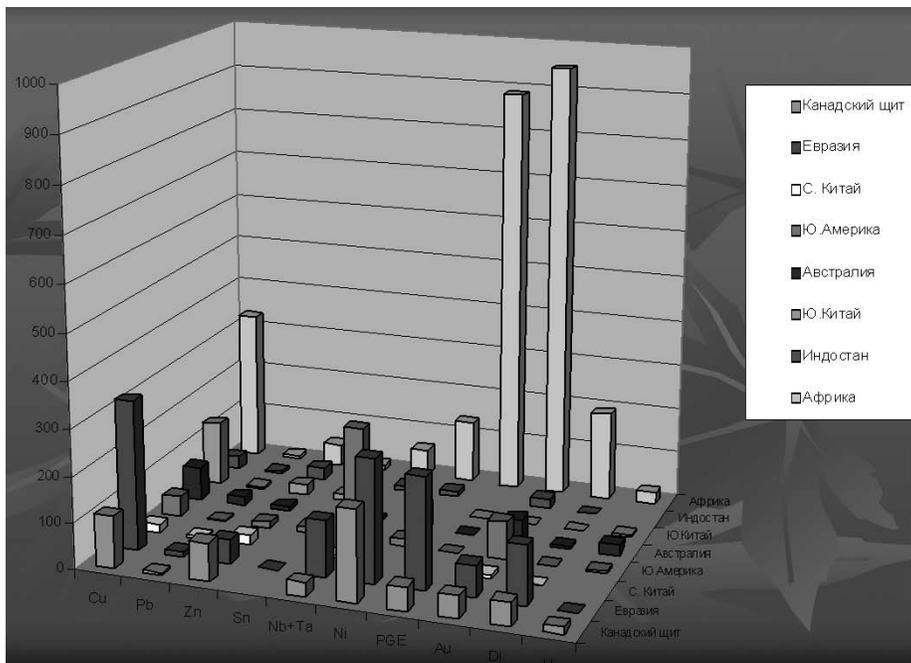
Металлогенией докембрия в 1980-х мало кто занимался: ученые нашего института считали, что в первую очередь нужно исследовать докембрийский период развития Земли с точки зрения петрологии пород, их стратиграфии (то есть последовательности формирования породных комплексов) и геохронологии на основе детального изучения геохимии, изотопного и структурно-тектонического анализа.

В соответствии с тогдашними обстоятельствами, мне пришлось заняться не только общей металлогенией, но и, главным образом, металлогенией и рудообразованием никеля, металлов платиновой группы (МПГ) и, частично, золота. Исследование рудообразования этих металлов было сосредоточено на месторождениях Кольского полуострова, Карелии Финляндии, где месторождения Ni и МПГ приурочены к интрузивным телам мантийного происхождения. Но не все такие геологические тела содержали месторождения. Отсюда последовал вопрос о причинах такой неоднородности, а также его изучение по литературным источникам и на основе собственных детальных петролого-геохимических, изотопных и структурных исследованиях и материалов.

В Институте в других структурных подразделениях исследования основывались на изучении мантийных ксенолитов из кимберлитовых трубок и лавовых выбросов щелочных пород Южной Африки и Сибири, которые показали неоднородность мантии в разных точках Земли. А анализ литературных материалов по содержаниям никеля, МПГ=PGE и золота в мантийных породах, в том числе и раннедокембрийских, показал их различие в разных участках докембрийских пород всего Земного шара. Это обстоятельство отразилось на различном характере размещённости месторождений и площадей распространённости металлов в пределах разнообразных участков Земли, как показано на рисунке.

В конечном итоге стало ясно, что такая неоднородность, особенно для никеля, МПГ и золота, может быть связана не только с особенностью пород древних участков Земли. Но и с особенностью её разнородного состава при аккреции Земли, то есть даже, вероятно, с неоднородностью солнечной небулы, из которой происходила аккреция около 5 млрд. лет тому назад. Все эти философические рассуждения и научные публикации закладывались в трудный для страны период конца XX века, а в концепцию оформились в последние годы.

А тогда, в 1980-х Рундквист, как директор Института и руководитель Лаборатории металлогении докембрия, успешно представил международный проект в Комиссии по Геологической карте мира при



ЮНЕСКО. Проект назывался «Атлас металлогенической зональности докембрия Мира». В работе над ним участвовали все сотрудники Лаборатории металлогении и, кроме того, ведущие специалисты из США, Канады, Индии, Австралии, Южной Африки, Антарктиды и Европы. С течением времени многие по тем или иным причинам отошли от проекта – из-за его сложности, особенно в части цифрового исполнения этой работы. Другие специалисты, напротив, были приглашены в проект. В их числе, например, ученые из Института ВНИИГеосистем и Геологического музея им. В.И. Вернадского в Москве, в который, получив звание академика РАН, перебрался Рундквист. А я, уже затратив на это дело 15 лет собственной научной жизни, продолжил заниматься проектом. Предложил обобщенную схему приуроченности месторождений металлов к тектоническим структурам докембрийской эпохи (см табл. 1). Путем упорному труду, совместному с коллегами из разных лабораторий, а также с помощью появившихся у нас связей с иностранными и иногородними учеными–металлогенистами и специалистами по цифровым технологиям, нам удалось закончить этот проект и представить его в Париже – на сессии Геологической Карты Мира.

Схема расположения листов Атласа металлогенической зональности докембрия Мира

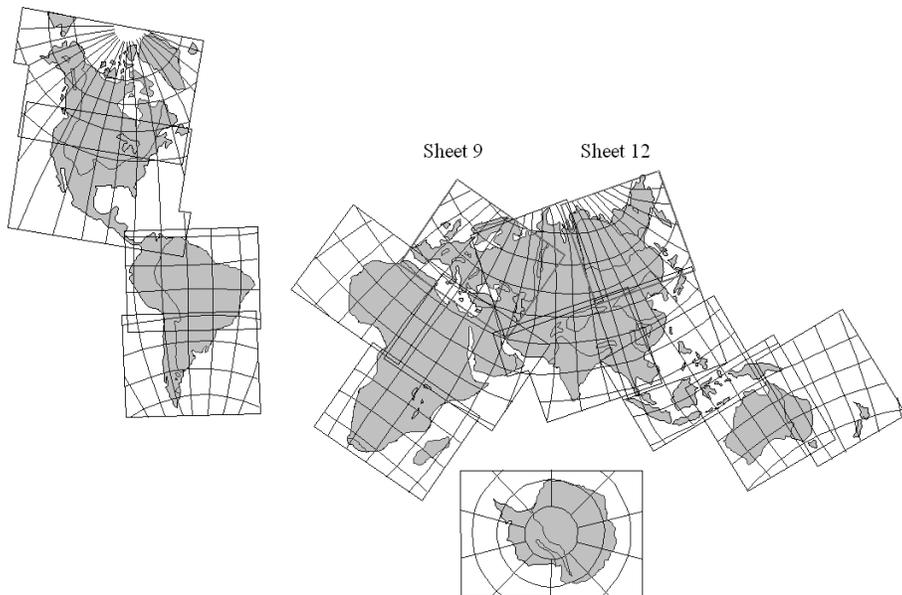


Табл. 1. Рудоносные типы тектонических структур докембрия

АРХЕЙ		ПРОТЕРОЗОЙ						
Ранний	Поздний	Ранний			Поздний			
Млрд. лет								
<<	3.1-3.0	2.6-2.5	2.3-2.2	2.0-1.9	1.7-1.6	1.4-1.3	1.1-1.0	0.6
ГРАНУЛИТ-ГНЕЙСОВЫЕ ОБЛАСТИ Fe, Cr, графит		КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ РИФТОВЫЕ ПОЯСА Fe, Cu-Ni(Pt), Pt-Pd< U-Cu-P, Cr, Ti-V(Pb), Cu-Au, Pb-Zn						
ГРАНИТ-ЗЕЛЕНОКАМЕННЫЕ ОБЛАСТИ		АНОРОГЕННЫЕ ВУЛКАНОЦИТОНИЧЕСКИЕ ПОЯСА Cu-Mo, RM-TR, Sn-W, Pb-Zn, Sn-RM						
ТОНАЛИТ- И ГРАНИТО-ГНЕЙСОВЫЕ АРЕАЛЫ		АВЛАКОГЕНЫ Au, Pb-Au-Ag, Cu-U-Au						
ЗЕЛЕНОКАМЕННЫЕ ПОЯСА Fe(Mn,Au), CuZn, MoW, CuZnAu, CuNi		ПЛИТНЫЙ ЧЕХОЛ Cu, U-V-P, Pb-Zn, магнетит, сидерит						
		ОРОГЕНИЧЕСКИЕ ПОЯСА А. АККРЕЦИОННЫЕ Cu-Ni, Pb-Zn-Cu, Cu-Co-Zn(Ni), Cu-Co, Pb-Zn, W-Mo, Fe-Cu, RM						
		Б. КОЛЛИЗИОННЫЕ Fe, Fe-Ti, P-Fe-флогопит, REE-RM, мусковит, др. аг. кампн						
		ИНТРАКРАТОННЫЕ БАССЕЙНЫ Au-U, Au, Fe, P-TR, Cu-Co, Cu, барит						

В те же годы я познакомился и увлекся работами по изучению поверхности и глубинного строения Земли дистанционными методами, связанными с анализом космоснимков различных цифровых диапазонов. Конечно, классным специалистом в этой области исследований за короткое время мне стать не удалось, но помощь и наставления специалистов из НИИКосмоаэрометодов, таких как А.В. Перцов и Г.В. Гальперов, помогли мне в понимании новой структурной информации по геологическому положению все тех же месторождений никеля, МПГ и золота.

Модели структур, вмещающих подобные месторождения, которые были получены с помощью структурного дешифрирования космоснимков, были использованы для прогнозирования таких месторождений на территориях, где подобные месторождения не были найдены. Это оказалось непростой задачей, и тут на помощь пришло использование искусственного интеллекта (ИИ), над созданием которого работали сотрудники Лаборатории Экспертных систем (Е.П.Вострокнутов и Н.А.Брусничкина) в Институте ВНИИКАМ, с которым я начал сотрудничество с 1995 года.

Поначалу решали проблему разработок компьютерной технологии при использовании материалов дистанционного зондирования для региональных прогнозно-металлогенических исследований на основе создания комплексных прогнозно-поисковых моделей некоторых основных промышленных типов рудных объектов. Для решения этих задач был впервые использован искусственный интеллект в виде создания экспертной системы, в которой Е.П.Вострокнутов предложил использовать метод обработки «знаний» экспертов, а не просто «информации» об объекте исследования для прогнозных построений. Так были использованы мои знания для прогнозирования платинOMETАЛЬНЫХ рудных районов в палеорифтовых структурах земной коры, которые показаны как база знаний.

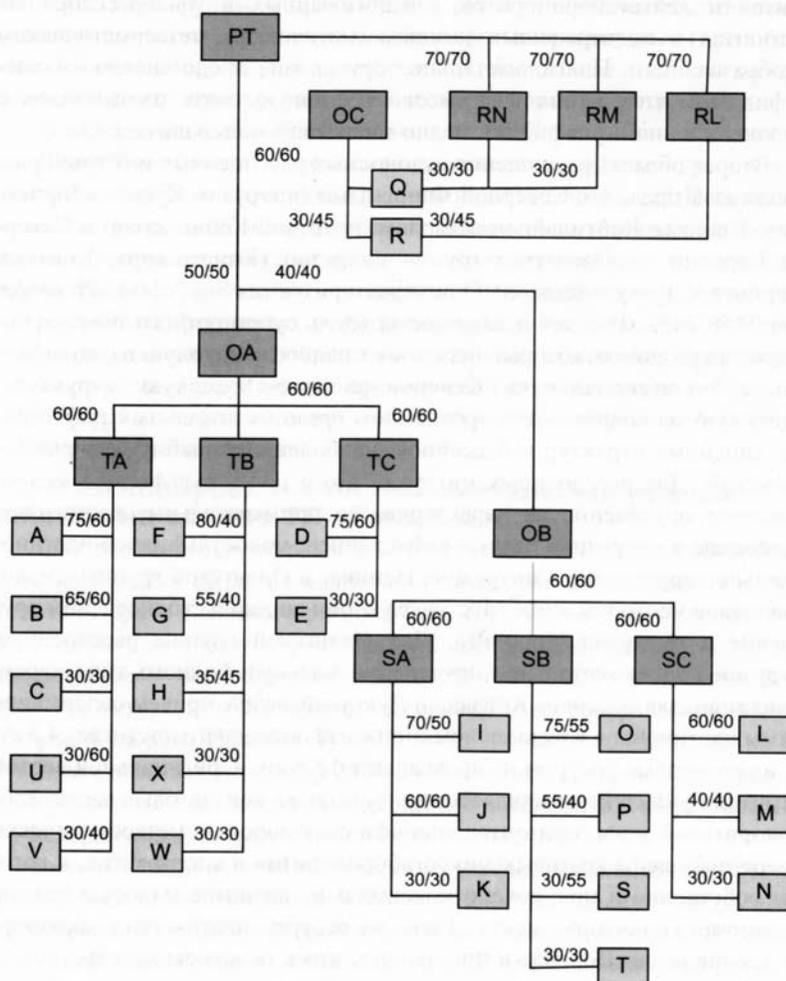


Рис. База знаний платинометалльных рудных районов палеорифтовых структур земной коры. В этой базе знаний присутствуют следующие элементы:

Гипотезы: PT- Платинометалльный рудный район; RN - Платинометалльный рудный район в стратифицированных комплексах; RL - Платинометалльный рудный район, связанный с расслоенными интрузиями, приуроченными к трансформным разломам; RM - Платинометалльный рудный район в расслоенных интрузиях

самых рифтов; ОА – Рифтовые структурно-вещественные комплексы; ОВ – Активизационные структурно-вещественные комплексы; ОС – Рудоносные комплексы платинородных районов; ТА – Структурные характеристики; ТВ – Геофизические характеристики; SC – Вещественные характеристики.

Факты: А – Зона палеорифта, включающая систему субпараллельных линеаментов и ограниченная глубинными разломами; В – Поля трансформных разломов, возможно, смещающих структуру палеорифта; С – Крупные кольцевые структуры, соизмеримые с поперечными размерами зоны палеорифта; D – Палеорифтовый осадочно-вулканогенный комплекс с базитовыми и/или бимодальными вулканитами; Е – Поля мафитовых-ультрамафитовых интрузий; F – Зона сочленения разнородных тектонических структур, выделяемая на основе линейных градиентов гравитационного поля или зоны повышенных значений градиентов силы тяжести; G – Цепочки положительных гравитационных аномалий, возможно, связанных с телами мафит-ультрамафитовых интрузий; H – Локальные положительные магнитные аномалии, сосредоточенные в пределах более крупных отрицательных аномалий магнитного поля; I – Зона диагональных (по отношению к палеорифту) разрывных нарушений; J – Поля разнонаправленных локальных разломов в пределах палеорифтовой структуры, K – Средние по размеру кольцевые структуры размером менее половины ширины палеорифта; L – Поля распространения метасоматических ассоциаций, наложенных на комплекс вулканогенных пород и мафит-ультрамафитовых интрузий; M – Поля мафических даек, входящих в палеорифтовую структуру; N – Поля гранитоидных малых активизационных интрузий; O – зоны разуплотнения, связанные с отрицательными гравитационными аномалиями; P – Локальные зоны неоднородностей магнитного поля; Q – Мафит-ультрамафитовые расслоенные интрузии, приуроченные к зоне рифта или трансформным разломам; R – Углеродсодержащая формация осадочно-вулканогенного комплекса; S – Область проявления невысоких магнитных положительных аномалий, связанных с полями вулканитов; T – Область проявления незначительных отрицательных гравитационных аномалий на фоне высоких значений положительных аномалий силы тяжести; U – Поля развития мелких кольцевых структур; V – Зоны складчато-разрывных дислокаций; W – Локальные зоны неоднородностей магнитного поля, связанных с метасоматитами; X – Площадь соответствующая крупному положительному гравитационному максимуму. Цифровые значения,

показанные у каждой гипотезы или факта, отвечают степени уверенности эксперта специалиста применимости их к прогнозируемому заключению по исследуемому району. Приведенные выше примеры изучения вещества рудоносных районов Земли, ее происхождения при образовании Солнечной системы, основанные на глубоком анализе собственных материалов многолетних исследований и литературных источников, позволили подойти к не только познанию генезиса оруденения, но и изначальной его природы.

Это привело уже опытного геолога к научно-философскому пониманию единства материального мира, хотя бы на примерах существования и развития никелевого и платинометального вещества Земли. Ее формирование происходило из разного по составу вещества солнечной небулы (газо-пылевого облака), где, например, углеродистые хондриты обогащены ПГЭ: Ir, Re, Os, Ru, Rh, Pt, Pd и в меньшей степени Au и Ni, в то время как энстатитовые хондриты обогащены более летучими из них, такими как Pd, Ni, и Au. Отсюда можно было сделать вывод, что Земные регионы аккрецированные из таких хондритов, отличаются от регионов, составленных из ординарных хондритов, количествами ПГЭ, Ni, Au и летучих элементов. При ранней дифференциации Земли были образованы ядро и первичная мантия, которая обеднялась ядром по ПГЭ, а также Au и Ni. Тяжелая бомбардировка метеоритами в конце гадейского этапа жизни Земли (4.0-3.8 млрд лет назад) уничтожила раннюю мантию и возникшую первичную мафит-ультрамафитовую кору. Но эта бомбардировка вновь добавила ПГЭ, Au и Ni в формирующуюся после этого архейскую мантию, а затем и кору. Это и послужило источником ПГЭ, Ni и Au для пород, минерализации и месторождений последующих геологических эпох.

Многие геологи могут не согласиться с этими взглядами, но они родились вне идеологической и экономической зависимости человека, увлеченного одной лишь наукой – геологией, свободной, как ветер и вода в природных явлениях.

Такова судьба и система философских взглядов геолога, который начал свой профессиональный путь в далекие советские времена и продолжает на современном этапе развития России.